Я
Алиса Шер
БЫЛА
ЖЕНОЙ
НАГИЕВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Алисы Шер посвящена Дмитрию Нагиеву — одному из самых популярных телеведущих. В средствах массовой информации его называют секс-символом страны. Это откровенная история взаимоотношений двух известных людей. Шер живо, остроумно и с огромной симпатией рассказывает о своем бывшем муже, о его взглядах, вкусах, интересах и увлечениях.

- Алиса Шер
  - Пролог
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ПОСЛЕСЛОВИЕ

Алиса Шер
Я БЫЛА ЖЕНОЙ НАГИЕВА

Пролог

Наличие жены в Диминой жизни тщательно срывалось под покровом тайны. Покров украшался золотой вышивкой нелепых слухов и окаймлялся пышной бахромой догадок. Как-то в интервью на прямые вопросы журналистки «Кто такая Алиса Шер? Вы муж и жена или все-таки нет?» Нагиев умудрился ответить: «Что вы хотите узнать? Муж я или жена Алисе Шер? В какой-то статье было написано, что она вообще мужик… Поэтому беру тайм-аут до выяснения достоверной информации. И если выяснится, что Алиса Шер- мужчина, мы подружимся, если женщина — поженимся».

Меня забавляло остроумие Дмитрия…

Но недавно некоторые средства массовой информации разом заговорили о факте бракосочетания в жизни Нагиева, упоминая не то существующую жену, не то бывшую.

Думаю, пришло время приоткрыть завесу, чтобы прояснить для всех желающих (да и для себя самой, если честно) несколько моментов. Во-первых, кто кому муж и жена. Во-вторых, мужчина или женщина Алиса Шер. А в-третьих, сняв с Димы маску пафосного ведущего, показать его таким, какой он есть на самом деле.

Мы были вместе восемнадцать лет, но я до сих пор его не знаю. Этот человек навсегда останется для меня загадкой. Богом и дьяволом в одном лице. Иногда мне кажется, что, встретив его, я вытянула самый несчастливый билет в своей жизни. А иногда — наоборот: больше, чем повезло мне, не повезло никому.

Путем нехитрой арифметики можно подсчитать, что прошло полжизни… Но я по-прежнему жду его звонков, хочу видеть его и разговаривать с ним — также, как и в самом начале этой истории…

Алиса Шер

ГЛАВА 1
НАЧАЛО

В то время мне было девятнадцать лет. Студентка второго курса, я изучала экономику и организацию театра в ЛТИ, а по вечерам посещала театральную студию во Дворце молодежи.

Дворец молодежи! Теперь можно лишь ностальгически улыбаться, уже не помня всей сладости этого словосочетания, но тогда — каким заманчивым, каким неимоверно привлекательным казалось это здание! Только что отстроенное, непривычно-стеклянное, огромное, оно манило своими кафе, интриговало барами, сулило новые знакомства и развлечения. И именно в нем, а точнее — в той самой театральной студии, произошла встреча, ставшая для меня судьбоносной.

Здесь мы, пятнадцать человек, занимались, дурачились и репетировали мини-спектакли. На фоне подавляющего женского большинства особенно колоритно смотрелись наши редкие мальчики: Быкаревич, Горшков и еще один, с очень сложной, а потому абсолютно не запоминающейся фамилией.

Как-то к нам на занятия пришел парень, поразивший меня своей внешностью: это был не просто красивый мальчик, а безумно красивый! Стройная фигура, правильные черты лица и совершенно потрясающие глаза. А еще у него была потрясающая кожа цвета персика, такого нежного и чуть-чуть недоспелого.

Одной лишь этой неземной красоты, к тому же в немыслимо модных штанах и в не менее модной куртке (в то время — настоящий космос!), вполне хватило, чтобы очаровать всех девушек в нашей студии. Но кроме великолепной внешности новенький обладал еще и безумной самоуверенностью, граничащей с наглостью. Поэтому стоит ли удивляться, что он не только овладел сердцами юных студийных дев, но и практически со всеми встречался. Звали его Дмитрий Нагиев.

Девчонки вздыхали, «лелея томные надежды», но время шло, и вскоре стало раздаваться шушуканье, что Нагиев живет со Светкой Зверевой. Новость восприняли относительно спокойно, но большей части потому, что посчитали подобное развитие событий вполне закономерным.

Во-первых, Светлана обладала эффектной внешностью. Она умела себя подать и любила экстравагантные вещи. Признаться, ее огромная черная шляпа сводила с ума даже меня. Во-вторых, эта женщина являлась воплощением сексуальности, чем, полагаю, и привлекла Дмитрия: у нее были волнующие маленькие усики и

соблазнительные волосатые ноги. В-третьих, будучи лет на пять старше нас, Света имела неплохой заработок, воспитывала сына и жила в собственной однокомнатной квартире загадочной взрослой жизнью, о которой мы, восемнадцати- и девятнадцатилетние, могли только мечтать.

Разумеется, я тоже попала под обаяние этой женщины, и даже какое-то время ходила у нее в подругах. Но, как сейчас понимаю, если сначала мне действительно казались интересными и она, и ее компания, то впоследствии наша дружба служила лишь замечательным предлогом, чтобы увидеть Диму.

Не помню, осознавала ли я тогда, что он мне безумно нравится, но в любом случае прекрасно понимала, что такой мужчина никогда и не посмотрит в мою сторону. Ведь он — Дмитрий Великолепный, в то время как я — высокая девушка в заячьей шубе, с очками и в валенках.

Он не обращал на меня никакого внимания. Абсолютно. А я, тем не менее, продолжала всеми правдами и неправдами искать с ним встречи. Ноне зря говорят, что от любви до ненависти один шаг. Собственно, ровно столько, сколько и в обратную сторону. С Димой у меня возникало множество поводов убедиться и в том, и в другом. Видимо, об этом и будет моя книжка.

Совершенно не помню, почему мы с ним вдруг сцепились, из-за чего разгорелся яростный спор, только дело закончилось тем, что Дима схватил стакан и выплеснул из него воду мне прямо в лицо. Разругались мы тогда в пух и прах. Дмитрий Великолепный? Как бы не так! Утонченная сволочь!

В то же время следующую историю я люблю вспоминать до сих пор, и мне все кажется, что была она светлым, почти волшебным началом наших отношений.

Итак, случилось чудо, и мы вдвоем. Зима, тряский трамвай, везущий нас к Александро-Невской лавре. Мы бродим по заснеженному парку около лавры, разговариваем о жизни и учим друг друга плясать чечетку. Ощущения от сознания, что рядом со мной потрясающе красивый парень, феерические. И, конечно же, я даже не подозреваю, что в этот парк мы еще вернемся, и пытаюсь отогнать глупые мысли, что могу быть в него влюблена.

Влюбляться в Диму мне казалось бессмысленным. Ведь я была постоянным слушателем безумных историй, которые мне рассказывала Света, посвящая в тайны их взаимоотношений. К тому же я слишком близко видела, как Диме удается манипулировать влюбленными в него девицами и встречаться сразу со всеми.

Но феномен Дмитрия заключается в том, что ни одна женщина, даже видя его с другими и понимая, что он с ними

спит, просто не отдает себе отчет в происходящем. Как гипноз, честное слово! Каждая считает, что она особенная и единственная и что именно с ней он потом останется. Поэтому волна массового помешательства на Дмитрии Нагиеве захлестнула и меня.

Кстати, Светка как-то раз пришла домой и увидела его в постели с другой женщиной. И выгнала.

* * *

Дима обратил на меня внимание ещё в тот самый первый, 1985-й, Новый год. Мы справляли его в гостях у Светиного друга. После официальных развлечений: конкурсов, выступлений и танцев — наступила неофициальная половина вечера. Я не принимала в ней участия за отсутствием притязаний на кого бы то ни было из присутствующих.

Поэтому стою на кухне, в гордом одиночестве мою посуду. Тут входит Нагиев и пристально смотрит куда-то вниз.

— А ноги-то, ничего, — говорит, — Алис, красивые.

Приближается, проводит рукой по моим бесконечным ногам и движется дальше — вверх, под юбку. Я замираю. В голове проносятся разные мысли, в том числе и о готовящейся к полёту тарелке. Но в первую очередь, конечно…

Тут совершенно не кстати в кухню заходит Света, и мы с Димой прерываем наше интимное соединение. С тем чтобы продолжить его в другой Новый год, наступивший только через пару лет.

За эти два года происходят разные события, замечательные и не очень: студия распадается, в политике появляется Горбачёв, в Чернобыле взрывается атомная станция, Дима уходит в армию.

Но перед тем эпохальным, по крайней мере в моей жизни, Новым годом, с которого всё по-настоящему и началось, вдруг звонит Зверева и предлагает вместе поехать на какой-то праздник. Я соглашаюсь:

— Ну поехали.

— Тебя ожидает потрясающий сюрприз! — интригует она меня и наотрез отказывается рассказать, какой именно.

Когда мы добрались, Света оставила меня в зале, а сама ушла переодеваться Дедом Морозом. Меня кто-то окликнул, я поворачиваюсь — и вижу Диму Нагиева.

И от того, что я увидела, что услышала его голос — бог мой, ведь прошло почти два года! — меня вдруг переполнила безумная радость. Когда мы уже поженились, Дима откровенничал, что так ему не радовался никто и никогда.

Мы вышли из зала, сидим на лестнице, курим. То есть это я сижу, потому что стесняюсь своего роста, и болтаю всякую чепуху: якобы за это время вышла замуж и уже развелась — понятно, конечно, что просто вру. А Дима в ответ рассказывает, что служит в армии, что приехал на неделю в отпуск. Между прочим сообщает:

— Хочу поступать в Театральный институт.

Я отвечаю:

— Ну и замечательно.

И принимаюсь повествовать о том, кто да как принимает экзамены… И предлагаю обменяться телефонами, на случай если я смогу узнать что-нибудь полезное для него в институте. Так у меня появляется номер Диминого телефона.

И мы настолько душевно друг с другом беседуем, буд-то никогда и не расставались. А уж о том, как мы не любили друг друга в студии, и вовсе не вспоминаем. Впрочем, так же, как не вспоминаем и тот интимный эпизод на кухне.

Впечатлений от этого разговора у меня осталась уйма — я пока домой возвращалась, всё думала, как же здорово, что мне удалось пообщаться с Нагиевым. Переживаний хватило бы на десятерых! Вокруг снег, позёмка, холод, темнота, а мне всё каким-то волшебно-розовым кажется. А на самом-то деле, подумаешь, минут 10 всего и разговаривали. И провожать он пошел не меня, естественно, а Свету.

До Нового года оставалось три дня.

* * *

Тот Новый год я праздновала у себя дома в компании двоюродной сестры Ирины, дачного приятеля и его друга. И вот где-то в 2 часа ночи, уже в новогодне-возбуждённом состоянии духа, чёрт меня дёрнул набрать заветный телефон.

— Дим, привет, это Щелищева. Что делаешь? Если хочешь — приезжай.

Начав лихорадочно одеваться, на «что делаешь», к предложению «приезжай» Дима уже полностью собрался и открывал дверь, чтобы выйти из квартиры.

Он приехал и, естественно, стал «грязно приставать» к моей двоюродной сестре. Конечно, ведь моя сестричка была чудесной, маленькой и очень симпатичной девочкой. Правда, в списке её достоинств присутствовало и такое, как скромность, а потому Ирка в скором времени уехала. Просто сбежала, надо полагать. Дима до сих пор над ней смеётся:

— Если бы тогда не удрала, еще не известно, кто бы ездил на «Мерседесе» и был бы директором ресторана.

Потом уехал мой молодой человек, очевидно, посчитав, что я слишком много уделяю внимания Нагиеву и слишком мало — ему. Уходя, он замер в дверях и печально предрёк мне: «Я знаю, рядом с этим мужчиной ты прольёшь очень много слёз». Как сейчас помню его печальные глаза и последнее «я тебя люблю…»

Меня всегда восхищали женщины, способные разбрасываться влюблёнными поклонниками, но я никогда не относила себя к их числу. Собственно, и поклонники-то были редкостью, а тут вдруг получается, что я «кинула» хорошего влюблённого парня. Да ещё в Новый год! Столько лет прошло, а я всё мечтаю встретить его и утешить: «Всё было ещё кошмарнее, чем ты мог себе даже представить!»

Эта ночь закончилась в квартире моей подруги. В 4 часа утра мы — моя приятельница Катька с мужем и я с Нагиевым — всё-таки решили лечь спать. Между нами соорудили подобие ширмы из одеяла и простыней. То, что случилось дальше, обычно называют «ночь любви». Да, это была она: в чужой квартире, рядом с посапывающими друзьями, в Новый год и после приличного количества аперитива… Но почему-то мне никогда и в голову не приходило, что она могла быть лучше, если бы хоть что-то происходило по-другому…

Утро. Первое января. Стоим на трамвайной остановке.

— Я тебе позвоню, — говорит Дима.

Отвечаю:

— Конечно, звони.

И на двести процентов понимаю, что никто никому не позвонит. Что этот потрясающий диалог произносят миллионы мужчин и женщин. Они также стоят утром на остановках, потом женщина слышит многообещающее «я тебе позвоню», и сердце, вместо того чтобы расправить крылья и взлететь в небо, бухается вниз. И никогда не бывает так, чтобы всё случилось иначе.

Но, о чудо, Дима звонит на следующий день. И мы даже проводим вместе весь его отпуск. А в последний вечер Нагиев берёт меня за руку и говорит:

— Если ты дождёшься меня из армии, мы поженимся.

* * *

Всё то время, пока он был в армии, самым любимым моим человеком являлся почтальон. Я не только чётко знала, когда и во сколько приходят письма на почту, но дневала и ночевала у

почтового ящика, ожидая дородную тётушку с пухлой синей сумкой. То есть, конечно, не тётушку, а Диминых писем. И радость, когда они приходили, была немыслимой!

Нагиев всегда подписывал свои письма «Мастер», по ассоциативному ряду отсылая к «Мастеру и Маргарите». Его вензелеобразное «М» я, наверное, могла бы с точностью воспроизвести хоть сейчас. Мои же письма завершала нелаконичная подпись: «Бегемот, который очень хотел выйти замуж».

Иногда я отправляла Диме посылки. Помню, в одной были необычные для того времени сигареты «Danhill». Их еще нигде не продавали, а потому странной формы зелененькие коробочки вызывали сильное подозрение у армейского руководства. Даже умножать не буду количество пачек на двадцать, но каждую сигарету, не знаю, штук двести, может быть, подвергли вскрытию на предмет обнаружения в ее составе наркотических веществ. В общем, так Диме эту посылку и не отдали.

А ещё я «ездила в армию». На всю жизнь сознанием запечатлён довольно холодный апрельский день, знаменательный тем, что был он Днем Его Рождения.

Естественно, собираясь в такое втройне ответственное путешествие: в армию! к Диме! день рождения! — я сложила в большую сумку много еды, разные «вкусности», свою самую парадно-выходную одежду, а также карты, очки, ключи от квартиры и удостоверяющие мою личность документы.

И вот, стою на Московском вокзале, лучусь от счастья. Подают поезд. Я, продолжаю сиять, захожу в вагон. И только когда уже состав отправляется в путь, вдруг понимаю, что я-то уехала, а вот сумка… она осталась на платформе.

Утром поезд прибыл в Вологду, где располагалась Димина часть. В руках у меня только торт «Рыжик» собственного изготовления, уложенный в большую картонную коробку. Находка для сценариста: девушка и торт «Рыжик» на вокзале в Вологде в 5 часов утра.

Полный бестселлер!

Диме тогда дали двухдневный отпуск. Если кто не помнит, поселиться вместе в одном гостиничном номере без соответствующего штампа в паспорте было немыслимо. В дивные советские времена, когда сексуальная революция сулила окончательное разложение капиталистическим странам, в нашей стране блюли «облико морале».

Правда, блюли довольно странным образом. «Идите, пожалуйста, — говорили нам взрослые тёти за высокими стойками гостиниц маленького города, — и трахайтесь а

казармах». То есть в казармах можно, а в нормальной мягкой и чистой кровати — нельзя?

Но не зря человек гордо классифицирует себя как homo sapiens, ибо разум способен победить любую «систему». Так, говорите, однополые существа могут поселиться вместе? Хорошо! Расселяемся следующим образом: я — с тётенькой, Дима — с дяденькой. А вечером «ничего не подозревающий» дяденька собирается в гости к другу. Ровно до 23 часов, после которых все должны разойтись по своим номерам. Надеюсь, его друг оказался женщиной, удивительно приятной во всех отношениях.

… Из армии я Диму дождалась.

* * *

Дима вернулся 18 июня, в мой день рождения.

А в скором времени сделал предложение выйти за него замуж, кстати, в том самом парке Александро-Невской лавры, где мы когда-то гуляли и где я чувствовала себя такой счастливой и уже чуточку влюблённой.

Странная была история… Мы как всегда шли от Фонтанки. Как всегда, потому что на Фонтанке находились и моя работа, и Театральный институт, куда в то лето поступал Дима.

Обычно он встречал меня после работы, и мы шли пешком вдоль всего Невского и дальше — к Александро-Невской лавре. В этот вечер всё было так же. Мы зашли в парк, сели на скамейку, и Дима вдруг сказал:

— Выходи за меня замуж.

Одновременно с его словами из окна близстоящего здания высунулась женская голова и истеричным голосом завопила:

— Ходят тут проститутки, без юбок, неизвестно чем занимаются!

А почему, собственно? Юбка на мне была, страшно модная, джинсовая и очень коротенькая. Ну и что с того, что у прохожих возникало ощущение, будто я ее дома забыла? Но ведь не без юбки же!

А здание это, кстати, оказалось сумасшедшим домом.

До того как мы поженились, встречаться нам было совершенно негде. Интимно встречаться, конечно же. Поэтому придумывались: например, я говорила маме, что иду смотреть, как разводят мосты, а сама уезжала ночевать к Диминой двоюродной сестре.

Наташа выделяла нам одну из комнат, с балконом, куда мы выходили ночью курить. Это было удивительно романтично:

отдельная комната, балкон на первом этаже, белые ночи и сливающийся с предутренним туманом дым сигарет.

Ещё мы встречались у моей подруги. Ждали её после театра, делая вид, что просто гуляем и я останусь ночевать у неё одна. В общем, маленькие несмышлёные дети, мечтающие нашалить.

Это ощущение, что мы были очень маленькими и глупыми, подкрепляется воспоминаниями о собственной необразованности в сексуальном аспекте. Например, я помню, что вечером Наташа приносила мне какие-то тряпочки. А ведь я тогда совершенно не понимала, что это за тряпочки и зачем они мне нужны!

В отличие от меня, Дима к тому времени умел и понимал гораздо больше. Правда, об этом я узнала несколько позже. Я вообще не любила расспрашивать его о прошлом. Да и какое могло быть прошлое, когда мы познакомились в восемнадцать лет! Но это по моим представлениям, разумеется.

Осознание, что интригующее прошлое в Диминой жизни всё-таки есть, начало приходить ещё до свадьбы. Реальность стала стучаться в мою дверь с того самого дня, когда мы подавали заявление в ЗАГС.

Отстояв очередь и заполнив все необходимые бумажки, мы наконец попали в заветную комнату. И вот дело доходит до просмотра Диминого паспорта, а там на месте, где должен в скором будущем стоять штамп, что-то написано и затёрто. Интересно, что я должна была подумать? Естественно, мне пришло в голову, что он уже был женат. Нет, ещё я подумала, что он женат до сих пор. Настроение у меня испортилось колоссально.

И вот тогда Дима рассказал мне мелодраматическую историю о своей первой любви: прекрасная девушка, учившаяся вместе с ним в одной школе. Ради счастья постоянно находиться рядом со своей возлюбленной Дима поступил вместе с ней в ЛЭТИ. Потом привёл жить к себе домой. Естественно, ему казалось, эта любовь навеки, и он даже вписал имя девушки в свой паспорт. Мелодраматической же история названа потому, что, как и большинство «первых любовей», и эта была несчастной. Более того, Дима, человек импульсивный и горячий, не выдержав ухода возлюбленной и её измены, после очередного разговора резал себе вены. Пометки на руке остались до сих пор.

Могу себе представить, какой шок испытал его брат, вернувшийся домой и увидевший истекающего кровью Диму. Конечно, он вызвал «скорую». И несчастного влюблённого увезли в психиатрическую больницу.

Теперь Дима очень любит рассказывать этот эпизод. На мой взгляд, есть в его рассказах приличная доля какого-то

подросткового эпатажа: мол, смотрите, на какие поступки я готов ради великого чувства!

Заявление мы всё-таки подали. Ожидание в течение двух месяцев представлялось вполне сносным бюрократической системе, но нам так не казалось. Мы решили форсировать события. А поэтому устроили себе медовый месяц ещё до свадьбы и на август уехали за город. Сняли маленький деревянный домик на станции Горская, недалеко от Сестрорецка. Хотя «домиком» это сооружение назвать было бы довольно трудно. Так, времяночка. Зато у нас была электрическая плита, на ней мы жарили самостоятельно собранные в лесу грибы.

Сейчас я полной уверенностью могу сказать, что медовый месяц был самым счастливым периодом в моей жизни. И не только потому, что наконец-то я могла находиться рядом с Димой и не придумывать легенд для мамы, но и потому, что тогда я была абсолютно уверена: Дима меня любит и я у него единственная.

Во все другие годы у меня довольно часто возникали сомнения в собственной эксклюзивности.

* * *

Свадьбу назначили на 7 сентября. Готовились мы к ней не долго. Потому что зачем готовиться, если денег в принципе нет. Хотя в те чудесные годы ничего нельзя было купить в любом случае.

В ЗАГСе, правда, выдавали талоны, на которые «молодые» могли «отовариться» в магазине «Юбилейный». Всё, что мы в нём нашли и купили — это небольшая веточка, предназначенная украшать причёску невесты.

Я потом эту заколочку очень долго хранила, лет 10, наверное, после нашей свадьбы. Как талисман. В течение многих лет я перекладывала белый цветочек с места на место, но потом он куда-то испарился, и, может быть, именно поэтому…

Но это позже. А пока — конец 80-х и два влюблённых человека в предвкушении начала совместной жизни.

Свадебного платья мы не искали и даже не планировали его покупку. Я подумала: мало того, что я выше Димы ростом, а если на меня ещё и эти «занавески» надеть, то в них я вообще буду выглядеть огромной.

Фата тоже мне казалась лишним аксессуаром, абсолютно не сочетающимся с очками. Вместо белого платья я надела серый костюмчик и до последней минуты переживала, опасаясь, что

меня в таком виде не станут выдавать замуж. В те времена в обычные ЗАГСы разрешалось приходить без «спецодежды», а вот в имеющие статус Дворца бракосочетания, каковым являлся и наш, полагалось являться одетыми «по форме».

Это я сейчас говорю — «серый костюмчик», а на самом деле эти чертовски модные юбочка и свитер были куплены за скопленные неимоверными усилиями бешеные деньги — триста пятьдесят рублей!

На свадьбу я пришла в дивных колготках в сеточку и серебряных туфлях без каблука. И не просто без каблука, а практически лыжах! Причиной был всё тот же рост, который я всеми силами старалась свести к минимуму.

Перед Димой стояла противоположная задача: выглядеть рядом со мной выше. Не то чтобы мы как-то стеснялись нашей «неправильной» разницы в росте, но тогда нас всерьёз заботило впечатление собственных будущих детей. Мы представляли, как они будут рассматривать свадебные фотографии родителей и удивляться: ну надо же, а папа всё-таки выше мамы!

Поэтому костюм друга детства дополнили ботинки на каблуке, принадлежащие Диминому папе. И если Саша Полаченко с Димой были примерно одного роста и комплекции, то ботинки оказались, как бы помягче выразиться, немного великоваты.

Больше всего в этой свадебно-туалетной истории пострадал Димин отец. В конце «обряда» бракосочетания, когда гости поздравляют молодых и возлагают цветы этому стоящему в центре зала живому памятнику счастливой семейной жизни, N.N., поцеловав сына произнёс:

— Голубчик, давай поменяемся ботинками, твои мне безумно жмут.

Как, наверное, и все вступающие на ковровую дорожку к своей счастливой жизни, мы с Димой страшно волновались. Я не услышала ни одного слова из бесконечной речи, усилием воли заставляя себя ловить фразу, когда мне нужно ответить «да». В

горле пересохло, и наши глухие ответы скорее угадывались, чем действительно были услышаны. Кольца не хотели одеваться на влажные и распухшие пальцы.

Из последних сил и денег была заказана «Волга». Моя мама, всю жизнь проработавшая в СЭС, смогла во времена безумного дефицита, в том числе и продуктов, устроить своей дочери шикарную свадьбу в гостинице «Октябрьская».

На фотографии, которые должны были рассматривать наши будущие дети, волшебных бумажек уже не хватило. Единственное, что осталось нам как память об этом событии — 45-минутная бобина. В этом году мне наконец удалось переписать её на видеокассету.

Теперь, конечно, смотреть на все это очень забавно. Но, бог мой, как же мы всё-таки были радостны! И как неимоверно, немыслимо, безумно счастлива была я! Я не отводила от Димы влюблённого взгляда и бесконечно улыбалась.

А самое забавное, что мы ведь абсолютно не понимали, зачем все это делаем. И даже не предполагали масштаба последствий своего юношеского порыва.

* * *

Они забрели уже довольно далеко, но утреннее солнце, приятно ласкавшее кожу, пробивалось сквозь густые ветви деревьев и освещало узенькую тропинку. Там, за следующим поворотом, их ждала лесная вырубка с земляничными полянками и кустиками ромашек. Здесь можно наконец-то лечь, положив голову к нему на колени, беззаботно смотреть в далекое голубое небо, мечтая прокатиться, на упругой и мягкой перине проплывающего мимо облака. Или вон на том белоснежном драконе — прямо к замку с пятью башенками, постепенно превращающемуся в именинный пирог…

Трава приятно щекочет голые ноги… Наглый высокий стебелек настойчиво прикасается к его щеке. Упрямец не поддается на уговоры и ластится к нежной коже, вызывая щемящее чувство ревности.

— Я тоже так хочу, — шепчет она, проводя рукой от виска к уголку его губ.

Губы ловят замершие от наслаждения пальцы.

— Ну, хватит… я же не земляника.

— Ты вкуснее.

Ошалевшие от лета и счастья бабочки кружатся совсем близко.

Неразборчивое насекомое уселось ей на живот.

— А ты — цветок, — задумчиво констатировал он.

— Очень большой.

— И очень красивый. Хочешь земляничину? Разве цветы едят землянику?

— Не хочешь — сам съем.

Красная маленькая ягода оказалась у него во рту.

— Отдай, негодник!

И хотя вокруг них было полно кустиков со спелыми, призывно свисающими ягодками, она потянулась к его губам, на которых ещё остался сладковатый вкус… Сладчайший! А потом так приятно было гладить загорелые плечи и смеяться, когда с серьезным видом он сосредоточенно пытался пристроить в ее волосах полевые цветы.

— Мы сделаем тебе корону из ромашек. А по дороге домой будем вытаскивать и гадать.

Она распутала один цветок и с замиранием стала выдергивать листики: «Любит… не любит… плюнет… поцелует… к сердцу прижмет… к черту пошлет…» «К сердцу прижмет!» — ликовало забившееся сильнее собственное сердечко. Она закусила губу, пытаясь скрыть разочарование: а ведь так хотелось — «любит»…

ГЛАВА 2
ЖИЗНЬ СЕМЕЙНАЯ

Начало семейной жизни принято ознаменовывать первой брачной ночью. Честно признаться, я совершенно не помню, что тогда происходило. Скорее всего, ничего особенного, потому как «первой» эта ночь была лишь условно. Но тем не менее она отличалась. И отличие заключалось в захватывающем чувстве свободы, сопровождавшей отныне нашу любовь. Совершенно легально заниматься сексом — в этом был определённый кайф, недоступный современной молодежи, практикующей узаконенный общественным мнением гражданский брак.

После занятий любовью нас, дождавшихся родительского сна и разместившихся на кухне, захватывали беседы о жизни. Дима всегда был потрясающим собеседником. Он умел — да что я рассказываю, и сейчас умеет! — поддержать любой разговор, при этом делая интересной и забавной даже самую скучную тему. Поражает даже не то, что он умеет, а то, что при рождении его наделили двумя такими противоположными качествами, как ум и красота. Совершенство, одним словом.

Сентябрь. Мы живём в квартире моих родителей, в малюсенькой восьмиметровой комнате. Я работаю в Ленконцерте, а Дима начинает учиться в Театральном институте. И практически сразу после свадьбы его вместе со всеми советскими студентами отправляют в колхоз.

А я остаюсь одна и понимаю, что медовый месяц закончился. У меня был один только август, в течение которого в Диминой жизни не существовало никаких женщин кроме меня: ни в мыслях, ни рядом, нигде. И то, возможно, лишь потому, что найти в лесу красивую девушку гораздо сложнее, чем подосиновик. Отныне же началась совсем другая жизнь.

Когда он поступал в институт, я видела всех этих абитуриенток. Девицы были как на подбор — до неприличия соблазнительные. К тому же я сама там отучилась, а потому имела возможность наблюдать, как оно всё происходит на этих актёрских курсах.

Начавшись в колхозе, и дальше, во все годы учёбы, у Димы постоянно существовали какие-то романы. Меня не удивлял Нагиев, ведь я всегда знала, что он к женщинам не может оставаться равнодушным. Нет, меня удивляли девушки, совершенно не считавшиеся с его положением женат. При том что мы всегда и всюду ходили вместе, этим свихнувшимся особам хватало наглости цепляться за его руки и настаивать на повышенном внимании. Никто даже и не задумывался о том, что рядом сидит его жена.

Впрочем, ведь в то время, когда он жил со Светой, никого не останавливало наличие в Диминой жизни какой-то женщины, в том числе и меня. Я даже помню, как мы ездили всей компанией за город и, оказавшись вдвоем в одной комнате, целовались. Скажу больше, не только целовались. И когда вдруг вошла Зайцева, ни он, ни я не испытали никакого смущения. То есть тот факт, что он несвободен, нас, запасных и играющих на вторых ролях, совершенно не смущал. Неужели я ожидала, что со мной будет как-то иначе?

Ссорились мы по этому поводу ужасно.

После очередной ссоры я сожгла все письма. Целое море писем, своих и его, в том числе и эпистолы сумасшедшего количества девушек, с которыми он общался до армии. Эти письма заполнили огромную кастрюлю, где я и подвергла их аутодафе. Сейчас, конечно, очень жалею. Нет, не о чужих, детских и сопливых, что и вызвать-то не могли никаких чувств, кроме жалости и легкого сочувствия: «зачем вы, девочки, красивых любите…» Эти исписанные чужими старательно выведенными буквами бумажки я поджигала с доселе неизведанным мною удовольствием, основанным именно на том, что сложены они были вместе и без разбору. Тем самым я как бы отрицала индивидуальность каждой корреспондентки, сровняв между собой их розовые сиропли. Жалею только о Диминых письмах и своих. Так же жалею о всех изрезанных и разорванных за годы совместной жизни фотографиях. Но по-иному поступить было невозможно. Потому что во время наших ссор летело и уничтожалось всё, что подворачивалось под руку.

Мы, конечно, не били посуду, но бывали эпизоды и позабавней, чем пара-тройка разбитых сервизов. Среди прочих достойны упоминания одетая на мою голову тарелка каши и

улепетывание разъяренного Димы, несущегося по квартире с перекладиной от турника.

За столом в меня, помнится, летел кетчуп. Хорошо, что сзади находился кафель. Как специалист в этой области могу сказать: легче, чем с кафеля, кетчуп не смыть ни с какого другого покрытия. Впоследствии сколько бы мы ни делали ремонт, всегда поднимали вопрос, что же должно окружать обеденный стол: что-нибудь темное или все-таки кафель? Чтобы кетчуп смывать.

* * *

Естественно, все свои похождения Дима называл «дружбой», убеждая в том, что я обладаю чрезмерно богатой фантазией. А я покупалась на эту незамысловатую мужскую лесть, и дилемма — признаться себе в отсутствии фантазии или в беспочвенности подозрений — решалась всегда в пользу последних. По крайней мере, не так обидно.

Тем не менее любовных историй у Димы было пруд пруди.

Как-то на первых курсах он курил с приятелем, и вдруг на нашей грешной земле, да не где-нибудь, а в институтской курилке, появилась Она, спустившаяся с заоблачных высей: сногсшибательно красивая, безумно популярная, под руку с известным режиссёром. Лицо из телевизора, «звезда» и всё такое. Видимо, безграничное благоговение, прочитанное в глазах нищих и пока ещё безвестных студентов, ей, королеве кино, польстило. По крайней мере, она «кинула» Диме: «Красавчик какой!» — и удалилась обратно на горы телевизионного Олимпа.

Через некоторое время Дима встретил свою богиню на Невском (в комплекте с режиссёром, разумеется). Она, взяв юного птенца под своё властное крыло, провела его в кафе Дома журналистов. Богемные заповедные места, щедрость знаменитой женщины, близость того самого известного режиссёра, вожделенные взгляды — всё это не могло оставить равнодушным ни одного молодого человека, и Дима, естественно, благополучно напивается. Впрочем, богиня тоже.

Режиссёр явно нервничает, потому как дальше события разворачиваются в духе американского кинематографа. Сцена, вполне достойная нью-йоркского бара.

— Слушай, по-моему, я порвала колготки, — сообщает богиня томным шепотом, склоняя своё известное всей стране лицо к лицу падкого на соблазны юноши.

— Дались тебе эти колготки! — отвечает Нагиев и начинает срывать их со звёздных ног.

Тут нежная психика известного режиссёра не выдерживает накала заграничных страстей, и он вызывает охрану. Диму под руки выводят из зала. За удачно сыгранную роль второго плана Нагиев получает Оскара. То есть номер телефона кинозвезды, конечно же.

Я узнала об их взаимоотношениях совершенно случайно. Как-то Диме пришлось на месяц лечь в больницу.

— Алис, — жалуется утром, — у меня изо рта всё вываливается.

Привыкнув к тому, что он меня постоянно разыгрывает, отшучиваюсь:

— Да ладно, хватит придуриваться…

— Нет, ну посмотри: вот я беру в рот глоток чая, а он у меня выливается.

В больницу Диму срочно отправил его преподаватель, страдающий той же болезнью — парезом лицевого нерва.

Именно в больнице я и встретила Димину пассию. Сначала я, конечно, просто опешила, ведь в первый раз увидела её наяву, а не на экране. Дима нас познакомил:

— Это — Лариса, а это — Алиса; ой, чего-то мне не хорошо.

И ушел. Мы остались вдвоём. А Она вся такая раскрепощённая, и на самом деле безумно хороша, чертовка.

Я совершенно искренне очень долго не могла понять, почему она пришла к нему, с какой такой стати? Что за придурь у этих звёзд — навещать больных и убогих?

В те же годы в институте преподавала одна дама, лет 30 с хвостиком. И вот в Диминых разговорах вдруг стали постоянно проскальзывать фразы: «наш педагог по гриму» да «какая замечательная женщина»… Мне это, конечно, показалось странным, но не более того. Почему-то я не придала этому значения. Как вообще никогда не придавала значения подобным вещам. Идиотка.

И как-то раз Дима мне сообщает:

— Представляешь, наша замечательная N.N. нашла нам работу.

В то время во дворце Белосельских-Белозёрских началась череда светских раутов, а «замечательная» педагог по гриму нарядила нескольких своих студентов в ливреи и привела туда работать швейцарами. Они открывали двери, помогали дамам и господам снимать шубы и провожали на светские рауты. За это симпатичным студентам платили какие-то деньги и, видимо, ещё кое-что… Потому что после работы Дима звонил мне и сообщал:

— Алиса, я тут у педагога по гриму и не приду ночевать.

Наверное, всю ночь грим накладывали. Показательный.

* * *

«Расколола» я его совершенно случайно. В очередной раз Нагиев позвонил домой:

— Мосты развели, всё сгорело, доехать до дома невозможно, звоню от приятеля, останусь у него ночевать. Да и до института отсюда ближе.

Я без тени сомнения отвечаю:

— Ну, конечно!

А на следующее утро раздаётся звонок с Ленфильма: ищут Нагиева, чтобы пригласить на роль Лермонтова. Естественно, я, вся в счастье, звоню приятелю и прошу позвать к телефону Диму.

Мне отвечают:

— Диму? А у нас нет Димы.

Я, всё ещё не понимая идиотизма ситуации, продолжаю настаивать:

— Понимаете, я жена Димы Нагиева, он оставался у вас сегодня ночевать, потому что ему ближе к институту. Вы не могли бы позвать его к телефону?

И мама приятеля так отчётливо, спокойно и немного сочувственно мне говорит:

— Девушка, мне бы очень хотелось сказать Вам, что он у нас был. Но у нас его не было.

Господи, какая же я дура! Как я могла верить ему? Как я могла верить во всю эту сказочную ложь, про «я никогда тебе не изменял»? Почему так сладко замирало сердце, стоило лишь услышать заветное «всегда любил и люблю только тебя одну»? И зачем он говорил мне это, если всё — ложь и обман…

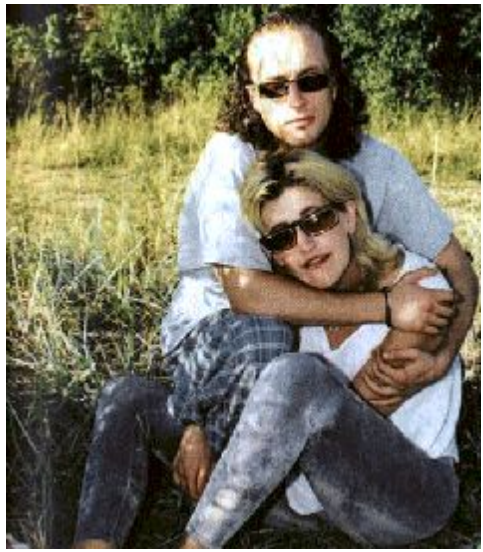
А некоторые его слова я теперь классифицирую просто как особо изощрённое мужское издевательство.

— Представляешь, — говорил мне иногда Дима, — станем мы старенькие, будем бродить по парковым аллеям, постукивая палочками, и вспоминая о нашей жизни…

У меня обычно от таких трогательных разговоров на глаза наворачивались слёзы. Я умоляла прекратить, а если он продолжал, то начинала рыдать, и всё это заканчивалось моими признаниями в вечной любви:

— Я хочу умереть раньше тебя! Я не смогу без тебя жить!!!

Вот насколько сумасшедше-влюблённой я была. Наверное, случись мне стать свидетельницей самой откровенной измены, я и тогда не заметила бы, что в мире существует кто-то кроме него и меня… Не знаю, как у меня с фантазией, а методиками самовнушения я обладаю в совершенстве.



До сих пор удивляюсь, почему же я всегда ему всё прощала? Может быть, дело в неожиданных подарках и сюрпризах — у Димы они всегда получались оригинальными, незабываемыми, романтичными. Особенно когда нужно было скрасить негативные впечатления. Помню, звонок в дверь, открываю — никого нет, стоят только ботинки. А на ботинках лежит гвоздика. За такие вещи можно все простить. И все отдать, не раздумывая.

* * *

То, что я беременна, я поняла в Новый год. Пожалуй, самый скромный из всех, какие только мы отмечали в своей жизни. Шиковать тогда ещё было не на что: у меня зарплата сто тридцать рублей, у Димы — стипендия, целых тридцать. И вот к этому, и так довольно плачевному финансовому состоянию, ещё добавляется вдруг моя беременность. Но я всё равно безумно обрадовалась. А вот Дима…

Представьте себе, первый курс Театрального института, лет и мне и ему — кот наплакал. Он, естественно, просил меня подождать, а я, естественно, просила не просить меня подождать. Без сомнения, Дима был ещё не готов к такому повороту сюжета. Откровенно говоря, и я была не готова.

Дима всё чаще ночевал у своих родителей, а вскоре и вовсе перебрался к ним. Он периодически звонил — я не подходила к телефону. Больше всего мне не хотелось в это время слышать его просьбы «перенести» роды на какое-нибудь отдалённое будущее, хотя бы подождать, когда он закончит институт. Я совершенно не хотела Диму терять, но делать аборт я не хотела ещё больше.

Более того, я легла на сохранение. Будущий отец в это время гулял и «квасил». Это было обидно, дальнейшие отношения казались не только невозможными, но и бессмысленными. Вышла я из больницы с глубоким убеждением, что не буду рядом с ним никогда.

Живот мой рос, я читала книжки «Молодым родителям», готовясь стать образцовой молодой родительницей, и мечтала о том, что назову сына Димой. И о возвращении Нагиева тоже мечтала, но не признавалась в этом даже самой себе.

Восьмого марта Дима позвонил и предложил встретиться на нейтральной территории. Мы выбрали станцию метро «Маяковская». При встрече он подарил мне набор «духи и дезодорант» со словами:

— Давай забудем всё плохое и будем воссоединяться.

Я тогда ревела белугой. Представляете, стоит великоростная девица в длинном элегантном красном пальто и рыдает на весь Невский. Конечно, я согласилась, а как вы думали?

Всё было совсем не так замечательно, как казалось в тот праздничный весенний день. Потому что на самом деле почти ничего не изменилось. Просто Дима перестал упрашивать меня «подождать».

И всё же с ним было намного лучше, чем без него. Правда, от романтических мечтаний назвать сына в честь отца пришлось отказаться. Потому что стало не актуально. Вариантов было немного. Вначале Дима хотел назвать нашего сына Яном. И что бы получилось? Ян Нагиев? По-моему ужасно. Позже, уже в роддоме, Дима предложил на выбор: Андрей, Денис или Кирилл. Не скажу, что хотя бы одно мне как-нибудь особенно понравилось, но ссориться не хотелось. Я ужасно боялась противоречить Диме, зная, какую бурную реакцию это может вызвать. Поэтому просто выбрала из трёх имён самое для себя приемлемое: Кирилл.

Но при регистрации я неожиданно получила, как говорят дуэлянты, удовлетворение. Дима, заполняя необходимую бумагу, записал: «Кирил Дмитриевич Нагиев». Подаёт в окно — ему возвращают: говорят, нет такого имени; он снова пишет — опять возвращают: «Молодой человек, прочтите внимательно». Долгое препирательство закончилось открытием: Кирилл пишется с двумя «л»!

Как ни странно, Дима оказался потрясающим отцом. За что я его ещё больше люблю и прощаю ему все наши ссоры во время беременности. Ведь не так уж легко учиться в Театральном институте и при этом быть отцом маленького ребёнка. Учёба — это подъём в 8 часов и занятия до позднего вечера. А ребёнок —

это кричалка и шумелка, живущая по своим собственным часам. Кирилл, например, полагал, что бодрствовать нужно до 4 часов ночи, и переубедить его не было никакой возможности.

Представляю, как Диме было тогда тяжело, потому как он всегда обладал удивительно чутким сном. Стоило мне пошевелиться в постели, тут же следовал вопрос: «Ты куда?» А что «куда»? Куда люди по ночам ходят?

В первую же ночь, когда мы с сыном вернулись из роддома, первым на крик, естественно, проснулся папа. Даже вспомнить страшно, как я тогда испугалась. Шепчу: «Скорую! Срочно! Дима, он умирает!» Я, конечно, слышала, что дети плачут по ночам, но про то, что и мой ребёнок не отличается от остальных, я тогда узнала впервые. Потому что до этого спала как убитая.

Сейчас я понимаю, что на месте Димы сошла бы с ума и давным-давно сбежала. А он стирал пелёнки, ведь никаких памперсов в то время ещё не продавалось, и возил Кирилла ночами по квартире в коляске, держа в свободной руке какой-нибудь учебник.

Но бессонные ночи — это ещё не всё: после рождения Кирилла наше материальное положение, и так не блестящее, соответственно, ухудшилось. Мы жили на деньги родителей и абсолютно ничего не могли себе позволить. Вкус сыра и колбасы мы забыли. А Дима и позже всю нашу совместную жизнь, открывая холодильник, по привычке спрашивал: «А это можно съесть?» — всяческие вкусные и полезные продукты в первые годы, естественно, покупались только ребёнку.

* * *

С деньгами нужно было что-то делать. Работу искали везде. Но устроиться куда-то оказалось очень сложно.

Как-то в пик нашего безденежья к Диме, ожидавшему меня в Катькином садике, подсела красивая женщина. Они разговорились о жизни, о том о сём… А потом она спрашивает:

— Не хочешь поработать?

— А что за работа?

— Да здесь, рядом. Пойдём, посмотришь. Работа не пыльная…

— Я, — говорит Дима, — учусь в Театральном институте.

А она ласково улыбается:

— Ну что ж, практически по профессии.

Там, куда она его привела, снимались первые отечественные порнофильмы. Дима по моральным соображениям отказался, но

ужасно страдал, потому что эта работа могла кардинальным образом повлиять на наш семейный бюджет. Не знаю, правильно ли он поступил. И дело, разумеется, не в деньгах, а в том, что мировой порнографический кинематограф в связи с его отказом очень многое потерял.

В конце концов Димина сестра, открыв собственное кафе, предложила ему заняться торговлей бутербродами. Торговал он ими не где-нибудь, а на Дворцовом мосту… Торговля шла довольно бойко, учитывая Димины внешние данные, обаяние и умение без мыла… ну да ладно.

Позволю себе напомнить, что такое 1989 год. С одной стороны — карточная система, а с другой — расцвет малиновых пиджаков, которые «деньги куют». Большинство не знает, на что бензин купить, а по городу уже вовсю катаются иномарки.

— Ты представляешь, — рассказывал Дима, — приехала девица на «Порше», припарковалась, пересела в другую иномарку к подъехавшим мужчинам, свою оставила и укатила. А через некоторое время вернулась, смотрит на меня и говорит:

«А ты, красавчик, всё ещё стоишь здесь со своими бутербродами?» Я просто вижу, как Дима в ответ посмотрел на неё своим масленым взглядом. (Есть у него специальный мартовский взгляд, совершенно потрясающий: смерть мухам и проституткам!) И эта девица скупила у него все бутерброды и предложила прокатиться.

Не знаю, поехал он или нет. Хотя думаю, что всё-таки поехал.

Кстати, через много лет, когда Дима уже стал ведущим программы «Окна», его на улице окликнула скромно одетая женщина. Оказывается, та самая. Попалась на валюте, отсидела. И где теперь её шикарная машина, «Мальборо» и норковые стельки?

Да, у нас не было денег. Но зато — какой простор для мечтаний! Я всегда мечтала о том, чтобы Дима стал известным и популярным. Сейчас я мечтаю о том, что он пойдёт по каннской лестнице или получит Оскара, нет, я просто уверена, что так и будет!

* * *

Возвращаемся в наш довольно голодный период. Моя мама нашла мне работу. Чтобы на неё устроиться, при наличии диплома о высшем гуманитарном и экономическом образовании мне пришлось ещё закончить и курсы секретарей-машинисток. Итак, благодаря новой «корочке» и длинным ногам (именно такой

размер полагалось иметь секретаршам генеральных директоров расплодившихся фирм) я получила работу в офисе крупного строительного концерна.

Выдержала я это издевательство ровно два месяца. До сих пор я вспоминаю о них с содроганием. Подъём в 8 утра, полгорода под землёй, ровно в 9 часов — успеть сесть за свой стол, с тем чтобы до шести ковырять в носу. А чем еще, по-вашему, должен заниматься секретарь такого большого директора? В первой половине дня мой начальник никогда не появлялся в офисе — по утрам он посещал теннисный корт. Что не мешало ему в девять ноль одну перекладывать ракетку в левую руку и делать контрольный звонок — проверить, на рабочем ли я уже месте. После корта — английский язык и посещения улиц, указанных в толстом ежедневнике.

В те редкие времена, когда «Ситроен» Прокофьича тормозил у офиса, мне полагалось варить начальнику кофе, а главное — предугадывать его внезапные перемещения и распахивать двери кабинета. И не то чтобы там были какие-то сложные замки, а просто — нажать две ручки: поочередно открыть сначала одну дверь, а затем другую. Мы оба при этом выглядели как два идиота. Но в те дивные времена все думали, что именно таки полагается. Выходил он, впрочем, самостоятельно. Слава богу.

Естественно, целый день я мечтала о том вожделенном «часе пик», когда я освобожу офис от своего присутствия. Все мои поползновения приблизить это время пресекались на корню: даже без одной минуты шесть, когда я выкладывала на огромный стол подготовленные документы и спрашивала, нельзя ли мне пойти домой, Прокофьич демонстративно смотрел на часы и неизменно отвечал: «Еще семнадцать пятьдесят девять, рабочий день не закончен». В общем, гадость.

В результате я благополучно оттуда уволилась. (Мне даже не соизволили выплатить обещанных денег.) В скором времени империя Прокофьича развалилась, «Ситроен» был продан, а сам «венценосный» голым и босым пошел по миру. Банальный сценарий эпохи.

Мы тоже пытались соответствовать времени. После неудачной попытки умерить свои амбиции до должности кофеварки и швейцара мы с Димой организовали общество с ограниченной ответственностью, придумав ему романтическое название «Сезон надежд». Дима стал генеральным директором, я — главным бухгалтером, а вместе с нами в эту историю вписались Хоронько, Владовский и Сазонов. Надежды юношей питают. Мы арендовали 40 метров помещения, нашли спонсора, кинувшего на наш счёт миллион, и благополучно его потратили:

купили лампу, искусственные цветы, один раз съездили на гастроли, организовали три банкета. После чего благополучно развалились.

* * *

После окончания института Диму пригласили в театр, который работал во Франкфурте-на-Майне. Спектакли ставили на немецком языке. Я помню, как мы вместе разучивали тексты, не зная ни одного слова по-немецки. Спасала Димина стопроцентная память. Так Дима стал выезжать за границу.

И именно тогда он впервые всерьёз увлёкся другой женщиной. Его пассия играла главные роли в их театре. Ещё бы, ведь она была красавицей-брюнеткой (её длинный волос я как-то вытащила из Диминых трусов), к тому же весьма искушенной в сексуальный утехах (всё-таки трусы — не пиджак!). Новая страсть, конечно, захватила Диму. А для меня, чувствующей его на любом расстоянии, это было настоящим кошмаром. Я просыпалась ночью от того, что физически ощущала — он спит с другой. В 6 утра я выходила из дома. Бродила по улицам. Пыталась его караулить. Полное помешательство.

Как раз в ту пору мы с Димой начали сниматься в шоу-программе: это были наши первые съёмки, первый выход на телевидение. Приходилось участвовать в различных конкурсах, изображая счастливую семейную пару. Большего издевательства судьба придумать просто не могла. Что удивительно, мы побеждали в каждом туре. Всё-таки Дима — гениальный актёр. Аплодисменты!

Меня же эта история доводила до отчаяния: единственное, чего мне хотелось — разрешения сложившейся чудовищной ситуации. Пусть даже наши отношения закончатся, пусть произойдёт всё, что угодно, зато прекратится тупое и тянущее ожидание.

Однажды, достав свою самую любимую фотографию, где я, худая и измождённая, но очень красивая и одухотворённая голодом, с Кириллом на руках, сделала на обратной стороне надпись: «Спасибо за всё, прощай». Прикрепила карточку к зеркалу и вдруг осознала, что момент, когда всё закончится, уже почти настал. Представленное показалось мне ужасным. Печальная до невозможности картина заставила меня изменить решение и дала силы ждать.

Дима возвращается с гастролей, выходит из машины с чемоданами. Я выглядываю в окно (почему-то я всегда подхожу к окну в тот момент, когда он приезжает), он смотрит вверх на наши окна, и я отчётливо понимаю, что там — всё. Дима заходит в квартиру и говорит:

— Алиса, я вернулся.

И мне больше ничего не надо.

* * *

В чемодан летело все, что хоть отдаленно напоминало о нем: пена для бритья и зубная щетка, книги, кассеты, подаренные украшения… Две полки шкафа зияли дырами, такими же одинокими и опустошенным, какой она собиралась сделать свою жизнь. Быстро заделала образовавшуюся брешь, переложив кое-что из своих вещей.

«Я скажу „Уходи!“, а он спросит: „Почему?“ (интересно, а почему футболки-то все такие мятые?), тогда я отвечу: Потому что я устала так жить! Неужели ты не видишь, как тяжело мне ждать тебя по вечерам (чуть не забыла обувь!), мучиться всю ночь, где ты и с кем (темные очки), не спать до утра и искать тебя по всему городу (фотография в рамке)?»

Обои под рамкой оказались чуть темнее, чем везде, и смотрелись нелепо с темным прямоугольником посреди коридора. Фотографию пришлось водрузить на место. «В конце концов, она вполне может быть моей, пусть даже и с его изображением». Потом она представила, как будет каждый вечер, возвращаясь домой, утыкаться носом в это красивое и любимое лицо на снимке (то, что оно любимое — она нисколько не сомневалась), и, снова сняв фотографию, швырнула ее поверх ботинок. «А пятно я завешу собственным портретом». Следом в чемодан отправились тапочки.

Упитанный черный кожаный саркофаг, проскрипев старенькой

молнией, едва закрылся. Теперь его предстояло вытащить на лестницу и доволочь до помойки.

Она всунула одну ногу в босоножку и остановилась. Чего-то явно не хватало, создавая дискомфорт в квартире и в душе. «Тапочек!» — сообразила она. Надевая вторую босоножку, рассредоточила армию своих туфель по всей территории места их дислокации. Но маневр не помог.

Собственные пушистые тапочки смотрели на нее с укоризной: мол, как же так, хозяйка? Неужели и нас ты обречешь на одинокое существование?

Сиротинушки вы мои, — выдохнула она, утирая слезу.

«С ума сошла — с тапками разговариваю!»

Единственным выходом из положения могла бы послужить покупка второй пары, но подобная затея представлялась абсолютно бессмысленной. Зачем?

Она села на пол, обняв колени, и еще раз посмотрела в угол. Нет, ей никогда не заполнить образовавшуюся пустоту. И дело не в том, что какое-то конкретное место лишится конкретных вещей — в крайнем случае его можно завалить грудой новых, — а в том, что их отсутствие означает и отсутствие в ее жизни ЕГО. Не на час, ночь, неделю — навсегда. И вот эту-то пустоту не заполнить ничем — никакими вещами, друзьями и увлечениями. Она разобрала чемодан. Первыми, естественно, поставила на место его тапки. Фотография закрыла темно-голубой прямоугольник. Через час все лежало на своих местах, как раньше, как всегда.

— Привет! — Его чертовски обаятельная улыбка принесла с собой свет.

«Как я могла подумать, что проживу без твоей улыбки?»

Он распахнул плащ — на груди пригрелась гвоздика.

— Это тебе. — Он чмокнул ее в щеку.

«Как я могла подумать, что проживу без твоих поцелуев?»

Ночью, лежа в постели, она крепко держала обнимавшую ее руку, боясь, что обладатель этой ласковой и сильной руки внезапно исчезнет… И погружаясь в сон, подумала: «Тапочки пожалела…»

ГЛАВА 3
ЭПОХА В СТИЛЕ «МОДЕРН»

Ну вот, незаметно добрались и до эпохи «Модерн». Это действительно была целая эпоха в отдельно взятых жизнях. Для нас с Димой она характеризовалась вдруг пришедшей известностью, непрерывной работой и, чуть позже, бешеной популярностью. Всем тем, что мне удалось достичь, я обязана исключительно своему мужу. Ну и ещё немного, как говорят оскароносцы, Господу Богу и родителям.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Для меня новая жизнь началась в мой день рождения. В тот отвратительный мокрый июнь я проклинала всё на свете на Диминой даче. Вокруг лес, дождь, ледяная вода из колонки и непросыхающие пелёнки. И вдруг в непроходимой чаще Богом забытого леса появляется красавец писаный, в длинном плаще, с модной стрижкой, свежим загаром и букетом красных гвоздик. Дима приехал поздравить меня с праздником!

Описывать свою радость даже не буду, потому что его появлению безмерно радовалась всегда. Но в тот особенно промозглый день мои эмоции на любовно-романтическом сейсмографе просто зашкаливали. Взявшись за руки, мы бродили по размытым тропинкам и вдыхали лесные ароматы. И вдруг Дима сообщает:

— Ты будешь работать на радио.

— С ума сошел, — отвечаю, — какое радио? Я Майкла Джексона от Тины Тёрнер отличить не могу.

Но на Диму мои отговорки не произвели никакого впечатления. Как раз в это время на вновь создаваемой радиостанции оказалось вакантное место. Радиостанция «Новый Петербург», где работал Дима, осталась без волны. Но Тамару Петровну Людевик, директора «Петербурга» и женщину удивительной энергии, это не испугало: у неё возникла идея перейти в FM-диапазон. Правда, какое-то время необходимо было поработать на средних волнах. Коллектив, естественно, согласился. За редким исключением: Аллочка Довлатова, в просторечье — Марина Евстрахина, сказала, что на средних волнах работать не будет, а подождёт перехода. Во внезапно образовавшуюся «дырку» Дима меня и «заткнул».

Временно созданное Радио «Катюша» вещало из Ольгино. Тамара Петровна посадила меня в эфир. Первое время мне не выделяли определённого времени вещания, я, скорее,

напоминала подменную пионервожатую. И хотя кроме «Добрый вечер» и «До свидания» в эфире говорить было нельзя, я всё-таки несла «отсебятину». Причём всё время. И постепенно ждала, когда же мне запретят.

Ещё раз повторяю, что к тому моменту не сильна была в исполнителях. Но кроме этого имелась и ещё одна проблема — английский язык. Кстати, она до сих пор не решилась. Чтобы как-то выкрутиться, я старалась не произносить те слова, правильного произношения которых не знаю. Но это позже. А в первых эфирах перлов я, конечно, навыдавала. Помню, представляла песню «Аббы» и говорю:

— А сейчас удивительная песня группы «Абба» — «Хасса Манана»!

Как вы понимаете, подразумевалась «Аса маньяна», конечно же.

Но мне ничего не запрещали. Более того, даже разрешили реализовать идею, созревшую в связи с существовавшей в те времена небольшой проблемой: секс в стране уже был, но сексуальности как-то ещё побаивались. Именно тогда я заговорила, изменив тембр голоса, придав ему томно-сексуальную окраску, о животрепещущих темах. По признаниям очевидцев, когда я вещала в эфире о том, что находится вправо-влево-вниз от ремня, мужчины в офисах замирали. В итоге меня взяли в FM-диаппазон, несмотря на то что Довлатова вернулась тоже.

Смена имиджа и работа на одной радиостанции с Димой потребовали смены фамилии. Оставаться дальше Нагиевой было уже не возможно. Мой псевдоним, как и всё гениальное, родился во время мытья в душе. Я прибежала на Димин крик, заглушаемый шумом воды:

— Иди сюда, я придумал, как тебя будут звать! Ты будешь Штерн, то есть звезда.

Мне не понравилось. Играя буквами, добились сочетания «Алиса Шер», на чём и остановились. И только позже (в то время наше образование в области современной музыки и шоу-бизнеса равнялось почти нулю) мы узнали, что под таким псевдонимом уже выступает Шерилин Саркисян ла Пьер, знаменитая иствикская ведьмочка. Честно признаться, про возможные переводы с иностранных языков мы тоже не думали. Просто все представительницы прекрасного пола, работавшие вместе с нами, обладали длиннющими псевдонимами: Ермолаева, Довлатова… Я же должна была отличаться.

И отличалась: об этом мне сообщали в первую очередь мои приятельницы, благодаря псевдониму и изменённому голосу

переставшие меня узнавать. Приходит, например, в гости ближайшая подруга и доверительным шепотом сообщает:

— Слушай, там на вашей радиостанции есть очень странная девица: несёт какую-то чушь жутко низким голосом. А уж английского языка не знает настолько, что просто стыдно.

Я, конечно, понимаю, что речь идёт обо мне. Поэтому сдерживаю смех и подыгрываю:

— А как её зовут?

— Да Алиса какая-то, Шер.

Тут я уже начинаю смеяться.

— Тань, — раскрываю карты, — а ведь это я.

Она, конечно, попыталась как-то выкрутиться — всё-таки как-никак гадостей мне наговорила. Ну и ладно, что я, не знаю всех своих недостатков, что ли?

Когда ошибаются подруги — это даже не удивительно. Потому что мне пришлось на собственной шкуре узнать всю прелесть выражения «родная мама не узнает».

Года три назад меня попросили сняться в эпизоде для «Осторожно, Модерн!». Упаковав мою стройную фигуру в какой-то немыслимый плащ и приплюснув сверху беретом, режиссёр посчитал, что этого недостаточно для создания пусть и эпизодического, но яркого и, по-видимому, важного для него образа. Последним штрихом к его созданию послужили подложенная под губы вата и просьба во время съёмок корчить смешные рожи.

Буквально на следующий день мне звонит мама и делится впечатлениями:

— Представляешь, в «Осторожно, Модерн!» каких-то новых актёров набрали. Там девица смешная появилась, страшненькая такая…

Помятуя давнишний случай с подругой, даже не пытаюсь подыгрывать, а быстренько сообщаю:

— Мам, это была я.

Надо отдать маме должное — она моментально справилась с этим известием:

— Да? Ну, конечно, не совсем страшненькая… но зато очень смешная.

* * *

Ну да ладно, возвращаемся в эфир.

У нас никогда не было дружного коллектива. Конечно, кто-то с кем-то общался, но мы с Димой никогда ни с кем не

пересекались. Эфиры сменяли друг друга, а между ними разве что парой слов и можно было перекинуться.

И потом, все мы были очень разные и по темпераменту, и по манере поведения, и по восприятию жизни. Именно благодаря такому сочетанию несочетаемого радиостанция, как я понимаю, и заработала свои верхние строчки в рейтингах популярности, но дружбы между ди-джеями не получалось, да и хотя бы мало-мальски душевного общения — тоже. Наверное, именно так оно и происходит в творческих коллективах.

Нас с Димой всегда считали заносчивыми. Возможно, мы действительно производили такое впечатление. Но, скорее, всё это от того, что не было людей, с которыми бы мы подружились.

Единственными друзьями, появившимися во время нашей работы на радио, была группа «Русский размер». Витя Бондарюк, солист группы, довольно часто бывал у нас со своей женой, мы вместе ездили за город, жарили шашлыки, часто ставили песни любимой дружественной группы в эфир. Но и здесь не обошлось без разочарований. В какой-то момент Виктор без особых на то причин перестал с нами общаться, мы, удивившись, в свою очередь тоже перестали. Так и жили лет десять, пока не разобрались в происшедшем и не помирились обратно.

Но тогда после постигшего нас разочарования новых друзей из этого мира не появилось. Зато появилось чёткое понимание слова «друг». Друг — это тот человек, который, когда уходят слава и деньги, остаётся рядом. И когда они приходят, что немаловажно, тоже.

А слава шла. В рейтингах популярности Дима Нагиев довольно скоро стал вторым после непотопляемой Ксении Стриж. И это не давало покоя всем остальным ди-джеям радиостанции. Надо сказать, ребята были чертовски талантливы и тоже весьма и весьма популярны. Но желание быть лучшим, как известно, — двигатель прогресса и творчества. А кроме того — породитель всяческих дрязг и скандалов, иногда переходящих все границы. За примерами далеко ходить не надо: Моцарта и Сальери помните? Классический случай.

Самое сильное впечатление производило противостояние Димы и Аллочки Довлатовой. Может быть, характеристика «игривая», данная этой девушке некоторыми изданиями периодической печати, и соответствует действительности, но, по моему мнению, она не в состоянии охарактеризовать и сотой доли её оригинальной натуры. Являются ли игривостью гнусности, которые Алла говорила о Диме в прямом эфире, — об этом ещё предстоит подумать. Кстати, не вижу ничего предосудительного в том, что у Димы её «приятная

раскованность» вызывала негативную реакцию.

«Марафон: 104 часа в открытой студии» — организованная нашей радиостанцией беспрецедентная акция: все ди-джеи вещали из открытой студии, размещенной в кафе «Антверпен» на Петроградской стороне, — стал кульминацией отношений Нагиев — Довлатова. При всём честном народе, скопившемся, чтобы увидеть нас «в живую», произошла «битва титанов». В завершении Аллочка назвала меня «б…ской женой» и, не дождавшись ответного хода Димы, вышла из эфира. Думаю, это было всё-таки признание поражения.

Помню, что именно в том «Марафоне» на вопрос, почему они сидят в «прайм-тайме», а другие — нет, я ответила: «Потому что у одних есть значимые родители, а у других родители — инженеры». Сказалась напряженность в отношениях с Аллой. Кстати, теперь я могу ещё добавить: «Потому что некоторые замужем за директором радиостанции» и много чего другого. Господи, да разве кому-то до сих пор не понятно почему? Потому, что и везде: в этом радиостанции ни чем не отличаются от любых других организаций. Не спасали ни идеи, ни популярность, ни отдача на работе.

Кстати, наша с Димой «Радио-рулетка» считалась лучшей программой на «Модерне».

* * *

«Рулетка» всегда предварялась каким-нибудь рассказом.

«Как странно, если человеку изменить выражение глаз, моментально изменится его судьба…

У него были грустные глаза… грустные до боли. Он был тем обыкновенным, скучным человеком, которых жизнь кидает из стороны в сторону, подбрасывая им неудачи и ставя подножки… Он спокойно жил, тихо страдал в своей квартирке, молча переносил обиды друзей, их, пожалуй, и назвать-то нельзя друзьями: они смеялись над ним, но всё же любили за его простоту. И он им верил.

А накануне он даже улыбнулся, наверное, первый раз за много лет. Он увидел маленького щенка, играющего у детской площадки с рваным мячиком, забавно повиливая хвостиком и взвизгивая. Щенок так увлёкся этой игрой, что не заметил, как выскочил на дорогу. А там машины… машины…

И этот маленький человек с большим израненным сердцем кинулся спасать маленькое беззащитное существо. Кинулся, не думая об опасности. Всё произошло так быстро…

На месте аварии толпились люди: одни сочувствовали, другие молчали…

Но среди них был мальчик, наблюдающий с улыбкой, как на детской площадке играет маленький и ЖИВОЙ щенок.

Странный закон существования: жизнь отдаётся за жизнь, но что за цена жизни, если имя ей — Смерть.

Странные люди, странная жизнь, странная игра…»

На мой взгляд, подобные «странные» зарисовки делали «Рулетку» намного интереснее.

В первых программах, когда ещё никто не знал ни о «Модерне», ни о правилах игры, приходилось прибегать к различным хитростям и уловкам. Я звонила по «секретному» телефону своей подруге Анне и радостно сообщала:

— Здравствуйте, Вы первый дозвонившийся слушатель! Как Вас зовут?

— Аня, — подыгрывала мне подруга.

— Сколько Вам лет, как Вы живёте?… Делайте ставки.

Надо заметить, никто из нас о рулетке в то время никакого представления не имел. Анечка знала, что нужно поставить фишки на «красное или чёрное», ну и про «зеро», конечно, тоже слышала. Смутно представляя себе правила игры, Аня, в надежде выиграть, попросила: «И на красное и на чёрное». Авдеев — в то время ведущий программы — заметил, что так делать нельзя. Но тут я решила вмешаться и, предвкушая выигрыш своей подруги (бутылку шампанского мы бы обязательно себе позволили по такому случаю!), стала уговаривать:

— Видимо, у Ани сложное материальное положение, и поэтому мы должны пойти ей на встречу.

Авдеев согласился:

— В виде исключения, по просьбе ведущей, мы сделаем это, чтобы человек не остался в проигрыше.

И когда после всех моих интриг выпало «зеро» — нашему разочарованию и скорби не было предела.

Благодаря «Рулетке» я впервые попала в казино и узнала, что это такое на самом деле. Среди людей, которые там находились, был и один мой поклонник. Милый человек, он присутствовал в казино во время каждой передачи. А может, и вообще никогда не уходил оттуда — не знаю. Всё время, пока мы были в эфире, он делал ставки только на цифру «28» — по количеству прожитых мной к тому моменту лет. И один раз знаковое число действительно выиграло — довольный и радостный игрок презентовал мне все фишки. А было их тысячи на три российских рублей. Подарок позволил нам с Димой купить диван. Мои поклонники, в отличие от Диминых, по крайней мере пользу

приносили.

Эта же передача послужила поводом к моему «репетиционному» увольнению. Я, помню, очень тщательно готовилась к эфиру, даже нашла и выучила какое-то стихотворение… К сожалению, мой партнёр, Сергей Петрович Авдеев, принял его содержание близко к сердцу. Кажется, там было что-то про гомосексуалистов. Почему он вдруг решил, что я каким-то стихотворением в эфире намекаю на его сексуальную ориентацию и пытаюсь скомпрометировать, не знаю. Как говорят психологи, это его материал. Но факт остаётся фактом: по жалобе господина Авдеева директор радиостанции решила меня уволить. В последний момент, к счастью, она всё-таки смилостивилась. Кажется, мне никогда не было так обидно и страшно увольняться, как тогда.

Из «Рулетки» мне всё равно пришлось уйти. Одной из причин моего ухода стал совершенно безумный молодой человек, во время моего эфира звонивший на радио, чтобы проорать матом какую-нибудь очередную дрянь. Не спасало ничто — видимо, он знал какие-то способы, позволявшие ему вклиниться в разговор и снова зациклиться на своём мате. Я думала, просто сумасшедший. Сомнения поселились в моей голове только по одной причине — когда эфир вел кто-нибудь другой, молодой человек не «прорывался».

На последней моей «Рулетке» раздался звонок (к тому моменту мы уже предварительно тестировали звонивших на вменяемость: задавали пару вопросов, прежде чем выводить в эфир), и, естественно, в трубке я услышала знакомый до отвращения голос:

— Вы что, последний раз работаете?

С моим уходом пропал и этот псих. Оказывается, он не просто сумасшедший, а мой поклонник. Правда, с весьма специфическими представлениями о том, как стать замеченным.

Ещё одна передача, приносившая радость популярности, удовлетворение от работы и осознание собственной талантливости, — «Салон-Шизгара». В ней я брала год из жизни страны — в общем, то, что делал позже Парфёнов. А в то время руководство заявляло, что это не коммерческий проект и делать его на телевидении бессмысленно. Очень обидно, потому что сейчас таких проектов — завались.

Потом у меня появилась программа «Отражение», составленная по письмам трудящихся. Знаю, что очень многие не верили в правдивость этих писем. Но, честное слово, за три года я не придумала ни одного, все истории были абсолютно реальными. И про эту программу также говорили, что «нет

спонсоров» и «некоммерческий проект». А некоторые её до сих пор помнят…

И что со всем этим можно было поделать? Да ничего — только работать, стараться не обращать внимания ни на кого и ни на что. И зарабатывать популярность. А у популярности были свои плюсы. И самый большой из них — чудесные отношения с инспекторами ГАИ.

* * *

Трасса между Ольгино и Петербургом широкая и спокойная, но в пятницу вечером и выходные дни — достаточно оживлённая. И естественно, в кустах по обочине дороги в эти три дня «срубают капусту» многочисленные сотрудники автоинспекции. При встрече с ними популярность приходилась ох как кстати. Но особенно она выручала в ночное время суток, когда летишь домой после закончившегося в полночь эфира. Помню, как в непроглядной тьме меня угораздило не просто банально нарушить правила дорожного движения (ладно бы вылететь на встречную или скорость превысить), а основательно въехать в «попу» автомобиля гаишника.

Обалдевший от моей наглости инспектор вылетел из своей машины и с перекошенным от гнева лицом стал плеваться в лобовое стекло:

— Да ты что,…, габаритов не чуешь! Да я,…, сейчас права отниму, и ты их в жизни не получишь!!!

На нецензурное требование предъявить права включаю в салоне свет — напомню, тьма непроглядная — и, практически с ними распрощавшись, протягиваю документы.

Тут перекошенное лицо «потерпевшего» меняется, прямо как в диснеевском мультике про красавицу и чудовище. Помните тот момент, когда чудовище готовится сбросить в пропасть несчастного красивого болвана, а потом вдруг лицо его приобретает выражение нежности и умиления? Точно то же происходит прямо на моих глазах, сопровождаемое лёгким выдохом:

— Это Вы…

Честное слово, если бы на меня в этот момент направили софиты, я бы даже не удивилась. Гаишник рассыпался в любезностях. Оказалось, что он даже знает такие слова, как «пожалуйста», «ну что вы, какие документы», «въезжайте в мою „попу“ хоть каждый день»…

Расстались мы почти приятелями.

Обратной стороной популярности является жажда каждого встречного-поперечного обсудить с тобой все недостатки радиопередач в целом и твоих эфиров в частности. В случае с ГАИ ситуация осложняется тем, что сбежать практически невозможно.

Один такой разговорчивый инспектор перехватил меня в черте города после победного пролёта на красный свет. Час ночи, пустой перекрёсток… ну, вы понимаете меня: сам Бог велел.

Занудный дядечка вначале по полной программе отчитал меня за нарушение правил, потом отобрал документы и, углядев фамилию Нагиева, препроводил в свою машину, где — о, ужас! — всю ночь пел соловьём о своём разочаровании во мне как в ведущей.

После того как я безропотно выслушала всё о себе, оказалось, инспектор ещё нисколько не облегчился. Дотошный, он продолжил подробный доморощенный разбор каждого ди-джея радиостанции «Модерн». «Не нравится — не слушай!» — единственное, что мне хотелось вставить в тот монолог. Но желание сэкономить на штрафе всё-таки удержало меня от столь опрометчивого шага.

* * *

Радиостанция агонизировала долго, но неминуемо приближалась к своей гибели: все самые талантливые уходили, оставляя менее талантливых и популярных. А потом и вовсе всё закончилось.

Давайте будем как «Европа плюс» или «Максимум», — говаривало новое руководство радиостанции. А «фишка» была в том, что работать нужно было так, как мы работали прежде — со звёздами. И всё. И никаких проблем больше бы не возникало. Но всем почему-то казалось, что где-то лучше и что в другом доме щи наваристее и пироги вкуснее. А на все предложения сделать новые программы директор неизменно отвечал: «Подожди, сейчас не до этого».

При этом нас всё время пытались «строить». Работали по формуле «незаменимых нет». Правда-правда, слышала своими ушами: «Вот, Нагиев чего-то выдрючивается. Ничего страшного — обойдёмся без Нагиева: вырастим ещё одного такого же». Из кого, интересно, они его собирались выращивать? И главное — как? Сделать пластическую операцию, вкачать сыворотку юмора, присоединить чип талантливости и поставить печать интеллекта?

Неужели они и вправду полагали, что смогут сочинять произведения, подобные тем, что Дима читал вначале часа? Ведь

подобную гремучую смесь бреда, эпатажа, юмора и прочих диких вещей создать и задушевно прочесть практически невозможно.

Мне же начальство могло заявить, что мои программы не коммерческие, что я делаю — абсолютно непонятно. Реально оценить то, что я делаю, не было никакой возможности, так как из-за собственной «нетусовочности» ни в каких рейтингах не замечена. Но в то же время я понимала: слушателям моя работа нравится.

Самое восхитительное признание своих заслуг я получила на передаче Дмитрия Запольского. Шел прямой эфир, и можно было позвонить, чтобы ответить на вопрос, заданный ведущим. А вопрос звучал следующим образом: «Мужчина — это ди-джей. А как назвать женщину? Ди-джейка?» И тогда в студии раздался звонок, и знакомый до сладости голос произнёс:

— Здравствуйте, меня зовут Александр Яковлевич. Я слушаю Алису Шер, и она не может быть ди-джейкой, потому как то, что она делает, этим непонятным словом назвать нельзя. Кроме того, Алиса обладает харизмой и… очень красивая женщина.

В тот день высшая степень моего тщеславия была достигнута. Не потому, что сам Розенбаум признал меня красивой женщиной, а потому, что такой человек дал мне понять — я действительно что-то умею и значу.

Другие люди, чьё мнение для меня было важно, — мои новые подруги во главе с легендарной личностью, режиссёром и пианисткой Ириной Таймановой, женой композитора Владислава Успенского. От этой женщины, знавшей Шостаковича и Ростроповича, исходила какая-то удивительная аура, которая не могла оставить человека равнодушным. Не зря список мужчин, влюблённых в неё, состоял из самых известных в городе людей.

Мы познакомились, когда она брала у Димы интервью, а в последствии стала для меня если не гуру, то чем-то очень близким к этому понятию.

В круг её, а потом и моих знакомых входила Людмила Петровна Нилова, директор «5 канала», и другие известные в городе женщины, вызывающие у меня чувство острого восхищения. Они, не взирая на возраст, смогли сохранить молодую внешность, умели радоваться жизни и веселиться напропалую. Всегда подчёркивали грудь, носили юбки, чуть прикрывающие попу, туфли на огромных каблуках и белые косы. Сейчас у них уже есть внуки, но это совершенно не мешает им продолжать вести тусовочную жизнь.

Люда Нилова как-то пригласила меня к своей подружке — на Рубинштейна. В тот день я была, кажется, второй раз в жизни за рулём автомобиля. Квартира произвела на меня впечатление:

антиквариат, картины, маленькая кухня в хохломе. На столе водка и шампанское. Все за рулём. Спрашивают:

— А тебе что, Алиса?

Я говорю:

— Да вы что, я за рулём!

Мне помогает Людмила:

— Крупанина, она за рулём второй раз.

— Хорошо, — отвечает хозяйка, — тогда не водку — тогда шампанское.

Потрясающее было время и потрясающие подруги. Они поддерживали меня и мои авторские передачи, и не доверять их опыту не было причин. По крайней мере, в отличие от нового руководства «Модерна», они разбирались и в творчестве, и в коммерции. Но, не смотря на все разногласия, ужасно обидно, что радиостанция всё же распалась. Скольким людям она являлась единственным выходом в мир, принося нам ни с чем не сравнимое удовлетворение от того, что ты не зря живёшь.

Одну такую девочку, для которой радио «Модерн» было светом в окне, зовут Лена Белоцерковная. Этот удивительный человек, несмотря на то, что прошло уже много лет, до сих пор в поле зрения. Сначала на радио приходили письма, написанные характерным почерком — невозможно было спутать. К письмам прилагались дивные стихи и засушенные цветы.

Потом стали периодически раздаваться звонки. Голос — тоже очень своеобразный. Причём и письма, и звонки адресовались разным ди-джеям, то есть она не была чьей-то поклонницей, она просто любила нашу радиостанцию.

О ней никто ничего не знал. Но на присланных фотографиях — изображение безумно красивой девушки: блондинки с длинными волосами и правильными чертами лица. Позже мы узнали, что у неё после какого-то заболевания парализованы ноги.

А недавно ко мне в ресторан пришла женщина, жарко, а она в пальто и в шапке, и взгляд — совершенно непередаваемый. Такие грустные и одновременно благодарные глаза встретить ещё раз невозможно. Она принесла свою книжку, отпечатанную на ксероксе.

Оказывается, в то время, когда мы работали на «Модерне», у неё погибла дочь. Рассказ этой женщины вновь заставил меня понять, что наше радио действительно приносило людям пользу.

— И вы, и Дима… — говорила она, — вы помогли мне пережить время, когда у меня погибла дочь. Ей было сорок семь лет, но всё равно — ведь это мой ребёнок. А теперь у меня вышла новая книга, я бы хотела Вам её подарить.

* * *

На мой взгляд, «Модерн» был совершенно уникальным, и подобного до сих пор никто не создал. Есть разные форматы и замечательные идеи, но радиостанция с диджеями — «звёздами» — нет ни одной. А мы были именно «звёздами». Мы всегда говорили то, что хотели. И не боялись собственной индивидуальности, всячески её подчёркивая, холя и лелея. Каждый из нас сверкал совершенно особенным светом, и наша непохожесть друг на друга играла, создавая уникальную палитру для шедевра под названием «Модерн».

Безумно жаль…

ГЛАВА 4
ФОТОАЛЬБОМ

В то время у Димы уже появился директор. Какой-то парень позвонил на радио и, рассказав, как он очень любит Димины эфиры, попросил о встрече. И Дима приехал. Они встретились, побеседовали, обменялись телефонами. А потом этот человек стал организовывать Диме концерты, выступления в клубах и присутствовать на всех его программах. И, кстати сказать, продолжает делать это до сих пор. В общем, благодаря ему параллельно с «Модерном» мы стали работать ещё и в ночных клубах.

Диме, человеку публичному, эта дополнительная работа приносила дополнительные эмоции. Мне же она давалась очень тяжело. Знаете, есть люди, которые боятся летать на самолёте, выпивают перед полётом снотворное, чтобы уснуть крепким сном и даже не помнить о сем факте своей биографии. Примерно такое же желание вызывала во мне работа в ночном клубе. Кроме страха выступать под пристальным вниманием публики я испытывала ещё и некую неловкость совестливого шарлатана, получающего деньги за зелья, только что смешанные из придорожных трав.

Это время я могу вспомнить по альбому с фотографиями. Кириллу как раз исполнилось шесть лет, мы приобрели фотоаппарат «Полароид». Мы делали моментальные снимки всего, чего угодно, в том числе и доказательств своей причастности к этой новой для нас жизни.

В то время у нас появилось много новых знакомых. Часто бывало так: какой-нибудь отсиживающий срок слушатель звонит и просит сделать для него концерт. Заказывает «Led Zeppelin», «Pink Floid», и мы ставим. Потом, когда эти люди выходили на свободу, многие приезжали либо просто посмотреть на нас, либо сказать «спасибо». Некоторые пытались что-нибудь для нас сделать, подвозили на машинах, приглашали в баню и на дачи. Мы с ними встречались, а они общались с Димой так, будто бы он был их «друганом».

А нам казалось, что мы знакомимся с какими-то «нужными» нам людьми. Как-то одни такие «нужные» пригласили меня в свою огромную квартиру в центре города, и я совершенно случайно подслушала их разговор. Киллеры какие-то. Интересно, к чему нам киллеры?

Сейчас не понятно, зачем мы вообще встречались с

подобными людьми. Возможно, причастность к их узкому кругу, к их «богатой» жизни, хождение в ночные клубы — всё это вызывало чувство некоторой гордости. Теперь мне даже не ловко вспоминать, что я им даже как-то завидовала.

Думаю, вы меня поймёте, если я скажу, что когда люди обладают «такими» деньгами и «таким» положением — это удивительно, потрясающе и на время затмевает все прочие их свойства и качества. Тогда мне казалось, что их процветание будет продолжаться вечно и все эти люди — каста избранных, умеющих зарабатывать деньги. В дальнейшем пришлось разочароваться и пересмотреть многие вещи, почти ставшие жизненными ценностями.

* * *

Вот клуб, не то «Евразия», не то «Америка», название точно не помню, но что-то географическое, и его завсегдатаи.

Этого симпатичного мальчика в тёмных очках я очень хорошо помню. Больше всего поражали его неизменные чёрные стёкла в дорогой оправе (при том, что Димины программы шли ночью). Ах, какая нежная ямочка появилась на его щеке, когда он трогательно улыбался. Кто бы мог подумать — оказался наёмным убийцей, царствие ему небесное.

А вот ещё один приятный молодой человек. Помню, добряк-добряком. Весь такой аппетитно пухленький, как недожаренный пончик. Тоже, как оказалось, с нелёгкой судьбой: этот добродушный рохля в свободное от развлечений время отрезал людям пальцы и утюгом несговорчивых проглаживал. За что и был лишен на семнадцать лет общения с представителями рода человеческого.

О, а этот статный красивый брюнет сейчас депутат Законодательного собрания. Именно у него нашлась золотая цепочка, «потерянная» как-то Димой при рукопожатии.

В общем, круг посетителей был ещё тот, что делало работу временами просто опасной. Помню, однажды я представляла Ладу Дэнс. Заметив, что певица немного нервничает, решила её успокоить:

— Это в других клубах ужасно, а здесь — тишь да гладь да божья благодать.

И надо же такому случиться, что именно в этот момент, когда мы с ней выходили на сцену, раздаётся оглушительный вопль «Всем стоять!» и в помещение с грохотом вбегают люди в масках, рефреном повторяя: «Руки за головы, ноги на ширине плеч».

Выключают музыку, начинают проверку документов и поиск нелицензированного оружия. Мы с Ладой, естественно, тоже замерли. Кажется, даже дыхание остановили. На всякий случай. Несколько ребят подходят, снимают свои чулки для голов и спрашивают:

— Вы — Алиса Шер?

Выражение их лиц при этом такое, что так и подмывало продолжить:

— «Так вот ты какой, цветочек аленький…»

* * *

А вот фотографии казино, где я некоторое время работала в должности, которую сейчас назвали бы арт-директор. В то время она ещё никак не называлась. Просто человек, который ищет артистов: пианистов и скрипачей, развлекающих посетителей фоновой музыкой.

Находилось это заведение на отшибе и вид имело, как я теперь понимаю, довольно захудалый. Но тогда… красавец-директор, принимая меня в своём кабинете и предлагая работу, раздувался от важности, чувствуя себя не только хозяином в этой жизни, что само по себе, возможно, не так уж и плохо, но и как минимум властелином мира. Позвякивая золотыми цепями и время от времени скаля белоснежные зубы, Олег Николаевич рассказывал противоположной стене о своих пожеланиях… Я немного ёрзала на краю шикарного кресла, соскальзывая вглубь по кожаной обивке, и на протяжении собеседования боролась с желанием оглянуться. Этот удивительный человек сумел вызвать у меня ощущение муравья, находящегося рядом со слоном. Хотя даже слон, я думаю, мог бы обойтись с насекомым более вежливо.

Конечно, я и не пыталась сопоставлять себя с ним. У него были деньги, у нас с Димой — нет. Но мы отчаянно пытались их заработать. Помните телевизионный конкурс на лучшую пару? Нам как победителям тогда достался приз — картина, изображающая что-то совершенно не понятное и, главное, красочное. Мы сняли её со стены и выставили на аукционе, который в один из вечеров устроили в этом казино. Её купили. Что мы тогда приобрели на эти деньги, я уже и не помню, но на всю жизнь запечатлено мною зрелище, как энное количество человек, абсолютно равнодушных к искусству и вряд ли представляющих себе разницу между Гогеном и Ван Гогом, увлечённо называют суммы, достойные подлинника Сальвадора Дали.

Однажды красавец-хозяин подбросил меня на своей машине до дома. В то время у нас не было даже «Запорожца», отданного Диминым папой. И поэтому «Форд» казался мне прекрасным вдвойне: и как средство передвижения и как иномарка… Владелец этой потрясающей техники почему-то ко мне благоволил. Не стану тешить себя мыслями о каких-то своих выдающихся внешних данных, скорее всего, просто так было положено в его кругу — переспать со своими подчинёнными. А я, конечно, даже на секунду не могла предположить себе какого-то с ним романа.

Через пару лет, когда у нас уже появились какие-то деньги, мы латали свои хозяйственно-материальные дыры на вещевом рынке в СКК. Как некоторые люди ездят на выходные в Париж, так мы выезжали закупать одежду на этот огромный рынок. И вдруг я замираю перед одним из прилавков, потому что вижу Олега Николаевича, торгующего куртками. Тогда меня эта перемена ужасно поразила, хотя в дальнейшем всё чаще и чаще приходилось встречать когда-то холёных, обвешанных «цепками» и «ролексами» «новых русских» в совершенно другой среде и с абсолютно другим выражением лица.

* * *

Вот Дима с Авторитетом. Лицо у Авторитета такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Хозяин одного из расплодившихся в то время клубов. Бизнес доходный: златая цепь на нём, пожалуй, что и на килограмм потянет. Череп гладко выбрит, что при габаритах обладателя создаёт довольно жутковатое впечатление. А рядом — жена Авторитета; естественно, красавица. Взгляд у неё на фотографии определённо скучающий. Оба — довольно сложные в общении люди. Но я рада, что эта фотография сохранилась, потому что вспомнить об этой паре мне и самой интересно.

При встрече Авторитет обычно пожимал Диме руку своей «нашпигованной» перстнями клешнёй, а у меня интересовался, как дела. На его вопрос я откровенно рассказывала, как же у меня дела, пока наконец не поняла, что ему, да и всем остальным этим людям на самом деле совершенно наплевать, что там у кого-то происходит. Это просто язык такой. Русско-английский. How do you do? — Всё ok! И абсолютно невозможно разговаривать с ними на таком языке, на котором привык говорить с детства.

Его жена — особа ещё более тяжелая в общении, чем её спутник. В начале нашего знакомства она умела только ей

свойственным образом не замечать меня так, что при этом создавалось реальное ощущение, будто она всё-таки что-то сказала. Естественно, нелицеприятное. Рядом с ней всегда как-то особенно чувствовалось, что костюм на тебе не от кутюр, кожа с порами и парфюмерия, хоть и французская, но не из самого Парижа.

Позднее эта девушка, совершенная с эстетической точки зрения и сомнительная с моральной, неожиданно примкнула к рядам Диминых поклонниц. Имея такого замечательного во всех отношениях мужа, она вбила себе в голову, что ей позарез необходимо оказаться с Димой в постели. Я, конечно, понимаю, что сидеть одной без работы и развлекаться исключительно поездками по магазинам занятие довольно утомительное. Но всё-таки при живом-то супруге я бы на её месте побоялась.

Она — нет. Не боялась ни мужа своего, ни меня, и сам чёрт был ей не брат. Гордо подъезжала она на своей шикарной бронированной машине к подъезду нашего дома, влетала на цыплячьих ногах в квартиру и махала у меня перед носом расправленной веером пачкой ослепительно зелёных денег.

— Что, мало? — кричала мне в лицо. — Ты просто скажи — сколько. Я достану. Деньги — не проблема.

Здесь она копировала мимику, интонацию и жесты своего благоверного, и её пальчики с ноготками сантиметров по десять-пятнадцать очень смешно топорщились. В ответ я швыряла в пол очередную тарелку и пыталась объяснить неразумной, что этот вопрос не обсуждается.

Дима долго посмеивался над этой дурочкой, иногда в шутку предлагая согласиться на её предложение и купить на эти деньги что-нибудь стоящее. Похоже, ему льстило, что какая-то малявка согласна отдать любые деньги за ночь, проведённую с ним. Но скоро стало не до смеха.

После очередного «сходняка» добрые люди предупредили Диму, что Авторитет за что-то на него сердит и всерьёз обсуждал вопрос, чтобы «вырезать Нагиеву печень». Дима обещал мне с этим разобраться и срочно вывез нас с Кириллом на дачу.

Кстати, я до сих пор не уверена, не была ли это просто «легенда», чтобы встретиться с какой-нибудь очередной пассией.

* * *

Этот альбом — память о бесконечных Диминых поездках. Гастролировал Дима много: Калининград, Челябинск, Краснодар… В Краснодар мы ездили вместе на открытие

шикарного ночного клуба с казино, танцполом и парочкой ресторанов — отреставрированного ДК, с того дня ставшего приютом для местных проституток и наркоманов.

Насколько мне известна предыстория, казино принадлежало члену краснодарского Законодательного собрания, а потому кроме меня и Димы на открытии присутствовал Сам и две приглашенные группировки: крыша Самого и ребята, что-то в этом казино контролировавшие на партнёрских началах.

Мы стояли за кулисами в ожидании, так как авторитеты затягивали с решением проблемы, кому и куда садиться. Из зала слышались выкрики:

— Да кто ты такой?

— Ну чего ты лезешь? Сядь на место! На место, я сказал!

В общем, кое-как своих «быков» успокоили, рассадили: авторитеты — в центре зала, охрана — по бокам и вперемешку.

Дима вышел на сцену. Тогда стали раздаваться новые крики с характерными акцентом и интонациями, общий смысл которых сводился к следующему:

— Кончай трендеть, пусть лабухи сбацают!

Тут из-за стола встаёт «папик» и говорит:

— Так, тихо все!

А потом нежно:

— Димуля, продолжай.

И все заткнулись.

Но пиликанье пейджеров раздражало и сбивало с рабочего ритма, настроение было испорчено, работать не хотелось уже ни за какие деньги.

За происходящим наблюдал охраняющий порядок ОМОН. В какой-то момент командир отряда, как злая фея, которую забыли пригласить на праздник, предложил Нагиеву:

— Слушай, надоели тебе, наверное, эти? Хочешь, освободят помещение?

Дима спорить не стал:

— Ты тут главный, ты и решай.

Буквально через три минуты на месте бандитов сидел ОМОН — видимо, те же бандиты, но с «ксивами».

Но, как ни странно, повседневные тяготы жизни помогали перенести те самые «малиновые пиджаки», о которых вовсю травились байки и анекдоты. Не спорю, люди они действительно странные, но всё же и среди них встречались искренне влюблённые в наши эфиры, спонсировавшие конкурсы, верившие в нас и помогавшие в становлении.

Так как радио «Модерн» вещало на волне, которую ловили приёмники в автомобилях, то среди наших поклонников были в

основном люди на машинах (в то время в большинстве своём именно «новые русские»). И даже одно то, что они подбрасывали нас, безлошадных, до места работы или, наоборот, до дома — одновременно и помощь, и приключение.

Никогда не забуду одного человека — владельца нескольких магазинов. Абсолютно нереальный персонаж: чёрный, мрачный — именно так я представляю себе дьявола.

Он был спонсором всех Диминых начинаний, владельцем призов для многих Диминых викторин. Но помогал нам, насколько я могу судить, не ради денег, доброго имени или привлечения покупателей, а так — из любви к искусству.

Кроме того, он ещё и просто помогал нашей семье всем, чем мог: нужными вещами, советами, связями… Когда мы попали на своей машине в аварию, спасать нас приехал именно этот Мефистофель. А ещё — он нас стриг, так как по первородной профессии был обычным парикмахером. И выходило, нужно заметить, у него потрясающе — как в лучшем салоне города. Причём бесплатно.

Потом он, правда, исчез с нашего горизонта — говорят, ушел в религию.

* * *

Раз уж речь зашла о поклонницах, то нельзя не вспомнить всех тех, кто, никоим образом не соприкасаясь с миром, описываемым выше, тоже был рядом с нами.

Открываю новый альбом.

Этот милый мальчик стоял около студии в Ольгино каждый день. Худенький, маленький, с волосами, собранными в хвост, он производил ужасно трогательное впечатление. Его преданное «стояние на карауле» во время и после эфиров на протяжении нескольких месяцев производило впечатление даже на меня. Во всяком случае, разбирало страшное любопытство: а зачем он стоит?

Как-то я остановила возле него машину и говорю: «Садись». Он снял плеер и разговорился. Оказался очень интересным молодым человеком, только что закончившим школу. Так мы проехали до города и сфотографировались. Нужно было видеть счастливое лицо мальчика: сбылась его мечта — проехать со мной в машине, поговорить. После этого он испарился. И правильно. Зачем продолжать, если мечта уже исполнена?

На другой фотографии — трое наших с Димой поклонников. Двое — из Москвы и девочка — из Петербурга. Они дарили цветы

— сумасшедшие букеты белых роз, — присылали посылки, где лежали подарки, дышащие любовью… Среди даров всегда оказывались какие-нибудь оригинальные вещи: миленький утёнок в наушниках — утёночек-ди-джей, радио-бензоколонка, вручную сделанная медаль с гравировкой.

Конечно, ребята даже внешне кажутся странными, но их подарки тем не менее всегда отличались — чувствовалось, что эти трое глубоко увлечены нашими передачами и неравнодушны к персонам авторов. И нельзя сказать, что их ненавязчивое внимание было неприятно.

Эта смешная девочка рядом со мной — Ляля. Она исключительно моя поклонница. Тоже из тех, кто по вечерам стоял возле студии. Видимо тяжелые отношения с родителями и проблемы с братом-наркоманом приводили её ко мне в поисках второй мамы. Я казалась ей сильной. И на этом спасибо. А меня привлекала её самоотверженность. Приехать после работы в Ольгино и стоять на улице до половины двенадцатого для того, чтобы проехать со мной в машине, а потом добираться ночью из Купчино домой на другой конец города — это не шутка.

Ляля работала портнихой. Шила изумительно. Я удивляюсь: вещи её работы сидели на мне так, будто человек снял с меня размеры и сделал десяток примерок.

Иногда она пугала своей обидчивостью и инфантильностью. Если я ехала не домой и, соответственно, не брала её после эфира с собой, Ляля могла удариться в слёзы. В конце концов она всё-таки обиделась на меня. Кажется, это было после нашего очередного разговора.

— Ну что мне с тобой делать? Ты ведь мне не подруга, не родственница. Что, мы с тобой в кино пойдём или в кафе? Нет. Я, конечно, могу возить тебя за собой, но зачем?

Ляля расплакалась и ушла. Сейчас я жалею о своей грубости — ведь она как ребёнок была удивительно искренна и действительно во мне нуждалась.

Здесь — пачки фотографий, сделанных Диминым поклонником — Сашей.

Этот двадцатилетний юноша мнил себя биографом Диминой жизни, делая какое-то бесконечное количество снимков. Он присутствовал рядом постоянно: до эфира, во время эфира, после эфира.

И совершенно не замечал, что постепенно превратился в мальчика, которого используют: «поди туда — принеси то». Казалось, он рад этой роли. В его сумке всегда лежали любимые Димой «Cola» и сигареты. Плюс, на всякий случай, зажигалка и бандана.

В общем биографа не получилось — никто не обращал на него внимания с этой точки зрения. Фотографии остались. Саша принёс их нам домой, и я впустила его в квартиру. Он вёл себя как человек, случайно попавший в святая святых. Он рассматривал всё с особой тщательностью, стараясь запомнить малейшие детали. Разве что не доставал свой любимый фотоаппарат.

Наверное, так я смотрела на Пугачёву, когда меня случайно взяли с собой и я неожиданно оказалась с ней за одним столом. Мне хотелось увидеть в ней всё, запомнить, впитать. Каждый жест, позу, выражение глаз, как она курит, поворачивает голову, улыбается. Тогда я поняла, что такое поведение от тебя совершенно не зависит. Нужно быть Штирлицем, чтобы в подобной ситуации вести себя непринуждённо и естественно.

* * *

Последний сохранившийся от того периода альбом, чудом не превратившийся в пепел вместе с большинством других ему подобных — компактных, а потому помещающихся в кастрюлю.

Фотография Димы с Каем Метовым. Тогда этот певец был очень моден. Мне он казался запредельной звездой, а Дима очень гордился, что знает его лично. Кай потными руками суёт Диме что-то скомканное (когда я делала этот снимок, помню, была ужасно удивлена: салфетку, что ли, грязную?). Оказалось — футболка с надписью «Кай Метов». Мама до сих пор её носит. На даче.

Вот Дима с Невзоровым на конюшне, рядом — любимец Александра Глебовича. Помню, приходит ко мне Дима и говорит:

— Представляешь, мне звонил Невзоров! Предлагает роль в своём фильме.

Я даже представить не могла, что нам повезёт общаться с таким человеком, чья популярность, пусть и неоднозначная, не сравнима ни с чем. А Дима до сих пор вспоминает, как Александр Глебович, увидев его впервые, восхищенно воскликнул: «Какая потрясающая мразь!»

Перелистываем. Дима берёт интервью у Дэвида Копперфильда. Талантливейший маг приезжал в Москву на гастроли. Удивительный человек! Он давал больше пятисот шоу в год, а ведь в году всего лишь 365 дней. Ни отпусков, ни дня простоя — сумасшедший график.

А это — маленькая открыточка. Как она вообще сюда попала? Её я получила на 8 марта. Прихожу домой, а сосед звонит в дверь

и передаёт мне огромный букет роз, с пришпиленной записочкой: «Любимой Алисе Шер от такой-то группировки». И хотя стиль записки по лаконичности напоминает надпись на ленте траурного венка, всё равно было чертовски приятно. Что с них взять, ведь в то время ребята хоронили чаще, чем дарили девушкам цветы.

ГЛАВА 5
БЛАГА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Помимо того что работа в клубах была сама по себе довольно интересной (отбросим на минуту все фобии и посмотрим правде в глаза: известные артисты, модели, ночная жизнь и новый круг знакомств), она ещё и приносила приличный доход. Эти заработки наконец-то позволили нам постепенно обрастать благами цивилизации.

* * *

Первое из благ, что появилось в нашей жизни, — это собака. В детстве я мечтала о собаке, но у меня её не было: мама, санитарный врач, считала, что животное в доме — это грязь и микробы. Я знала (а теперь просто уверена), что мама права, но желание от этого не проходило. Если смотреть на вещи с точки зрения передачи бактерий и инфекции, то поцелуй — одно из самых ужасных и опасных действий. Так что ж теперь, не целоваться? У Димы, в отличие от меня, собаки были всегда. В детстве — эрдельтерьер, а после — ризеншнауцер, он до сих пор живёт у Диминой мамы. В общем, мы с Димой решили, что нам очень подойдёт бассет-хаунд, нашли в газете объявление о продаже щенков и отправились через полгорода на трамвае за своим питомцем. Приезжаем, а там — вылетают на встречу 12 ушастых малышей и, как пропеллерами, ушами своими крутят.

Выбранный нами потрясающий мальчик прожил с нами полтора года. Никто не знал, как Гарику удалось проглотить маленькую деревянную игрушку, но результаты рентгена были не утешительны. Он умирал ужасно и мучительно — пришлось искать лекарство и усыпить. Я никогда не забуду его последнего взгляда, а потом он затих и умер. Вечером Дима вместе с Марковым вышли во двор и долбили замёрзшую землю. Через 10 минут после похорон февральская метель укутала свежую могилку.

Я думала, что мы больше никогда не заведём собаку! Ни за что! Ещё раз я такой потери пережить не смогу! Но, как говаривал герой фильма «Бетховен»: «А потом он умрёт, и все с ума сойдут от горя, и придётся покупать новую собаку, и всё начнётся сначала».

Нашей второй собакой стал Измаил. Спасибо Виктору из

«Русского размера»: французский бульдог — его любимая порода. Опять нам пришлось столкнуться с нелёгким выбором из нескольких безумно очаровательных щенков. Выбор пал на Зарика — кто-то его цапнул, и одно веко у этого щенка было неправильное.

Когда мы его покупали, я надеялась, что собачка маленькая, тихая. Оставь надежду, всяк её приобретающий! Мой однокурсник, крутил пальцем у виска, говорил: «Ты обалдела? Они же пукают и храпят!» Я не верила.

Но когда к нам приходили гости и мы встречали их фразой: «Только тише, у нас ребёнок спит…», они, слыша храп, достойный собаки Баскервилей, обычно вопрошали: «А у Кирилла что, насморк?» «Нет, это наш маленький Зарик», — отвечали мы. Но если бы три главных призёра чемпионата мира по храпу принялись показывать своё мастерство, то и они бы не смогли заглушить его рулады. Зато с Измаилом было не страшно оставаться на даче: непосвященному из-за двери казалось, что в доме спит двухметровый мужик, только что голыми руками сдвинувший гору.

А вообще Зарик удивительно послушный, что странно — «французы», как правило, совершенно неуёмны и рвутся куда угодно им, а не хозяевам. При этом, обладая тяговой силой средних размеров танка, обычно тянут за собой и сопровождающего. Наш пёс, как это не удивительно, гуляет всегда рядом и без поводка.

Ещё одно открытие, сделанное мной с появлением в нашем доме Измаила: наша собака — это почти ребёнок, когда ты берёшь его на руки, он обхватывает тебя лапами и дышит совершенно так, как человек.

Степень его «человечности» наиболее полно проявляется, когда Зарик попадает в гости к моей тёте: та предоставляет ему санаторно-курортные условия проживания и говорит о нём исключительно как о человеческом существе мужского пола.

* * *

У Димы всегда была мечта хорошо одеваться и ездить на хорошей машине. Он часто говорил: «Купим машину, на юг съездим…» А я, чтобы его не расстраивать, отвечала: «Ну конечно съездим, ну конечно купим».

Но самое смешное, что машина у нас всё-таки появилась. Это, конечно, был не «Мерседес» — машины менялись постепенно, и, кажется, мы прошли все ступени автомобильной иерархии,

начиная с «Запорожца».

«Запорожец» мы купили у моего папы. Дима как-то принёс свою зарплату — кучу денег сплошными трёшками — и вывалил её на стол. Гора! Большую часть этой горы мы обменяли на машину, оставшуюся отдали за курсы вождения.

Сейчас я думаю, что более потрясающего ощущения, чем сидеть в своей первой машине, просто не может быть на свете. Он лихачил и гнал сто с лишним километров под орущую музыку — музыка орала из кассетного магнитофона, изъятого у родителей в качестве внушительного по габаритам довеска. И магнитофон, и маленький Кирилл с развевающимися косами на заднем сиденье, и мы, мчащиеся на «Запорожце», — чертовски романтично.

Дима умудрялся так подходить к своей машине и так в неё садиться, как будто этот потрёпанный жизнью и дорогами автомобиль ни много ни мало — вертолёт на личной взлётной площадке. Казалось, Дима совершенно не отдавал себе отчета в том, что это всего лишь «Запорожец», даже в то время не считавшийся хорошей маркой. Для него это была — личная машина. Может, именно умение радоваться жизни и тому, что ты в ней достиг, и привлекало меня в Диме с безумной силой.

Иногда мы обгоняли какие-нибудь супермодели, а Дима говорил: «У нас ещё будет свой „Мерседес“. Самое смешное, что я продолжала всего лишь поддакивать ему как замечтавшемуся ребёнку. Следующей нашей машиной стали „Жигули“. После „Запорожца“ они казались чем-то заоблачным.»

Затем Дима пригнал из Финляндии девяносто девятую. Второй час ночи, Нагиев звонит:

— У меня для тебя сюрприз, выходи.

Первое, что я вижу во дворе, — стоит белоснежная красавица, и вдруг ко мне приходит понимание, что она — наша. Дима сажает меня на переднее сиденье, и мы всю ночь катаемся по ночному городу. Полное «хэппи».

Потом была ещё одна стадия — «Фольксваген», и лишь за ним «Мерседес». Машин последней марки у нас умудрились украсть аж две штуки.

Первую угнали в то дивное лето, когда мы начали делать ремонт в квартире, а фирма подрядчиков-ремонтников развалилась, и нам вернули всего лишь половину долга. Помню, возвращаюсь после эфира — Дима стоит на улице. Я ещё подумала тогда: надо же, как хорошо, он меня ночью встречает!

И вдруг такое:

— Алис, у нас машину украли…

Вот это номер! На этой же недели мы покупаем новую и в выходные едем на дачу. И что бы вы думали? Конечно же, по

дороге в нас врезается «Фольксваген-гольф» (ух, как я ненавижу эту марку!). Причём врезается настолько, что все продукты, лежавшие на заднем сиденье, расплющиваются всмятку.

А меня до сих пор по ночам преследуют кошмары, как угоняют мою любимую машину. Просыпаюсь в холодном поту, естественно.

* * *

С приобретением машины (как же без неё — первоочередная задача, а потом уже всё остальное) мы наконец-то стали заниматься домом. Никогда не забуду, как наши состоятельные соседи надумали разводиться и разъезжаться. Всё поделили, а вот «стенку» решили выкинуть. Но дубовую мебель выбрасывать довольно сложно, и они решили избавиться от неё с нашей помощью. Надо сказать, слово «стенка» было для нас тогда тоже каким-то запредельным. И мы, естественно, потащили её не вниз, а вверх.

Потом мы стали постепенно латать «дыры», представлявшие собой поначалу даже не дыры, а сплошную дырищу — то есть уровень жизни был не просто ниже среднего, а чётко ноль. Прекрасной возможностью для латания стал бартер, дававшийся за рекламу на радио. Оказалось, что в этом отношении перспективы бесконечны!

И мы стояли с открытым ртом, когда на нас сыпались «блага цивилизации», ранее казавшиеся нам недоступными. Кроссовки из магазина «Адидас» — круто! Утюг, привезённый из Казани — потрясающе! Выигранная в «Блеф-клубе» микроволновка — просто счастье! А ещё — поход в ресторан (по бартеру). Помню мы даже не посмотрели на обычные блюда, а блаженно объедались чёрной и красной икрой.

Примерно в то же время нам с Димой по бартеру достался ковёр ручной работы, удивительного синего цвета, с разбросанными тут и там потрясающими цветами. Честно говоря, ковёр был так хорош, что я даже вполне понимаю возникшее у нашего щенка желание если не съесть его, то хотя бы погрызть. Следствием отчаянного желания стала малю-ю-ю-сенькая дырочка.

По мне, ну и подумаешь! Ведь не пролитый же отбеливатель, и даже не следы случайно разведённого костра. Однако Дима так не считал: он усадил в ряд меня, Кирилла и собаку и прочёл нам полнометражную лекцию о бережном отношении к собственности. Пристыженные, мы вяло теребили шарфик,

ковыряли в носу и виляли хвостом.

Кстати, до этого я никогда не замечала за Димой особой любви к порядку. Но с этого момента его характер стал портиться. Дима начал очень трепетно относиться ко всем вещам и вещицам. И, надо заметить, они отвечали ему взаимностью.

Я никогда не могла понять, как человек, зайдя в коммисионный магазин, где сложно определяем размер, фасон и даже цвет, может протянуть руку и сразу вытащить то, что нужно и абсолютно подходит.

Так происходило не только с одеждой, но и с мебелью, и с фурнитурой для нашей квартиры — со всем. Видимо, всё дело действительно во взаимной симпатии.

Именно потому, что у Димы сложились тёплые отношения со всем тем, что лежит на прилавках, я абсолютно ему доверяла. Поэтому всё, что когда-либо за всю нашу совместную жизнь было на мне надето — от нижнего белья до шубы, — куплено либо им самим, либо под его чутким руководством. Нужно отдать Дмитрию должное — вкусом он обладает абсолютным.

Может показаться, что я привираю, когда говорю, что не замечала у Димы трепетного отношения к вещам. Сейчас, по-моему, все только и делают, что обсуждают, во что-де Нагиев одевался? Даже Серёжа Рост по этой теме проехался: мол, пижон Дима, и плащ его белый никогда ему не прощу.

Дима правда очень внимательно относился — не к вещам, нет! — к своей внешности. И одеваться, естественно, любил экстравагантно. Когда денег не было, он просто находил на антресолях какие-нибудь уникальные дедушкины вещи. Кстати, тот белый плащ, что Росту не даёт покоя, был аж прадедушкин.

Меня всегда восхищало, как Дима умудрялся даже с помощью каких-то совсем уж непонятных вещей создавать поразительные образы. Ему достаточно было просто платок красный себе на шею повязать, но обязательно так, что все ахали.

Если кто-нибудь, пытаясь представить себе Нагиева в домашней обстановке, полагает, что там уж Дима расслабляется и влезает в поношенные «треники» и растянутую футболку — вынуждена разочаровать. За все годы совместной жизни я ни разу не видела Диму в том, что называют «домашней одеждой» — он всегда следил за собой и даже дома выглядел так, что, вломись к нам репортёры и папарацци, они застали бы его в виде, достойном обложки глянцевого журнала.

Мы в принципе ярко одевались — и очень удачно вписались в «цыганскую» моду того периода. Дима, надо признать, очень любит всё яркое, может, от того, что у него по папиной линии есть восточные корни.

Кстати, с корнями очень смешные высказывали предположения, когда я замуж вышла, ведь Нагиев — фамилия нерусская. Поэтому смена своей «девичьей» на его «нерусскую» дала повод некоторым завистницам говорить: «Ну наконец-то замуж вышла: нашла себе какого-то „ару“ с рынка». А вовсе он и не азербайджанец, Димины предки — персы из Ирана. В начале прошлого уже столетия они прибыли в Среднюю Азию, спасаясь от голода. Но так случилось, что по дороге умерли все кроме маленького мальчика — Диминого дедушки, которого определили в туркменский детский дом. Фамилию Нагиев дедушка получил именно там.

Иранские корни, естественно, не могли не отразиться на Диминых предпочтениях: если ботинки — то с золотом вышитой английской буквой «Н», если плащ — то до земли. Представили себе кожаный плащ до земли? Очень хорошо. А теперь представьте себе, что одеяние ещё и на пять размеров больше Диминого. Весил «плащик» килограмм двести, наверное.

Моя первая кожаная куртка, волшебно-белоснежная, тоже была куплена Димой. К ней Нагиев прикрепил записку: «Когда я вырасту и стану взрослым, я куплю тебе, Папа Карло, много-много разных курточек. Буратино».

Но, конечно, после нескольких лет, когда мы практически ничего не могли себе позволить, покупали и не только хорошие и дорогие вещи, а всё подряд. Много дряни приобретено в СКК — огромном вещевом рынке, в который умудрились превратить спортивный комплекс. Как минимум половина из них через некоторое время просто развалилась.

Как я сейчас понимаю, на одежду тратились сумасшедшие деньги. Зачем, не помню. Но то, что были они сумасшедшими — это я помню хорошо. И вот по какому эпизоду. Не знаю, как уж так получилось, что бродила я в недрах спортивного комплекса одна и искала свою мечту: шубу из чернобурки. Нет, не так. Мечтой, конечно, была норковая шуба. А чернобурка — всего лишь компромиссом между желаниями и возможностями.

Потеряв счёт времени, я бродила, зажав в потной ладони деньги, являвшиеся на тот момент до того глобальной суммой (по крайней мере, в моём сознании), что всё время казалось, будто меня сейчас то ли ограбят, то ли сначала убьют.

И находилась я, по-видимому, в таком состоянии не то шока, не то просто аффекта, что сама не заметила как, но вышла на улицу в норковой шубе. И всё бы ничего. Но на дворе стояло лето…

В общем, с увеличением благосостояния я почему-то осталась прежней, мне всё казалось, что это какие-то удивительно большие

деньги, и абсолютно не понимала, куда их тратить. Дима — понимал. И стал просто воплощением совершенства. Как не сложно догадаться, моё «отставание» его ужасно бесило.

Нельзя сказать, что я не старалась, но соответствовать его страсти к идеалу было чертовски сложно.

Показательный пример: собираемся выехать с ребёнком в зоопарк. Долго выбираю одежду и себе, и Кириллу, прихорашиваюсь. Крашусь так, как, точно знаю, нравится мужу.

Наконец, сборы окончены, и мы, трогательно держась за руки и мило воркуя, доходим до остановки трамвая. И вдруг Дима видит, что у Киры не начищены ботинки, говорит: «Мне это не нравится», разворачивается и уходит.

Я всегда внимательно относилась к своей внешности, но на почве таких постоянных сюжетов и скандалов из-за пустяка даже заработала себе тремор цели, как говорят медики. То есть, выходя куда-либо с Димой, обязательно ломала ноготь или забывала дома помаду.

* * *

В то же время мы начали ездить в отпуск не на дачу, а за границу. Первая наша поездка была в Болгарию — путевки нам подарили на радио. Совершенно непередаваемая радость сборов захватила нас с головой.

В самолете я предвкушала море, известный каждому золотой песок и потрясающий отдых в течение двух недель. На третий день у Кирилла обнаружилась температура 40’, он проболел практически весь наш отпуск.

Как показало расследование, Дима потащил нашего сына в дождь кататься с горок. Сейчас я смотрю на фотографии — небольшая горочка, а на ней Кирилл в «плавниках» с вымученной улыбкой. Наверное, он все-таки боялся, а папа со свойственным ему авторитаризмом заставлял ехать. Еще бы тут не заболеть!

В общем, я сидела рядом с кашляющим и соплящимся ребенком в номере и фотографировала сверху Диму, купающегося в бассейне нашего отеля. И зависть моя меркла перед восторгом, когда я смотрела на его загорелое тело. Аполлон застрелился бы, наверное.

В другой год мы ездили в Париж. Правда, уже без Кирилла: ему не успели сделать паспорт. Это была неделя счастья, пережить подобное хочется снова и снова. Уже в аэропорту я поняла, что в такой Европе я никогда не была.

Вероятно, нам ужасно провезло с гидом. Обаятельнейшая

девочка, влюбленная во Францию вообще и в Париж в частности, всколыхнула дремлющую в каждом русском любовь к этому изумительному городу, в котором, кажется, сам воздух пахнет счастьем.

Даже привыкнув к европейской красоте в Петербурге, в Париже все равно срывает башню!

В отеле нам предоставили малюсенькую комнатку. Из нее можно было выйти в коридор, где два человека расходились с огромным трудом. И семь дней — маленькие улочки, подъем на фуникулере, птичий рынок, Монмартр… Осталась грусть — грусть человека, побывавшего в раю и вернувшегося на землю.

Кстати, тогда я узнала, что особенная ухоженность парижанок — это миф. По крайней мере те парижанки, что ездили в метро, ничего особенного не представляли. Русские девушки намного привлекательнее.

Но, как оказалось наше представление о красоте и моде не очень-то соответствует представлениям жителей французской столицы. Моя одежда вызывала у парижанок шок, а у представителей мужского пола — совершенно неадекватную реакцию. Все как один мне улыбались и показывали Диме поднятый вверх большой палец. Наверное, если бы они были итальянцами, то целовали бы себе пальцы.

Естественно, меня это удивляло. Но ровно до того момента, пока мы не попали в секс-шоп (попасть за границу и отказать себе в удовольствии побывать в секс-шопе просто невозможно!). Там среди разных размеров интимных игрушек, баночек с кремами и смешными вещицами, сулящими неземное удовольствие, продавалась и одежда: она как две капли воды была похожа на ту, в которой ходила я!

Путешествие на Майорку тоже запомнится мне на всю жизнь. Две недели рая среди метровых кактусов и обвешанных лампочками пальм. Я по утрам нежусь под солнцем, Дима — бегает вдоль берега, усыпанного отелями: спортом занимается. Ну бегает и бегает — здоровье бережет, думаю. Хотя и сомневаюсь: честно говоря, я бы в такую жару через пятнадцать метров свалилась посреди дороги. И вообще, все, о чем можно думать под плавящим солнцем, — это руки красавца-спасателя с нашего пляжа и о том, как было бы круто, если бы ему пришлось меня спасти.

Оказалось, сомнения мои были не напрасны. Как близко на самом деле находятся рай и ад, я поняла, поднявшись на борт самолета, полного загорелых отпускников. Среди почерневших пассажиров с довольным видом сидела наша с Димой знакомая. То есть это мне она была знакомая, а Диме… много кем.

Нагиев, правда, все отрицал. Еще в Петербурге эта мадам, прилично обогнавшая нас в возрасте и неприлично — в материальном отношении, как-то подвозила меня до дома на своей потрясающей машине.

Мы мило беседовали, и вдруг как будто кто-то резко изменил географию концовки, а меня забыл предупредить:

— Алиса, ты ведь понимаешь, что у нас с Димой не совсем дружеские отношения?

Единственным моим желанием в тот момент было открыть дверцу и выскочить. Прямо на ходу. Потому как понять, что место действия — движущаяся машина, будучи в состоянии шока, я просто не могла.

Вечером разговариваю с Димой.

— Так вот ты какой, Димочка, оказывается.

— Алис, она просто влюблена в меня и пошла ва-банк. Ну ты подумай: она ведь намного старше.

В тот раз я ему поверила. Но, увидев в салоне самолета ее победный взгляд, поняла, что очень и очень зря.

Хотя именно благодаря этой женщине, распоряжавшейся миллионами, Дима, например, получил возможность проводить показы мод. Они-то и стали причиной разрыва их отношений.

В одном из таких показов участвовала очень известная зарубежная модель, мечта многих мужчин и головная боль половины женщин.

Я как обычно сидела дома. Вдруг раздается звонок — в трубке неестественно высокий голос Диминой миллионерши.

— Ненавижу! — вопит. — Уволю к чертовой матери!

Пытаюсь успокоить и радостно потираю руки. Наконец-то поругались, думаю. Уточняю, что же все-таки случилось. Оказывается, вот уже полтора часа не могут найти ни Диму, ни модель.

Обозвав Нагиева всеми известными словами, характеризующими мужчину как человека, неравнодушного к женщинам, дамочка бросила трубку.

Что ж, сочувствую. Сочувствую и не понимаю, зачем пытаться сравнивать себя с той, которую уже со всеми сравнили, оценили и кому поставили высший балл по шкале женской красоты и притягательности. Я же понимаю, что это даже не страстный романчик — это звездочка на фюзеляже.

* * *

Конечно, для того чтобы зарабатывать деньги, приходилось

очень много работать: при любых обстоятельствах — просто постоянно. Сначала, потому что очень хотелось заработать денег, позже — потому что стало страшно все потерять.

Дима никогда не опаздывал и никогда не подводил людей. Он мог абстрагироваться от любых неприятностей — у него работа.

Лет десять он не пьет даже пива, потому что в какой-то момент обнаружил, что это может помешать ему работать с полной отдачей в любое время суток. При этом он яростно занимался спортом, и даже не знаю, чего здесь больше — желания сохранить форму или страха перед тем, что когда-нибудь наступит старость.

И еще, конечно, немаловажную роль играет Димино абсолютное везение. Мы в этом отношении очень разные. Если я когда-нибудь отваживалась прогулять лекцию, то обязательно в этот день встречала преподавателя. Если из восьмидесяти билетов я успевала выучить семьдесят девять, что мне обязательно попадался тот единственный, который я даже не читала.

У Димы же в жизни все с точностью до наоборот. На экзамене ему всегда попадался тот единственный билет, который он учил. И это везение, несомненно, ему помогало, в том числе и в достижении своих целей. А цель у него была — слава и деньги.

Когда в начале наших взаимоотношений я его спрашивала: «Что ты выберешь: карьеру или семью?», Дима, не задумываясь, отвечал:

— Карьеру, славу и деньги.

И хотя он до сих пор утверждает, что зарабатывает деньги для того, чтобы его дети безбедно жили, по моему мнению, главный человек, которому это нужно, — он сам.

Люди, достигшие в жизни таких высот, умеют отказаться от всего ради своих целей, в том числе и от семьи. Например, Шварценеггер, когда его пригласили принять участие в конкурсе «Мистер Олимпия», не поехал на похороны своего отца. Для девяносто пяти процентов людей — это нонсенс. Но для оставшихся пяти — это единственный путь достичь желаемого.

И не нужно меня убеждать, что можно делать карьеру или зарабатывать деньги ради семьи. Или карьера, или семья — совместить две эти вещи невозможно.

ГЛАВА 6
ТАЛАНТ И ПОКЛОННИЦЫ

До прихода на радио я думала, что нормальных людей больше, чем ненормальных. Может быть, именно по этому я никогда не ревновала Диму к его поклонницам. С другой стороны у такого человека, как мой муж, они просто должны быть, и это нормально. А с другой — разве я могла всерьёз считать, что какая-то там поклонница может разрушить наше великое чувство? Ведь это мне надо быть абсолютной дурой, чтобы решить, будто сказанное Димой в эфире относится исключительно к ней… «Ты красивая маленькая девочка, а я старый, я очень старый… Может, мне не так много лет, но я так боюсь тебя испачкать… Ты ступай, ступай, не следи за мной глазами. Моя дорога запутана, и помогать мне не надо: я, наверное, не смогу это оценить. Иди, я не люблю тебя… Ушла. Я солгал. Я любил. Но, как кажется, спас от себя».

И только у меня никогда не возникало подобных мыслей. Напротив, очень часто мне казалось, что его слова, звучащие из динамиков, обращены к кому-то другому. «Любовь… Любовь — это чувство, которого нет, его придумали нам боги. Мы поверили в нее и теперь следуем несуществующим правилам. Поэтому давай просто будем вместе… Давай бить посуду и ругаться ночами на кухне, давай вместе гулять под дождем и мечтать о счастье, давай искать друг друга по ночному городу, мериться и любить.

Давай будем друг друга любить. Сделай хотя бы шаг навстречу, я сам брошусь к тебе… Я иду к тебе».

Как обычно, я списывала все на счет своей разыгравшейся фантазии и лишних проблем Диме не создавала. Зато сколько проблем создавали сумасшедшие фанатки!

Поклонницы у Димы имелись всегда, и самые разные. Разнообразие это подтверждалось документально, так как фотографиями, присланными на радио, можно было бы обклеить не одно отхожее место. Иногда мне приходила в голову мысль отдать всю Димину коллекцию в «Playboy» или послать куда-нибудь на конкурс. Дима поступал проще: одно время он вместе с Ростом вырезал из фотографий аккуратные прямоугольники и разрисовывал под игральные карты. Несколько таких «колод» советско-эротической тематики подарено знакомым. Потом развлечение надоело: слишком большое количество обнаженных женщин почти тоже самое, что и два килограмма шоколада: в

какой-то момент начинает подташнивать.

Насколько я помню, в большинстве своём персонаженки на фотографиях были очень даже ничего — симпатичные. Эти девушки со всех городов России признавались, что мечтают родить Диме ребенка или ушли от мужей. Мне казалось странным, что у таких стройных, длинноногих и пышногрудых красавиц могут существовать какие-то неполадки в личной жизни. Но, видимо, проблемы были не во внешности, а с головой.

Одна наименее «проблемная» дамочка заваливала Диму красивыми старыми открытками, изрезанными орнаментом лиловых букв. К ним прилагались и фотографии. Мадам выглядела, несомненно, famm de lux, и все бы замечательно, да вот по одежде и макияжу, а также качеству изображений становилось понятно, что сделаны они году этак в пятидесятом. По нашим подсчетам, эта поклонница уже разменяла восьмой десяток. Правда, она утверждала, что ей всего лишь четверть века.

Были сюжеты и поинтересней. Вот, например, еще одна уникальная женщина из числа очарованных Диминым голосом. Гуляла я как-то с собакой, вижу, стоит во дворе эффектно одетая дама и смотрит на наши окна. Подхожу ближе: перебирает в руках какие-то четки и под нос себе что-то бормочет. И уж больно все начинает попахивать, самой что ни на есть, практической магией, потому как в довершение всей этой странной картины моя собака начинает на женщину лаять. Казалось бы, ну и что? Да вот только очаровательная наша псина, будучи французским бульдогом, отродясь ни на какого не лаяла, а разве что перекусывала насмерть.

Немного погодя Диме приходит посылка, а я просто чувствую, что прислана она именно той дамой, встреченной недавно около дома. Раскрываем — полное сумасшествие: в аккуратном беспорядке уложены платок, бусы, камни, открытки и какие-то странные листы с записями нетто молитв, не то заговоров.

По молодости и неопытности я платок решила себе взять: уж больно красив он был. Только с этого момента начинают со мной всякие несчастья приключаться: то забуду дома сумку с документами, то на лестнице споткнусь и ногу себе выверну. А главное, точно знаю, что во всем повинен этот платок заговоренный, но выбросить его не могу. Наконец все-таки собираюсь с силами и решаю от него избавиться. Приезжаю к маме и прошу убрать куда-нибудь, а еще лучше — выкинуть. Мама его временно отложила, а когда собралась ненужные вещи выбрасывать, так платка этого и не обнаружила. Как и куда он

пропал — совершенно неизвестно.

* * *

Дальше — больше: газеты, интервью, телевидение. Нас стали узнавать на улице. Особенно после программы «Крестики и нолики», в которой принимала участие команда радиостанции «Модерн». Я, Дима, Алла Довлатова, Дина Ди, Сергей Рост и Леша Разумовский, одетые в красные жилетки, давали дурацкие ответы на соответствующие вопросы. Победу и добычу, как и положено, отдали другим. Зато нас распирала безумная гордость покорителей эфира: ах, как приятно было на следующее утро проснуться обладателями лиц, показанных «В телевизоре»! С того самого дня в нашу жизнь вошли популярность и, самое главное, узнаваемость.

Улицы родного микрорайона запестрели объявлениями: «Продается Дмитрий Нагиев», «Алиса Шер разводит свиней. Звонить по тел:…» Далее указывается наш номер. Откуда только узнали?! Не про свиней, разумеется, а номер телефона.

Почти сразу началась и «публичная жизнь». Жизнь на публике, если переводить буквально. Потому что в нашей квартире не было ни одного места, которое бы не просматривалось в бинокль или, что реже, но на много эффективнее — в подзорную трубу с крыши высотного дома напротив.

Те же, у кого не было технического оборудования, в домашних тапочках стояли под нашими дверями. Наверное, потом, объединив визуальные материалы и аудиоэффекты, эти девочки составляли наиболее полную картину нашей жизни. Впечатления, нужно сказать, самые ужасные. Представьте себе: все, что бы ты ни делал, становится достоянием каких-то посторонних людей. В сортире, pardon, пукнуть лишний раз боишься.

А уж что они вытворяли! Одним лишь подростковым психотерапевтам известно, какую цель преследовали такие выходки, как разбитые о дверь несколько десятков яиц и измазанная какой-то гадостью ручка. В общем, достали меня эти девицы-малолетки, сил никаких нет.

Однажды Кирилл и его приятель устроил засаду: один спускался с девятого этажа, а другой поднимался с первого. Радостный вопль сына: «Мама, мы их поймали!» заставил меня выскочить на лестницу. И такая злость меня взяла, что я схватила первую попавшуюся девицу за волосы и затащила в квартиру.

Сама не своя, заорала:

— Ты сейчас мне все будешь говорить: кто это, зачем это, адреса и телефоны!

Девочка описалась от страха. И номера телефонов оставила.

А вечером Дима устроил небольшой воспитательно-показательный розыгрыш. Изменив до неузнаваемости голос, позвонил по всем этим телефонами ошарашил родителей примерно следующим текстом:

— Добрый вечер, следователь Петров беспокоит. Вчера по такому-то адресу находилась ваша дочь, совершая неправомочные действия в отношении частных лиц и их собственности. Заведено уголовное дело…

Позвонили, порадовались сладкой мести и забыли. А на следующий день… звонок в дверь. Выходим на лестничную площадку — стоят наши негодницы в окружении своих семейств: мамы, папы, бабушки, дедушки, младшие сестры, старшие братья… Только собак не хватало. И вся эта толпа народа жалобно причитает: «Простите, девочки маленькие, глупые совсем, пошутили они…»

Простили мы их, конечно. А в том, что и сами «пошутили», не признались.

* * *

Другой вид психологических патологий — жажда доставить максимум неудобств и дискомфорта своим «любимцам». Обязательно схожу и проконсультируюсь со специалистом на предмет выяснения причин заболевания и мотивов поведения этого рода несостоявшихся пациентов.

Они — самая большая головная боль и самый коварный враг любого знаменитого человека. От них вполне нормальные и трезвомыслящие люди сходили с ума и спадали в состояние аффекта.

Алла Борисовна, например, вспоминает, что доведенная до состояния истерического припадка, неслась по коридорам БКЗ за своей поклонницей с яростным воплем: «Я убью ее!» Мне казалось — абсурд! Это же поклонница! Как можно! Не только можно, но и безумно чешутся руки, особенно после того, как тебе выдерут клок волос…

А какую хитрость, какие коварство и изобретательность проявляют некоторые поклонницы, дабы дать кумиру почувствовать себя зверем, готовым растерзать свою жертву! Такие таланты пропадают!

Позвонила мне как-то девушка, представилась журналисткой известного периодического издания. Просила об интервью с Нагиевым, соответственно требовала номер его телефона.

Никто и никогда никаких номеров телефонов не раздает. Ни я, ни кто-либо еще. А я — так в особенности. Наученной горьким опытом, мне более свойственно быть со своим собеседником грубой и настороженной, чем открытой и доверчивой.

Примеров тому масса. До сих пор, например, стыдно за телефонный разговор, состоявшийся у меня с Розенбаумом. Я написала о нем статью, а через некоторое время раздался звонок.

— Кто ее спрашивает? — уточняю.

— Александр Яковлевич.

Возможно, я показалась этому замечательному человеку чересчур грубоватой, но мне потребовалось энное количество доказательств для идентификации личности говорившего, прежде чем выслушать лестный отзыв о моем творчестве.

Так вот, возвращаюсь к истории с «журналисткой». Эта девушка была настолько правдоподобно убедительна, что обвела меня вокруг пальца и вытребовала злополучный телефон. В ней погибла великая актриса или аферистка.

Она устроила Диме ад, присылая бесконечное множество сообщений на его автоответчик. Там было все: и мерзейшие фантазии, и гадкие выпады, и шум сливного бачка…

* * *

Или вот еще одна история, которую можно было бы назвать подкупающе-трогательной. Началась она одной дивной ночью, почти перешедшей в утро. В это сладкое для каждого любителя сна время раздался звонок в дверь. Дима на гастролях, потому как сомнамбула иду открывать сама.

— Кто? — спрашиваю.

— Это Маша.

Пытаюсь спросонок сообразить, какая и зачем в такую рань.

— А я приехала к Диме жить, он меня пригласил.

В этом месте диалога я уже окончательно просыпаюсь и наконец-то разглядываю оппонентку в глазок. Милая девушка, совсем даже недурственной наружности, лет 18, с узелком каким-то. Отвечаю:

— Дорогая, езжай, пожалуйста, домой.

Закрываю все двери и иду досыпать. Решаю, что привиделось — к утру само рассыплется.

В тот же день собираюсь идти на работу, и первое, что

встречаю на лестничной площадке — ночное привидение. Ни капли не рассыпавшееся, причесанное и обаятельное, это «недоразумение» сидело на лестнице. Да с каким комфортом! Из тесного узелка были извлечены салфетка, яйца, нарезанный хлеб, лучок зеленый…

— Вы что, решили здесь поселиться? — задаю уточняющий вопрос.

Девица окидывает меня ленивым и уверенным взглядом:

— Я же говорю, я к Диме приехала жить. А вы кто такая?

Ну знаете ли! Какая неимоверная наглость! Взбешенная, четко артикулируя, объясняю:

— Я его жена.

— Врете Вы, — отвечает мне наглое создание, — у Димы нет жены.

И садится дальше поглощать свой нехилый завтрак. Возмущению моему нет предела. Возвращаюсь поздно вечером домой — застаю все тот же персонаж в том же месте, только узелок уже между стеной и ухом — волшебная вещь, многофункциональная. Девица на меня даже внимания не обратила, а я еле дождалась Диминого звонка. На мои упреки и подозрения Дима отвечает:

— Алис, ты с ума сошла, что ли? Кого я приглашал?

И я понимаю, что глупость все это и Дима действительно никого пригласить не мог, но легче мне от этого не становится. А утром снова раздается звонок в дверь. В глазке — все то же привидение, но зареванное… Открываю.

— Вы понимаете, — бормочет, — мне Ваши соседи сказали, что Вы действительно его жена, а ведь он говорил, что одинок… И что же мне теперь делать? Куда теперь?

Я, видимо, настолько опешила, что даже впустила ее в квартиру и попыталась оказать первую помощь — напоила чаем. И не зря, потому как рассказанная ею история — потрясающий пример женско-фанатического идиотизма. Оказывается, эта девица чуть ли не пешком пришла из Тулы жить к Диме, потому что в одном из своих эфиров он сказал: «Где ты, моя ненаглядная? Я тебя жду. Если даже ты далеко, все равно приезжай». И дивная тульская барышня решила, что все это имело отношение именно к ней… Честно говоря, я даже не знала, как реагировать. Маша собрала свой узелок, извинилась, попрощалась и исчезла… Мы с Димой долго тогда хохотали.

А лет через шесть я встретила Машу в офисе своего приятеля. Она закончила в Петербурге институт и устроилась работать менеджером по рекламе. По моим впечатлениям, с головой у нее стало намного лучше. И узелок свой она сменила на модную

сумочку.

* * *

Месторасположение нашей студии создавало дополнительные шансы поклонницам портить людям жизнь и упражняться в находчивости. Студия располагалась в Ольгино, и от нее до шоссе вела длинная-предлинная лесная дорога. Дима, заканчивавший эфир поздно вечером, довольно часто встречал на этой дороге вроде как случайно здесь оказавшихся голосующих девушек, хотя понять, что привело их в такое время в темный лес, было не сложно. Обычно, испытывая сочувствие, а также свойственное молодому и красивому мужчине желание пофлиртовать с поклонницей, Дима подбрасывал их до города.

В тот поздний вечер все было привычно: пустая дорога и в свете фар одинокая голосующая фигура. Дима сажает замерзшую в лесу девушку — дело было поздней осенью, и длинный плащ, по-видимому, не спасал от промозглого ветра. Девица, несмотря на покрасневший нос, хорошо накрашена и к свиданию с кумиром оказалась подготовлена. В мгновение ока она скидывает плащ — а под ним ничего нет: ни трусов, ни лифчика, ни колготок. В одних осенних сапогах она в буквальном смысле слова пытается карабкаться на Диму.

В тот раз удалось отделаться легким испугом: несмотря на срочную попытку нажать на тормоз, в канаву они все-таки въехали. Попутчица как виновница происшествия была привлечена к сверхурочным работам по вытаскиванию «Мерседеса». Как оказалось, труд действительно облагораживает человека, потому что повторить попытку изнасилования она так и не попыталась. Дима потом признавался, что панически тогда испугался: мало того, что хорошую вещь из-за этой дуры чуть не угробил, да еще остался с сумасшедшей один на один в темном лесу. С тех пор подвозить своих фанаток он стал побаиваться.

Но и фанатки не растерялись. В связи с повышением уровня жизни наших сограждан у многих появились собственные автотранспортные средства. Поэтому, дождавшись, когда Дима выйдет после эфира и сядет в машину, фанатки включали зажигание и начинали настоящие гонки. Адреналина-то сколько: ночь, свет фар, на шоссе — бешеная скорость, в городе — азарт охотника. Видимо, бабушки их плохо учили: «Никогда не гонись за мужчиной и автобусом!»

Чтобы как-то закончить автомобильную тему, расскажу еще один случай острого помешательства поклонниц, закончившийся

не просто банальной встречей с инспектором ГИБДД, а самым настоящим делом в милиции. Итак, триллер.

По ночам Дима подрабатывал в одном из клубов и припарковывал свой черный «Мерседес» рядом с заведением, на улице Маяковского. К 3 часам ночи, когда рабочий вечер заканчивался, с оставленной в добром здравии машиной начинало происходить что-то мистическое. Сначала это были заклинившие дверные замки, затем — замок багажника, и в довершение всех бед стала появляться какая-то грязь неизвестной этиологии.

Дима как человек реалистичный не стал впадать в панику и кропить машину святой водой, а нанял специального мальчика, которому полагалось следить за машиной и, если кто-то станет проявлять к ней повышенное внимание, вызывать охрану.

Во время одного из дежурств к машине подошли две подозрительные девицы и, едва начав свой адский ритуал, были задержаны на месте преступления охраной клуба.

Подъехала и милиция. Две «раскаявшиеся» преступницы — это удивительно, обе довольно взрослые и солидные девушки — объяснили, что «колдовство» над машиной совершали из мести, так как Дмитрий Нагиев не провел их бесплатно в клуб.

В ходе следственного эксперимента выяснилось, что замки заклинивало из-за малюсеньких палочек, вставленных в отверстия. А так называемая грязь, на мой взгляд, являлась, по сути, настоящим интеллектуальным шедевром! Уникальная смесь готовилась по особому рецепту, видимо, перешедшему по наследству от какой-нибудь прабабки-ведьмы: берется масляная розовая краска, добавляется немного муки, следом — несколько флакончиков клея БФ, и в конце адская смесь заправляется говном. Все, зелье готово. Ну, может быть, настоять еще все это нужно часиков десять. Подробностей, разумеется, я не знаю.

Заведенное уголовное дело о моральном и материальном ущербе долго не пролежало. Через какое-то время мы все-таки сжалились: как-то страшно становилось от слов «суд», «срок»… да и девушки были, хоть и по-своему, но талантливые. Хотя, скорее, не поклонницы, а просто хулиганки.

* * *

Все вышеизложенное хоть и является в своем роде помешательством, но безумием все же не пахнет. Каждый развлекается в меру своих возможностей, желаний и фантазии. Но встречались в нашей практике и по-настоящему безумные

женщины. То ли и правда Димин голос так крышу сносит, то ли им просто забыли вовремя оказать психологическую помощь.

Одну такую девицу Дима встретил, когда направлялся куда-то вместе с Андреем Марковым, своим директором. Она вылетела навстречу — безумный вид, растрепанные волосы, горящие глаза — и буквально повисла на Диме, обхватив его руками и ногами. Приложив неимоверные усилия, в четыре руки поклонницу отлепили. Андрей за свою помощь немедленно расплатился: обиженная девушка вцепилась зубами ему в руку и прокусила насквозь. Шрам от укуса остался до сих пор. Приехавший врач «скорой помощи» настолько удивился, что на всякий случай сделал даже укол от бешенства.

Или вот еще был случай, перевернувший мои представления о границах разумного. Одна дама не пожалела сил и энергии для пресс-конференции, на которой она заявила, что у нее ребенок от Дмитрия Нагиева. На следующий день все население Перми в составе 2280 человек, включая стариков и младенцев, обсуждало новость, опубликованную во всех газетах города и области: от «Вечерки» до «Березняковского рабочего». Маленькая пикантная подробность: ребенку к тому моменту было четырнадцать лет, а Диме — двадцать с небольшим… По-видимому, у мадам имелись серьезные пробелы в образовании.

А сколько было звонков от родителей: «Моя дочь перерезала себе вены», и все такое в том же духе… Ужас, что творилось! Одну девушку, покончившую жизнь самоубийством из-за несчастной любви к Диме, я знала лично. Мы познакомились с ней совершенно случайно — она присылала нам на радио свои стихи. Надо заметить, замечательные, и некоторые из них Дима читал в эфире.

Ты не заснешь под этот шум дождя.
Тебе сегодня не приснится чудо.
И я, — ты слышишь, помнишь? — даже я,
Я все, что обещал тебе, забуду.
Ты не заснешь под этот шум дождя.
Сегодня вечер остается рядом.
И сколько хочешь забывай меня,
Но только в дождь не уезжай, не надо…

Потом Дима с ней познакомился, они подружились… И, как это часто бывало с Димой, он привел ее работать туда, где работал сам. Так эта девушка попала на радио, а затем перешла ассистентом и в «Осторожно, Модерн!» Долгие годы никто ни о чем не подозревал, да и впечатление она производила, надо заметить, самое приятное и положительное. Но, скорее всего, у нее все-таки были какие-то проблемы с психикой, потому что в

какой-то момент в голове этой талантливой девушки все перепуталось: появилась убежденность, что Дима обязан на ней жениться. Так как этого не происходило, она впала в депрессию. А в один из дней выбросилась из окна.

Мы смеемся и падаем в небо
И взахлеб проклинаем себя,
День за днем отбирая у века
Свой проигранный смысл бытия…

* * *

Меня, как я уже говорила, все эти девочки-девушки-женщины мало волновали. С точки зрения ревности, разумеется. Точно знаю, что Жима просто не стал бы использовать свою популярность как путь к завоеванию женщины. Просто потому, что он слишком легок.

Но в бытовом плане, конечно, приходилось довольно тяжело: вечная борьба, как с тараканами, — сколько ни пытайся от них избавиться, все равно никуда не денутся, только толще станут. Даже сейчас какие-то женщины регулярно звонят в ресторан, где я работаю директором, и просят Диму. Им отвечают:

— Вы поймите, это ресторан.

— А Диму? — настаивают они.

Мои администраторы в таких, несомненно тяжелых случаях уже привыкли говорить: «А Дмитрий в душе» или «Дмитрий кушает». Им верят, вот ведь что удивительно!

В психологическом же плане, как сейчас понимаю, я довольно часто находилась на грани нервного срыва. Удавалось стоически выдерживать разные ублюдочные сообщения обо мне и моей личной жизни, приходившие на радиостанцию по факсу. Удавалось не расстраиваться после ночных звонков с вопросом: «Ты еще жива, старая кляча?» А как же переносить на ногах вопли сумасшедшей, орущей в трубку, что Кирилл — её ребенок и она лишит меня материнства.

Но на подсознательном уровне всё это, видимо, откладывалось, после чего плавно переходило в фобии и мании. Например, в клубе, где работал Дима, я очень боялась заходить в дамскую комнату. Потому что вместе со мной туда обязательно заходила какая-нибудь его поклонница. Я, постоянно держа девушку в поле своего зрения, обычно быстро запиралась в кабинке, либо разворачивалась на 180 градусов. Меня преследовала мысль, что не сегодня-завтра какая-нибудь сумасшедшая обязательно обольет меня кислотой или покалечит.

Ведь их глаза светились совершенно ненормальным блеском. Но я и это пережила.

* * *

Настоящие проблемы начались тогда, когда я вдруг узнала, что у него существует «интерес» к одной из сотрудниц радиостанции. Эта девица позволяла себе весь набор уловок и поступков любовницы, жаждущей увести мужа из семьи: утренние звонки, молчание в трубку и прочая, прочая. Меня, конечно, все это раздражало до сумасшествия: хотелось схватить ее за волосы и стукнуть о ди-джейский пульт. Но я «отрывалась» на Диме.

Как-то в одно из поздних его возвращений — точно знаю, что от нее! — я позволила себе выяснение отношений. В ответ на заявление: «Она мне нравится как человек и как женщина» — я принялась швыряться детской мебелью, вцепилась Диме в волосы и стала выволакивать его из квартиры. И настолько разъяренной я была, что мои пальцы невозможно было разжать, как пасть нашего бульдога. Когда же Диме все-таки удалось освободиться, оказалось, что один из пальцев у меня сломан. За ночь он распух и по толщине равнялся оставшимся четырем.

Иногда от расстройства чувств и нервов мне в голову приходила идея выкинуть все совместно нажитое на помойку. Тогда я звонила Диме, но, как правило, не вовремя. Так как хуже всего мне было по вечерам, то звонок обычно раздавался во время его эфира. Я говорила: «Спасибо большое за все, что ты сделал в моей жизни, спасибо за сына. Ключи от машины и т. д. и т. п. ты можешь найти в третьем бачке справа от окон». Но до приезда я успевала одуматься, перезвонить и сообщить, что пошутила.

В одно из Диминых ежевесенних обострений кобелизма я чувствовала себя совершенно потерянной и никому не нужной. В это же время на несколько дней вернулся мой старинный приятель, когда-то уехавший жить и работать в Германию. Замотанный делами, встречами и переговорами, он сумел высвободить один последний вечер для меня, а я все немногие часы встречи потратила на стоны и жалобы по поводу своей несчастной жизни. И это после нескольких лет разлуки! Почти и не спросила, как дела.

Мой приятель, молодой человек энергичный и несколько импульсивный, отреагировал по-деловому. Даже не знаю, был ли он рассержен на недостаточное внимание к своей персоне или чистосердечно хотел вступиться за честь женщины, но не исключено, что и то и другое вместе.

Дима вел тогда по вечерам «Рулетку». Еще раз напомню — это передача, организованная совместно с казино «Конти», где один ведущий находится в студии и принимает звонки, а другой — сидит в казино и делает ставки от имени звонящего. Все, естественно, в прямом эфире.

И вот, я приношу нам кофе и вижу — приятель мой сидит с телефонной трубкой около уха, расплывается в улыбке и показывает мне, мол, все о'кей, не волнуйся…и, не успеваю я поставить на стол кофейник, произносит на всю страну совершенно неприличную фразу, обычно указывающую путь заблудшим… Я взвиваюсь, вцепляюсь в телефонный аппарат и жму отбой.

Надо сказать, приятеля я тогда чуть не пришибла. Потому что «Конти» за его дурную голову объявило вознаграждение в тысячу долларов. Кофе и все, что к нему прилагалось, из головы от страха выветрилось. Несомненный же плюс дурацкой шутки был в том, что переживания по поводу возможности вычисления номера телефона на некоторое время оторвали меня от неприятных мыслей.

Но и это Димино увлечение прошло и растаяло как дым. Сейчас его пассия вполне адекватная девушка, слава богу, нашедшая свое счастье и даже довольно приятная в общении.

* * *

Спустя годы, пытаясь осмыслить помешательство на Диме Нагиеве как массовое явление, я все же склонна думать, что причиной служит, несомненно, Димин талант, помноженный на его ум, красоту и сексуальность.

Откровенно говоря, до сих пор, когда я встречаюсь с Димой, начинаю испытывать некоторую симпатию ко всем этим сумасшедшим, в разной степени помешанным и сексуально агрессивным особам. Ну, может быть, не симпатию, о что-то вроде понимания — это точно.

ГЛАВА 7
ДРУЗЬЯ — СВОИ И ЧУЖИЕ

Ладно, хватит пока о женщинах. Плод моей фантазии? Ну что ж, пусть будет плод. Но то, что невозможно приписать моему воображению и чему есть неопровержимые доказательства — это походы в баню. Вот уж не думала, что такое, казалось бы, невинное занятие может заканчиваться так, как оно почему-то заканчивалось у Димы.

Баня располагалась в центре Петербурга, на Марата, и каждая среда для Димы и его однокурсников: Климушкина, Лифанова и Мужикяна — была банным днем. Естественно, не обходилось и без спиртных напитков: либо портвейн, либо водка являлись непременным атрибутом их мужских посиделок.

Возвращался Дима после очищения души и тела поздно, а часто — и вовсе не возвращался. Потому что оказаться он мог где угодно.

Например, как-то раз его занесло в конец Московского проспекта, туда, где «стамеска» и начало Пулковского шоссе. Наутро Дима проснулся в ногах гигантской женщины. Как оказалось бронзовой. Сквозь утренний туман на гулянку сурово глядели аникушинские защитники Ленинграда. Думаю, хорошо, что он до аэропорта не дошел.

В одну из сред Дима всерьез пропал. Удалось дозвониться до Сергея Роста (тогда он был, конечно, не Рост, а Титивин). Спрашиваю:

— Дима у тебя?

Сергей отвечает:

— У меня.

— Позови, пожалуйста, к телефону.

— А он сейчас не может ничего сказать, его доктор осматривает. Хочешь с доктором поговорить?

К телефону подходит «доктор», как потом выяснилось, тоже один их приятель:

— Да, Дмитрий здесь. К сожалению, у него немножечко плохое состояние, немножечко плохо с сердцем.

— Он жив?

— Да, жив.

Я, естественно, верю в этот розыгрыш, но продолжаю требовать Диму к телефону, уже практически не сомневаясь, что если мне сейчас не удастся поговорить с ним, то шанса услышать любимый голос у меня больше не окажется.

Пришлось приятелям его растолкать и в совершенно невменяемом состоянии подтащить к телефонной трубке.

Опешив от новости, что Диме настолько худо, трепетно и со слезами в голосе прошу:

— Дима, скажи мне что-нибудь!..

И слышу в ответ:

— Ку-ку.

Следующим утром раздался звонок в дверь. Можете мне поверить, зрелище оказалось не для слабонервных! Вместо лица — сине-красно-сизое месиво, а в районе переносицы торчит кость.

Что произошло на самом деле, истории не известно, так как показания очевидцев расходятся. По одной из версий, на них напали. По другой — Дима стал приставать к девицам, не обратив внимание, что те не без компании. Возможно, во втором случае тоже имело место «нападение», но его, как мне кажется, более уместно было бы назвать «защитой частной собственности».

Больше всего противоречий в самом слабом мужском месте — количестве противников. Лифанов говорит, их было пятеро, Мужикян — двое, а Дима, что одиннадцать.

Нос, конечно, пришлось вправлять. И потом — мне было так его жалко, что я даже не обиделась на розыгрыш. К тому же Дима, всегда стремившийся сгладить впечатление от своих из ряда вон выходящих поступков, принес с собой замечательный подарок — французские духи. Чтобы заполучить этот редкий в то время продукт, они с Лифановым притворились больными, чем распугали бесконечную очередь, шарахнувшуюся от них как от прокаженных.

Впрочем, розыгрыши казались не только меня. Если можно так сказать, они были способом жизни, а не только сценическим образом, и, может быть, именно поэтому Дима так естественно смотрится в своем «Осторожно, Модерн!»

* * *

Кроме меня в числе постоянных жертв значились все Димины друзья. Никогда не забуду, как Лифанов пришел на встречу со своей новой пассией. Знакомит:

— Всем привет, это Света.

Девочка, конечно, симпатичная, и никто к ней лично никаких претензий не имеет, потому как видят в первый раз. И тут следует вопрос «из зала»:

— Отлично, а где Галя?

К сожалению, оказалось, что у девушки напрочь отсутствует

чувство юмора — в слезах и соплях она убегает. Крови Лифанову Дима таким образом попортил изрядно. Наверное, впору уже было бы избавиться от Нагиева каким-нибудь особо жестоким способом. Но у Лифанова на этот счет имелись, по-видимому, свои взгляды — например, целенаправленный поиск девушки, обладающей не только симпатичной внешностью, но и железными нервами.

Димино чувство юмора не обходило стороной и его директора. Как-то романтически настроенный Андрей Марков подвозил свою девушку до дома. Он разливался соловьем, острил и чувствовал себя настолько героем, что уже всерьез рассчитывал на приглашение выпить кофе и, может быть, даже на все вытекающие из этого кофе последствия.

Однако что-то пошло не так. К середине дороги девушка напряглась и стала странно реагировать на его шутки. Когда же машина подъехала к дому, она вопросительно посмотрела на Андрея и раскрыла сжатую в кулачок ладошку, протянув Маркову два презерватива.

Как рассказывал нам позже Андрей, первой его мыслью было: «А почему два?» Вслед за этим ситуация совершенно вышла из-под контроля: девушка открыла бардачок — он был весь заполнен упаковками изделий из латекса, обещавшими неземные наслаждения за счет разнообразия своих фактур, цветов и запахов.

Девушка молча покинула, пожалуй, больше нее удивленного Андрея, демонстративно хлопнув дверью. Догадаться, кто бы мог рассовать по всей машине презервативы — как оказалось, они были не только в бардачке, но и за зеркалом заднего вида, в щелях сидений и даже в пепельнице — было совершенно не сложно.

От профилактических мер, которые мог бы предпринять Андрей, чтобы ситуация больше не повторялась, Диму спасло только то, что девушка буквально на следующий же день пригласила Маркова к себе и устроила ему сплошные последствия без каких-либо прелюдий. Через неделю безумной страсти она призналась Андрею: всю ночь после неудавшейся поездки в машине она не могла отделаться от желания все-таки попробовать все эти «апельсиновые с нарезкой» и «черные с пупырышками»…

Подобная шутка, разыгранная с машиной Сережи Роста, к сожалению, не увенчалась успехом. Впрочем, и презервативы не лежали в завлекательных упаковках, а валялись повсюду развернутыми и заправленными майонезом. Свисавший с зеркала заднего вида «подарок», начиненный густой жидкостью, произвел

на Сережину пассию неизгладимое впечатление: с Сережиного лица девушкино «впечатление» изгладилось примерно через сутки.

* * *

Я, конечно, знала всех Диминых друзей и общалась с ними, стараясь поддерживать хорошие отношения. Даже с Серёжей Ростом, хотя он раздражал меня ещё со времён радио «Модерн».

Никогда не забуду дивный эпизод из нашей жизни. Одного его, на мой взгляд, могло стать достаточно, чтобы понять, что же это за человек — Серёжа Рост. Он тогда был влюблён в одну девушку с нашей радиостанции и довольно долго с ней встречался. Наконец она, впрочем, как и все другие, его бросила. Этот милый молодой человек не нашел лучшего способа утолить свои печали, как воспользоваться общей технической тетрадью, начав писать гадости про свою бывшую.

Эта тетрадь — рабочий документ, где после эфира ты записываешь, какие диски сданы, какие поцарапаны, какие оказались утерянными. Ну и иногда передаёшь приветы тем, кого давно не видел. И вдруг в ней стали появляться надписи, достойные, ни много ни мало, стен общественного туалета, напоминающие подробный отсчёт о процессе их любовного соития.

До сих пор не понимаю, почему ещё тогда никто не обратил на это внимания. Зато такая Димина невнимательность со временем вылилась в то, что сейчас и происходит: новые «надписи», но уже про Нагиева и меня, регулярно появляющиеся в желтой прессе. Газеты и журналы, таким образом, взвалили на себя обязанности, роднящие их с дверями отхожих мест. Кода читаю очередную гадость, так и слышу, как какой-нибудь господин журналист спускает воду, заглушая скрип своего вечного пера. Может, стоит сделать таблички с надписью «Не забудьте вымыть руки!» и повесить их в редакциях на самых видных местах?

Всё, что пишет о себе Рост, — бред его фантазии, и ничего больше. Закончил режиссёрский факультет Театрального института? Ничего подобного! Через полгода учёбы на отделении «актёр театра кукол» отчислен за неуспеваемость. И на петровском курсе его никогда не было. Какое, собственно, отношение он имеет к Владимиру Викторовичу — абсолютно не понятно. Ну разве что в колхозе пару раз встретились. Нет, диплом о высшем образовании у него всё-таки есть, выданный

Институтом культуры. Так что Серёжа является дипломированным режиссёром массовых праздников.

На радио он попал благодаря дружбе с Климушкиным. Климушкин и Титивин, впоследствии ставший Ростом, учились в одной школе. А так как Климушкин с Димой ходили вместе в баню, то и Серёжа, естественно, тоже присоединился к их компании.

Он, конечно, был достаточно интересным мальчиком: начитанным, писавшим поэмы и вирши, с хорошо подвешенным языком и даже каким-то чувством юмора, — а работал в маленьком подвальчике-фотоателье помощником фотографа. Какие-то более или менее тесные отношения, я думаю, завязались потому, что жил он в центре, а это удобно: после бани всегда можно к нему зайти. Но говорить о близкой дружбе между ним и Димой, ей- богу, более чем странно.

И вот случилось то, что должно было случиться, — Дима пригласил его работать на радио. Почему должно? Да потому что Нагиев уж очень любит делать красивые жесты. В том числе помогать чужим друзьям, будь они неладны. За некоторое время до этого Сергею удалось в течение аж целой недели заменять на «Мэйджик-радио» заболевшего ди-джея. Поэтому, когда на «Модерне» случился очередной набор, Дима пришел к Тамаре Петровне и сообщил, что у него есть мальчик, долгое время проработавший на другой радиостанции. Наплел с три короба, расписал под хохлому и втюхал изумленным слушателям.

И на «Осторожно, модерн!» Рост попал вовсе не потому, что, как он пишет, так решили друзья, а просто его пригласили. Показался удачным контраст: Дима и Рост — Белый клоун и Рыжий клоун. Так что для чистоты своих исповедей Сергею надо бы заменить фразу «так решили друзья» на «благодаря моей внешности».

Благодаря его внешности он стал работать на «Осторожно, модерн!», потом появились деньги, затем — правда, уже вопреки его внешности — наконец-то начали появляться и девушки.

Но даже этого мальчик ценить не умел, и поразительные примеры человеческих взаимоотношений надолго останутся в памяти современников. Расставался со своими пассиями Серёжа постоянно. А как тут долго протянешь? Например, пришел как-то Рост ко мне на день рождения. Даже подарок, как ни странно, подарил. Через час или полтора, вижу, начинает немного нервничать. Спрашиваю:

— Что-нибудь случилось?

— Да нет, — отвечает, — ничего.

Проходит ещё какое-то время. Говорит:

— Алис, я, пожалуй, пойду.

Странно как-то: вечер ещё только начался.

— Может, всё-таки что-то случилось?

— Меня девушка в машине ждёт.

Вот это называется хорошее отношение к лошадям! То есть к людям. И к девушкам в частности. Раньше казалось — мальчик с прибабахом. Теперь я думаю — природная гнусность характера.

Одна очень симпатичная и милая девушка имела неосторожность что-то сделать не так, как ему бы хотелось. Расстаются. Это, правда, никого уже не удивляет и даже не вызывает ни веселья, ни сочувствия. Самое интересное начинается дальше, когда, уже расставшись, наш герой приезжает к своей бывшей возлюбленной и забирает все свои подарки, вплоть до пальто и перчаток, — хотя зачем ему предметы, понять я, честное слово, не в состоянии. Не знаю, выгреб ли он в довершение акции свои носки и носовые платки — врать не буду. Но думаю, что всё-таки да.

Жадность его, по моим представлениям, доходила до патологии. Самое интересное, что сам Серёжа никогда так свои поступки не оценивал. То есть ему казалось вполне нормальным подарить вещь, которая оказалась ему велика. Или — вот уж эпизод, который мне не забыть! — кофеварку без колбы. Будущий оригинальный подарок ему вручили вместо гонорара где-то на празднике, а по дороге домой колба разбилась. Этот совершенно не пригодный к употреблению предмет достался не кому-нибудь, не врагу, не встречному-поперечному, а лучшему другу — Лифанову.

Хотя я не думаю, что понятие дружбы для этого человека когда-нибудь существовало. Он запросто мог на предложение поехать куда-нибудь ответить, что очень устал и собирается провести вечер дома, а после хорошенько оттянуться где-нибудь, «забыв» прихватить скучающего друга.

Последней каплей стал день рождения моего ресторана — ему исполнилось два года. Я специально выбрала день, когда и Серёжа и Дима смогут присутствовать: за месяц до события позвонила обоим. Нагиев обещал быть в городе и внёс коррективы в свой совершенно сумасшедший график. Серёжа в свою очередь позвонил за три дня и сообщил, что ему предложили подработать, а потому присутствовать он не сможет. Разве друзья так подставляют?

Говорят, я сожгла все его фотографии… причем публично… пока нет, но думаю, когда-нибудь обязательно это сделаю!

Что касается съёмок «Осторожно, модерн!», так это была ещё одна Серёжина «подстава». После реорганизации ему предложили

продолжить съёмки на передаче, но Рост отказался. Попросили ещё раз — снова «нет». Ну нет, так нет. Ну и не будешь. И все уже забыли о нём, занявшись делом.

А дальше — как всегда в Серёжиной жизни: вторая часть марлезонского балета. Никакие журналисты ему не звонили — кому он нужен! — сам начал звонить, выстраивая новую историю. В общем, и в случае с той девушкой с «Модерна», и в Димином случае ситуации похожи один в один, только возможностей у Сергея теперь больше. Заодно Рост практически полностью переписал свою биографию за счёт Димы.

Злости и раздражения нет. Не могу я всерьёз злиться на таких людей: они и скандал-то не умеют сделать скандалом. И ссорятся как-то мелко. Сорокалетний дяденька, забрасывающий своих бывших партнёров по работе сообщениями: «Умрите, миллионеры!», согласитесь, выглядит нелепо.

По моим ассоциациям, Серёжа Рост похож на гриб, что вырастает на дереве. Пока он сидит на этом дереве, питается от него — размножается и растёт. Стоит с дерева снять — вряд ли он куда-то годен. Разве что пепельницу из него сделать.

Изменю своё мнение, только если он без Димы выплывет и станет сам по себе значимым человеком.

* * *

В общем, я всегда поддерживала хорошие отношения с Диминым друзьями, за исключением Сережи Роста. Мои же подруги Диму очень раздражали.

Всех моих подруг можно условно разделить на две категории: «чумные» и «семейные». Первые любят погулять, выпить и нисколько не комплексуют от отсутствия постоянного спутника жизни. Вторые — их кардинальные противоположности: не курят, не пьют и ложатся спать в 10 часов. Естественно, рядом с единственным и любимым мужем. Причем законным. Либо — в гордом одиночестве, если законного и любимого еще нет. Вот так.

Это, конечно, плохо отражается на компании — ее просто нет как таковой, потому что, к примеру, Таня не воспринимает Аню, а Ане совершенно неинтересна Таня — ну разные они люди, и разговаривать им между собой абсолютно не о чем. Но зато я получаю двойное удовольствие. От общения с одними и с другими. Такими разными.

С некоторыми меня связывает дружба, длящаяся уже и десять, и двадцать, и даже тридцать лет. При этом с тех пор, как вышла замуж, я не помню ни одного своего дня рождения, прошедшего

по-человечески. Либо Дима не выдерживал и удирал, либо подружки с его появлением быстренько ретировались.

Естественно, мои подруги всегда являлись свидетелями наших дрязг. Как и все люди, когда мне плохо — звоню своим подружкам и «вишу» у них на ушах. Заранее знаю, какую реакцию у каждой вызовет то или иное мое сообщение. Например, Татьяне звонить практически бесполезно, если только не хочется заняться самоунижением и разложением проблем по полочкам. Эта девушка ложится спать ровно в десять, не пьет и не курит. Наверное, латинский алфавит ей тоже на один зубок.

Диме Татьяна просто противопоказана. Он любит женщин ярких, знаете, таких с длинными ногтями, наклеенными ресницами… Почему-то для Димы самым важным является именно внешнее проявление женственности. Мне кажется, он не понимает, что бывают просто женщины. Сами по себе. С внутренним миром и каким-то другим, отличным от его, взглядом на жизнь.

Но больше всех Дима не переносил мою институтскую подружку Катьку, хотя она немало поспособствовала тому, что я вышла за него замуж. Именно Катя давала мне уроки по обольщению и учила писать письма ему в армию: длиннющие произведения эпистолярного жанра, созданные на основе изучения мемуарной литературы.

Эта потрясающая девушка — обладательница потрясающего обаяния, унаследованного от предков: мамы актрисы и дедушки итальянца.

Уникальность Катькина заключалась в том, что она всегда умела сделать так, чтобы подвигнуть мужчину на определенные шаги: влюбиться, соблазнить или сделать предложение руки и сердца. Ей нужно писать для женщин инструкции вроде «Как соблазнить мужчину вашей мечты». Уж в чем-чем, а в этом ей не было равных. Здесь Катерина была оригинальна и неистощима на выдумку.

Например, помню, понравился Катерине один парень — просто посмотрела на него и решила: «Этот будет моим!» Или даже не на него самого, а только на его ботинки сорок седьмого размера, подробностей я уже не помню. Чтобы воплотить в жизнь свою мечту, подруга отправилась вместе с ним и еще восьмью товарищами по несчастью в туристическую поездку.

Всю молодежную группу поселили в одной комнате. Катька с порога умудрилась закинуть свой чемодан так, чтобы «забить место» рядом с кроватью предмета своей страсти. В общем, их кровати оказались рядом — полдела сделано. Какого дела? Понятно какого — темного: она наметила себе, что в последнюю

ночь их тела должны соединиться.

Для достижения желанной цели Катюша незаметно сдвигала обе кровати, ежедневно уменьшая расстояние с обеих сторон на пять сантиметров. Чем закончилась история? Естественно, полным успехом!

Предмет страсти так и остался предметом страсти, но Катя была одержима идеей выйти замуж за иностранца. Первыми иностранцами, на коих Катерина решила потратить свой талант обольстительницы, стали финны: благо Выборг от Петербурга недалеко, а уж там найти мало-мальски приличного финна довольно просто.

Просто — это, естественно, с Катиным оригинальным подходом к жизни в целом и мужчинам в частности. Она возлежала у обочины дороги с якобы вывихнутой ногой, а я тормозила машину и с помощью мимики и жестов объясняла, что девушка, кажется, сломала ногу, нам нужен «красный крест», в смысле — травмпункт, и средство передвижения, может быть, даже ваше. По дороге нога чудесным образом срасталась обратно, а наша компания на радостях отправлялась в какой-нибудь ресторан.

Но, видимо, среди финнов не встречалось мужчины, достойного стать ее мужем. Тогда Катя обратила свой взор на ближнее зарубежье, находящееся немного дальше границ нашей родины. Все произошло так же, как и всегда у нее происходило: в гостях у подруги ей попалась на глаза фотография симпатичного и довольного собой и жизнью мужчины. Не обращая внимания на такие детали, как улыбающаяся рядом жена и двое детишек, Катя строгим голосом спросила: «Это кто?» И в Катином случае совершенно не удивительно, что она с легкостью познакомилась с этим мужчиной и уже давным-давно живет с ним в Германии.

Отъезд Кати стал настоящим праздником для Димы. По крайней мере, ему приносило успокоение, что авантюр в моей жизни станет намного меньше.

А еще Диме всегда казалось, что подруги, узнавшие о наших перипетиях, настраивают меня против него. Но я полагаю, больше всего Диму бесило, что они отвлекают меня от него — единственного, кто заслуживал бы внимания. Представляете, какой ужас: он дома, а тут — какие-то подружки, чьи-то проблемы, телефонные разговоры… Хотя я никогда не умела «дружить в засос» и не стремилась к ежедневному общению.

Единственная подруга, с которой Дима поддерживал отношения — это Аня. Во-первых, она человек радостный и оптимистичный, а во-вторых, довольно легко идет на контакт, а в-третьих, и это, пожалуй, самое главное, — обладает чувством

юмора.

Не думаю, что ей повезло больше других. Быть подругой жены Димы Нагиева и общаться с ними обоими — сомнительное удовольствие. Анечка называет нас «семейкой Адамс» — мы это прозвище заслужили и честно отрабатывали по полной программе на Аниных нервах и нервах ее многочисленных поклонников, слишком активно клюющих на два метра сногсшибательной красоты.

Собирается как-то Аня на свидание, и надо же ей перед свиданием зайти к нам в гости. Да еще пожаловаться на боль в спине! Спина болит?! Сейчас вылечим!!! Дима швыряет Аню на диван и начинает делать массаж. Я при этом тоже не стою столбом, а держу подругу за ноги, чтобы не вырвалась. Потому что о массаже у Димы весьма специфические представления. Анна кричит, вопит и отбивается. За что получает от Нагиева напоследок несколько ярких засосов на шее. Дело сделано — в таком виде мы отпускаем ее на свидание. Оно, естественно, проваливается с треском.

Анюту неудачное свидание не расстроило — в тот момент ее беспокоили мотивация Диминых «поцелуев» и мое «несознательное» отношение к этому факту.

Другое свидание сорвалось по причине присутствия Димы рядом с Аней, когда ей звонил молодой человек. Разговаривает Аня со своим другом, и вдруг Дима начинает «создавать фон»:

— Ань, ну где трусы-то мои? Долго ты еще будешь разговаривать?

У несчастной моей подруги краснеет лицо, и она пытается объяснить своему ревнивцу: мол, друзья разыгрывают. Но не тут-то было: молодой человек «изменнице» не поверил и впал в крайнюю ярость. В порыве праведного гнева он высказал своей любимой все, что посчитал нужным. Вопрос о возможной совместной жизни с ним пришлось кардинальным образом пересмотреть.

А сколько ужасов пришлось пережить Аниному приятелю, в какой-то момент задержавшемуся в ее жизни как-то уж очень основательно: с проживанием в ее квартире и использованием ее машины, далее по пунктам.

Так как Аня жила рядом с нами, то и машина ее, само собой, стояла обычно рядом с Диминой. Приезжает как-то Нагиев домой и кладет на капот Аниной машины гвоздику, а под нее записку. Утром молодой человек, собираясь ехать на работу, читает: «Прости, что я тебя заразил. Гриша».

Разборки были те еще: кто такой Гриша, чем заразил, по какому такому поводу и т. д. В скором времени молодой человек

испарился так же надежно, как и собирался осесть.

* * *

За все свои шуточки Дима рассчитался сполна, когда его самого очень красиво и здорово разыграли. Нагиев и Рогожин вместе писали песню, кажется, «Баттерфляй». И вот Рогожин приглашает Диму в студию: мол, приезжай, песню вместе запишем. При этом нужно представлять, что петь — это Димина мечта. Пожалуй, одна из самых заветных. Но, к сожалению, петь он не умеет совершенно. Рогожин ему в студии объяснял, что профессионалы в грудь себя кулаком стучат и воду маленькими глотками пьют.

Как старался Дима, как старался! И кулаком стучал, и воду пил… А все это оказалось не что иное, как розыгрыш: все снималось на пленку, а потом сделали передачу. По-моему, лучше разыграть Нагиева не смог никто: он же так всегда следит за собой, держит лицо, и лишний раз даже каким-нибудь не самым удачным ракурсом не повернется… и вдруг такое!!!

ГЛАВА 8
ПОЛНЫЙ МОДЕРН!

Успех и слава были бы неполными без работы на телевидении. О такой работе можно было только мечтать…

Мы сидели на диване и смотрели передачу «Телекомпакт» — очень популярную, но совершенно ужасную из-за удивительных людей, которые ее вели. Я сокрушалась: «А тут такой парень пропадает!»

Но, как и все Димины мечты, и эта сбылась. Режиссер Аня Пармас пригласила Диму сниматься в передаче «Полный Модерн!» Сначала это были «обвязки» клипов. Я четко вижу перед собой первую передачу: Дима, в моем платье, сшитом на заказ и одеванном ровно один раз по причине его аляповатости, неуместности слишком огромных цветов и сумасшедшего выреза, в моих очках с выбитыми стеклами…

В первой передаче была рубрика «На скамейке у Дмитрия Нагиева». Дима пригласил Профессора Лебединского и Витю из «Русского размера». С Виктором, как я уже говорила, мы давно дружили, а с Лебединским удалось познакомиться тоже благодаря солисту «Русского размера». Бондарюк как-то принес Диме кассетку и вручил со словами: «Послушай, там мальчик один поет»… Мальчик не просто пел — он хрипел: «Я убью тебя, лодочник!» А Диме безумно понравилось, и мы довольно быстро песенку раскрутили: ставили практически во всех своих эфирах.

Теперь же эта троица сидела в ряд, и Дима представлял: «Здравствуйте, я Дмитрий Нагиев, это — профессор Лебединский, а это — просто человек» (про Витю). И почему-то было ужасно смешно. Были во всем какая-то сумасшедшая легкость, непосредственность, задор и так редко встречающееся живое восприятие жизни.

Сейчас, просматривая старые передачи, я понимаю, что Дима на самом деле не изменился: только лицо стало уставшее. И блеск глаз потерян. А так он — все тот же человек, за которого я вышла замуж, но скрывающийся за маской, маской своей роли: человека популярного. И она не снимается никогда. Разве что только в те минуты, когда он общается с сыном.

Следом за «обвязкой» клипов начались съемки пародий на фильмы: «Белое солнце пустыни», «Шерлок Холмс», «Здравствуйте, я ваша тетя!», и только потом — истории прапорщика Задова с женой Ниночкой. Собралась удивительная команда: режиссер, директор, гример… — все настолько

подходили друг другу, что работают вместе до сих пор.

«Осторожно, Модерн!», как стала называться эта передача, в прямом смысле этого слова «гнобили», не пропуская в эфир или давая время, например, часа в два ночи, да и то на региональных каналах.

Сейчас мне сложно понять, почему это происходило. Наверное, все надо завоевать: и не только любовь зрителей, но и любовь начальства. А последнему довольно сложно первое время определить, насколько успешной может быть передача молодых и азартных артистов, играющих каких-то, откровенно говоря, дураков.

Но людям нравилось. Кто-то беззлобно узнавал себя и радовался схожести. Но персонажи — это, естественно, собирательные образы.

Я совершенно четко вижу свою маму в образе проктолога Зинаиды Тракторенко. А прапорщик Задов мне иногда чем-то напоминает Диминого папу, когда-то приехавшего в Петербург из Ашхабада поступать в Институт киноинженеров и там познакомившегося с Диминой мамой.

Танька — почти моя копия. Как она сидит на диване, как разговаривает или что-нибудь делает. Дополнительным бонусом к схожести образа со мной служит моя внешняя схожесть с Димой в женской одежде. Правда, когда я ему об этом сообщала, Нагиев ни в какую не соглашался. Ему казалось чудовищным, что он, такой красивый и элегантный, пусть даже в женской одежде, может быть похож на великоростного «крокодила» вроде меня. Но факт остается фактом. По-моему, достаточно просто взглянуть на фотографии.

А еще в «Осторожно, Модерн!» есть Пашка-компьютерщик — это наш с Кириллом любимый персонаж. Любимый, потому что в нем мы видим Диму таким, какой он есть ан самом деле: тонкий и ранимый. И восхищение вызывает то, что человек сделал себя «Дмитрием Нагиевым».

Конечно, когда шли съемки очередной передачи, все друг над другом страшно прикалывались. Хотя бы просто потому, что без чувства юмора в этом аду делать нечего. Условия действительно напоминали и напоминают ад: это же не специально выстроенные павильоны, а съемные квартиры.

Мне было сложно понять, как обитатели этих квартир решаются отдать свое жилище на растерзание съемочной группе и актерам?

Как представлю, что в моей квартире кто-то в течение четырех дней будет устраивать погром, валяться на моей кровати, пользоваться моей посудой, ходить в ботинках и громить мою

ванну — думаю, легче умереть. Но, слава богу, есть люди, в отличие от меня, гораздо легче относящиеся к понятию «частная собственность». Первым таким человеком стал ди-джей «Европы плюс» Дима Довженко.

Но, находясь съемочной толпой в небольшом замкнутом помещении, ребята, естественно, ужасно уставали. Что рождало постоянные розыгрыши. Не всегда добрые. То есть в большинстве своем — не добрые. Очень хорошо помню историю про плот в бассейне: все вещи одного молодого человека из команды были замотаны скотчем и привязаны к плоту. Уплывший на центр бассейна плот пришлось вылавливать багром и высвобождать от клейких пут. Наверное, розыгрыши давали какую-то разрядку.

Параллельно с «Осторожно, Модерн!» снималась передача «Однажды вечером». И это тоже было, на мой взгляд, весело и здорово. Никто не мучил несчастных актеров, певцов и прочих более или менее известных личностей тупыми и никому не интересными вопросами, задающимися с самым серьезным видом.

* * *

Я никогда не ходила на съемки (ну и дура! замечу сейчас), но иногда все-таки просматривала. На мой взгляд, программа чудеснейшая, но Сергей Анатольевич довольно часто выпадал из роли по причине неуравновешенности характера и излишней обидчивости. Достаточно было кому-то с ним не поздороваться или просто его плохого настроения, как на экране мы видели скуксившееся личико.

Кажется, его здорово задевала собственная роль. Но что в этом такого? В любой комедии масок есть Арлекин — веселый бесшабашный парень, любимец публики и задира, и есть Пьеро — мрачно глядящий на собственную жизнь молодой человек, которому достаются все удары как судьбы, так и Арлекина. Без этого комедия не была бы комедией.

Так и здесь: дуэт двух артистов можно считать дуэтом, когда один является противоположностью другого — Белый клон и Рыжий клоун. Диме в тандеме «Однажды вечером» отведена роль красивого, высокого и самоуверенного ведущего, Сергею — противоположная. Но Рост, на мой взгляд, довольно часто забывал об этом. Сказывался непрофессионализм.

Недавно я была на спектакле с его участием — «Рыба на четверых» — и вновь убедилась: Сергей — непрофессиональный актер. Запротоколировано. Как может актер позволить своему

настроению испортиться на сцене? Или себе — выйти из образа? Рост может.

В том, что сейчас в «Осторожно, Модерн!» нет Сергея Анатольевича, урона не вижу никакого. Те программы, которые я смотрю, — просто великолепны!

Единственные съемки, куда я ездила вместе с Димой — это съемки сериала о Каменской в Минске. Это была романтическая поездка на белорусском поезде (для меня, естественно, романтическая, а не для Димы: он тогда просто жил в этом поезде, мотаясь туда и обратно).

И первая встреча с настоящими, ставшими уже знаменитыми актерами: Никоненко, Гармашом, Еленой Яковлевой (в Елену Дима был просто влюблен!).

Трое суток в гостинице и прогулки по городу, в котором, на мой взгляд, абсолютно нечего делать, показались мне весьма утомительными. Съемки там действительно выгодны, а вот на меня возвращение к советской власти не произвело никакого положительного впечатления. И я зареклась ездить с Димой.

Хотя, откровенно говоря, смотреть «Каменскую» по телевидению, было интересно: показывают знакомые кадры, а я-то знаю — вон там, за кадром, и я стою.

* * *

Самое ужасное, что с какого-то момента я просто уже не помню, что происходило. Отчего это? Наверное, срабатывает инстинкт самосохранения. Но воспроизвести события хотя бы отдельными кадрами все же попытаюсь.

Наступил период конца. По крайней мере, мне так казалось — все, конец. Казалось, разрыв уже неизбежен. Сжималось сердце, стоило только представить, что мы не будем жить вместе. И, возможно, благодаря этому перманентному страху окончание затянулось на целых четыре года. Или не «благодаря», а «из-за» — «смотря, конечно, как смотреть».

Окружающие полагали, что мы никогда не расстанемся — это абсолютно точно. Ими в голову не могла прийти, что после яркого дня, насыщенного событиями, впечатлениями и взаимным обожанием, по ночам мы предавались сладкому греху семейных пар — банальным ссорам, затевавшимся ровно в половине второго. Мне даже не нужно было смотреть на часы: если начиналась очередная «лекция», то становилось понятно — полвторого, к гадалке не ходи.

В общем-то, и не ссор, по большому счету — так, занудных и

совершенно не увлекательных выяснений взаимоотношений. Еженощных и регулярных, как менструации: ничего приятного, но абсолютно неизбежно, и, говорят, организм очищает. Сейчас, пожалуй, и не вспомнить все мои «ужасные проступки», так раздражавшие Диму.

К примеру, Нагиев взял меня с собой в «Юбилейный» вести концерт. Я, в удивительной шубе до пят, вся пропитанная предвкушением праздника и интересного вечера, еду вместе с ним. И вдруг в самом начале концерта объявляют, что Дворец спорта заминирован.

Расстроенная наглостью террористов, посмевших сорвать мой выход на сцену, я в середине дороги домой чмокаю Диму в щеку и еду в гости. Может быть, я действительно была не права, «протусовавшись» с подругами до шести утра; может быть, кому-то и покажется странным, что рассвет мы встретили в клубе «69». Но разве можно устраивать из этого грандиозный скандал!

По мнению Димы, все мои «гости» проходили в сопровождении каких-нибудь «дяденек»; поверить в мою безгрешность Нагиев отказывался. В конце концов он выдвигал ультиматум: «Сиди дома!» И, надо отдать мне должное, я некоторое время покорно соглашалась с такими несправедливыми, и, прямо скажем, нечеловеческими условиями капитуляции.

Ревновал Дима нещадно. Когда говорят «к каждому столбу», имеют в виду обычно широкий охват объектов ревности. В нашем случае текст «к каждому столбу» можно воспринимать дословно.

Был, например, такой сюжет. Приезжаю я утром домой — кидаю сумку у входа и забываю о ней и о её содержимом, потому как устала неимоверно. Пока я принимала ванну, Дима залезает ко мне в сумку за сигаретами и обнаруживает там совершенно неимоверный набор: в сумке лежат трусы, причем стринги, в количестве двух пар, и CD-диск Виктора Ночного, известного барда, с дарственной надписью «Алиса, вы сегодня очаровательны как никогда. Я взволнован!»

Лучше бы я из ванной не выходила — жила бы себе там спокойно и припеваючи и никогда бы не узнала, как безумно Дима может ревновать.

А история на самом деле была проста и банальна, и даже намёка на какую-то романтическую или сексуальную линию развития сюжета в ней не было. Вечером мы с подружками зашли в бар, где, по чистой случайности, пел Виктор Ночной, знающий меня как Алису Шер. Стринги же мне отдала подруга, располневшая после родов и носить их по этой причине не собиравшаяся. Объяснить же такую сложную комбинацию мне

даже не дали возможности.

Другой грандиозный скандал разразился после моей поездки на дачу к своим подружкам. Там, на даче, мы отмечали чей-то день рождения, а по этому поводу одеты все были «по форме»: я, к примеру, была в голубом платье, воздушно-шифоновая, на каблуках и с голыми ногами.

По чистой случайности именно в этот день я купила себе чулки. Одевать их не собиралась, если бы не случилось непредвиденное: страшнейший град с грозой. Утром, возвращаясь домой, я чертовски замерзла и вскрыла лежавший в сумке пакет. Все оставшееся время нашей совместной жизни Дима вспоминал мне и это платье, и чулки — по его мнению, чулки женщина надевает только в одном случае: если она встречается с любовником.

Вообще-то я могла бы предположить такое развитие наших взаимоотношений гораздо раньше и решить, нравится мне это или нет. Гораздо раньше — еще в юности, когда мы только поженились, и я работала в Ленконцерте. В этой организации на миллион женщин приходился один-единственный мужчина, счастливо женатый, довольно пожилой и совершенно не обращавший внимания даже на артисток, не то что на меня, юную специалистку в области экономики.

Но Дима умудрялся создавать ему совершенно невозможную жизнь. Бедный Борюсик выскакивал с работы и, руки по швам, мчался мимо встречавшего меня с грозным взглядом Нагиева к своей машине. Утром он приходил на работу и, сочувственно качая головой, сообщал:

— А вчера там опять стоял твой.

Чуть позже, уже во время работы на радио, приступов ревности тоже хватало. Мое безупречное поведение рано или поздно в любом случае грозило обернуться скандалом. Приехала я как-то на работу несколько раньше обычного, до эфира — времени уйма, и захотелось мне шашлыка. Доезжая до шашлычной, стоявшей на трассе недалеко от Ольгино, обедаю. Подсаживаются двое мужчин — красивые ребята, служившие в Афгане. Побеседовали и разошлись. Диме я об этом криминальном происшествии, естественно, не рассказала: что рассказывать-то? Что шашлык ела?

Но мимо злополучного кафе, естественно проезжал кто-то из общих знакомых. И не преминул сообщить об увиденном Диме. Чего только не узнала я о себе нового: и «как же мне не стыдно», и «совсем опустилась — шашлык ем с мужиками в какой-то забегаловке», и «позорю его доброе имя».

Собственно, так происходило всю жизнь. Еще бы он мог мне

верить! Как, если на любом его концерте или на вечеринке на заднем плане обязательно маячила фигура очередной умницы и красавицы? Естественно, ни о каком доверии ко мне и моим поступкам речь идти уже не могла.

Можно было бы, конечно, сопровождать его повсюду самой. Ездить в клубы, на гастроли и конкурсы красоты. Но, во-первых, Дима на мои предложения поехать вместе обычно отвечал:

— И что это я поеду в Тулу со своим самоваром?

А во-вторых, мое присутствие рядом могло показаться странным, потому что Нагиев всегда скрывал наличие в его жизни официальной жены. Помню, нас пригласили на одну передачу, где ведущий представил нас следующим образом:

— А вот одна из самых интересных семейных пар в Санкт-Петербурге: Дмитрий Нагиев и Алиса Шер!

Нужно было видеть Димино лицо в тот момент: оно разве что пятнами не пошло от ужаса. Нигде, ни в одном интервью он ни разу не проговорился, что женат на мне. А я подыгрывала — ну, и доигрались, надо сказать.

А другие ездили — скрытые под безликим названием «коллега по работе», с вымышленными должностями… Отчего бы и не съездить, если жена не мешает? В общем, удачно влезали в его жизнь и даже задерживались в ней на какое-то время.

Конечно, можно было предвидеть, после — сообразить и, может, даже пресечь на корню. Велосипеда здесь не изобретешь: похожую историю может рассказать, наверное, половина женщин земного шара, ведь именно так всегда и бывает. Но я продолжала почитать благом свое неведение, так как оно позволяло мне продолжать жить в райском саду и наслаждаться окружающим миром.

Иногда ко мне приходил Кирилл и в доверительных беседах спрашивал:

— Мам, а почему папа рядом с тобой какой-то ненастоящий?

Я игнорировала его вопрос как роковое яблоко познания. Но было настолько больно, что порой эта боль казалась невыносимой.

Конец доверия к мужу пришел в связи с Диминым увлечением спортом. Нет, естественно, он и раньше им занимался (особенно на Майорке, если еще помните ту историю). Но вдруг случилось нечто невообразимое: эта любовь перешла все границы и стала напоминать страсть, граничащую с манией. Виданное ли дело, молодой человек уезжает на занятия в 4 часа дня и возвращается после десяти вечера. Каждый день. И, главное, как возвращается!

На пороге квартиры появлялся осунувшийся Дима и

практически падал ко мне на руки, с усталых плеч валилась спортивная сумка, волосы мокрыми прядями прилипали ко лбу.

— Дорогой, ты не находишь, что семь часов заниматься спортом, это…м-м-м… несколько изнурительно? — спрашивала я, как всякая любящая жена.

Конечно, при этом я впивалась ногтями в свои ладони, чтобы не разрыдаться, так как прекрасно понимала: за семь часов можно до Москвы доехать, не то что с девушкой пообщаться. А про спортивные занятия мне сказки рассказывать не надо.

Не знаю, являлись ли злостью или ненавистью те чувства, что наполняли меня в тот момент, но, помню, были они ничто по сравнению с нахлынувшим позже морем эмоций.

Эмоции разбушевались после очередной поездки с ребенком на дачу. Точнее — после возвращения.

Такого «милого» погрома в нашей квартире я не видела никогда. Самыми бросающимися в глаза деталями являлись измятая постель, бокалы из-под вина, незнакомые мне доселе оливки в розетке.

Спрашиваю:

— Дима, а что случилось-то?

— Да ребята по работе приезжали.

— Угу. А губную помаду на бокале тоже ребята оставили?

Когда в детстве я читала детективы, мне всегда нравились герои, умеющие по самым незначительным деталям составить картину происходившего. Меня бесконечно восхищали моменты, когда главный персонаж потрясает перед носом преступника окурком с дамским фильтром, какой-нибудь запиской или золотой цепочкой. Вслед за этим, как правило, в книгах шло признание в совершенном злодеянии с непременным раскаянием или, как вариант, наказанием.

В жизни все совершенно по-другому.

Во-первых, мне совершенно не нравится самой выступать в роли сыщика — это не мое амплуа.

Во-вторых, мой любимый «преступник» настолько очарователен, что я, будь на то время и место, обязательно помогла бы совершить ему побег или уговорила судью вынести оправдательный приговор даже при наличии самых неопровержимых доказательств.

В-третьих, все это по своей сути отвратительно и не приносит ни малейшего морального удовольствия. Вот уж и вправду «меньше знаешь — крепче спишь».

Мой дом, с подросшим сыном и редко появляющимся мужем, представлял собой нечто кошмарное. Самое ужасное, что я даже не могла, как большинство женщин, в чем-то Диму упрекнуть.

Потому что моя жизнь, действительно, не было абсолютно преданной ему, единственному и великому. В том смысле, что я не сидела всегда наготове с борщом и наглаженными носками: у меня нет ни супа, ни котлет. Есть только куча недостатков. Думаю, я даже смогу их перечислить почти в полном объеме. Как вы понимаете, об их существовании мне сообщил не кто иной, как Дима, и врезались они мне в память по этой причине навечно.

Я не созидаю, не расту и не использую свой потенциал. Плохо поддаюсь чужому влиянию (Диминому, разумеется) и не люблю бывать на публике. Стабильность тоже подкачала: все мои увлечения кратковременны, и даже приготовить ужин подряд тридцать дней я абсолютно не в состоянии.

Дальше у меня определенно бывают проблемы с памятью. Потому что я часто забываю посмотреть его передачи. При этом совершенно не знаю, куда потратить деньги, — не умею и не люблю этим заниматься.

Вместо того чтобы смотреть вместе с ним какой-нибудь фильм, я предпочитаю читать книги и вообще рядом с ним кажусь Пушкинским музеем рядом с квартирой-евростандарт.

Я совершенно не была уверена в осмысленности такого, например, поступка, как просмотр каждой передачи. Да, мне безумно нравится «Осторожно, Модерн!», но нестись к телевизору каждый вечер в положенный час не стану, особенно если у меня есть какие-то свои дела.

Или вот еще тема — подарки. Конечно, принято их дарить. Но если ты один раз даришь человеку подарок, другой, и все время оказывается «не то» и «не так», то зачем продолжать это делать? Я и не дарила.

А Дима всерьез полагал, что это признаки моей к нему нелюбви. Тогда мне хотелось кричать: «Это неправда!» Сейчас — иногда думаю: может, я и вправду не умею любить?…

А другие, по его мнению, умеют. Но кто такие эти другие? Они, появившись уже в то время, когда к нему пришли и слава, и деньги, действительно с восторгом взирают на каждый его шаг и, по всей видимости, способны с большей или меньшей степенью достоверности изобразить любовь… Несложно постоянно играть, если преследуешь какую-то цель. Но в моем отношении не было цели. Был только смысл — он и любовь.

Надеюсь, к Диме никогда не придет прозрение, что на самом деле им нужны только его деньги — все-таки он ужасно романтичен и, если заглянуть под надетую маску, чрезвычайно раним…

У каждого человека есть идеальная модель семейных взаимоотношений. Чаще всего это пример мамы и папы. У меня

идеал — мои родители: когда людям просто хорошо вместе. Логическое ударение на последнем слове. При такой модели Дима вполне мог бы заниматься какими-то своими делами, я — своими, и всем было бы хорошо, оттого что другой человек есть где-то рядом.

У Нагиева же была, по-видимому, совершено другая модель, уж и не знаю откуда она взялась. Суть этой модели заключалась не в том, что быть вместе — значит «каждый сам по себе, но где-то рядом», а в том, чтобы делать что-то одновременно, причем именно то, что делает он.

Со временем Дима стал все чаще и чаще устаивать мне истерики.

— Что-о-о? Путевка всего на 12 дней? Но ведь я просил на 14!!! На 14! Почему ты ничего не можешь сделать как следует? Обязательно нужно все испортить! Нет, я немедленно беру билет обратно!

При этом мы уже находимся в аэропорту чужой страны, и аборигены начинают нервно на нас коситься. Ну конечно, умрут теперь все из-за этих двух дней!

Претензии грозили стать бесконечными, Дима заводился по любому поводу: что у нас дома грязно, что в горшках с цветами мало земли, что слишком холодно, когда открыта форточка, и слишком жарко, когда закрыта… Это было настолько невыносимо физически и морально, что довольно часто я выходила из комнаты якобы в туалет, а сама тихонько брала сумочку и быстренько сбегала из дома — к подружкам.

Я настолько была запугана его придирками, что все время боялась что-нибудь перепутать, куда-то опоздать, что-то не посмотреть и сделать как-нибудь не так. Я старалась. Постоянно засовывала выпирающие изо всех щелей чувства и эмоции обратно внутрь себя и пыталась хотя бы притвориться мышью. И бежала за ним — в прямом и переносном смысле этого слова. Один раз я даже упала на остановке на колени.

Но на самом-то деле мышью я не являлась. И в какой-то момент просто перестала «вставать на колени».

ГЛАВА 9
СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ — ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ

Чтобы спастись от бесконечных препирательств и скандалов и компрометирующих отпечатков, я надумала уйти «в бизнес». Попрощавшись с радио «Ностальжи», я вдохновенно схватилась за воплощение идеи-фикс: совершенно нового в нашем постсоветском мире магазина вещей, принадлежавших «великим людям».

И хотя с самого начала было понятно, что идея безумна и бизнес провальный, мое безудержное желание сносило все препятствия. Нужно получить место под солнцем? Нет проблем! Убеждаю родной город и выигрываю тендер от КУГИ — помещение мое.

Необходим ремонт? Вдвоем со строителем отколачиваем деревяшки и отдираем железо с заделанных окон. Преследую по шоссе машину, груженную шифером, и жду, когда на счастливом повороте слетит хотя бы один кусок… О чудо! Под воздействием моего гипноза кусочек отрывается и падает на дорогу! Так у меня появляется материал, чтобы сделать козырек.

Нужна «звездная» одежда? Еду к Рогожину, Сенчиной, Леонидову, Булановой… Сейчас вспоминать, как ходила и «побиралась»: «Извините меня, пожалуйста, нельзя ли…» — и странно, и немного стыдно. Но, слава богу, все эти замечательные люди сумели с альтруизмом отнестись к проблемам моей больной головы. Так я собрала «для раскрутки» платья Сенчиной, леопардовый пиджак Рогожина… Димины вещи, естественно, подбирала самостоятельно.

На пышной презентации в день открытия магазина с артистическим названием «Кулуары» присутствовали все мои подружки. Сто лет знакомства позволили им отнестись к моей затее снисходительно: «Чем бы Алисочка ни тешилась, лишь бы не плакала». Некоторые, правда, спрашивали:

— Ты с ума сошла? На фига это надо?

А я всех убеждала:

— Все будет супер!

Во время тряпичной оргии у меня впервые появился ужас перед содеянным. Я так много потратила сил, нервов и энергии, привлекла такое сумасшедшее количество людей, и если теперь у меня ничего не выйдет, я просто не смогу посмотреть в глаза всем

этим людям.

Впервые пришло осознание, как же все это смотрится со стороны людей уравновешенных, обладающих житейским и торговым опытом: собрала старые вещи, чего-то замудрила… ни дать ни взять, местная сумасшедшая. Наверное, именно так смотришь на хронику попыток изобретения дельтаплана: ведь заведомо понятно, что не взлетит. Но человек все равно пытается и зачем-то машет крыльями. Вот и я также. И тоже не полетела.

Ну не готов был народ покупать какие-то поношенные вещи. Это на Западе люди с радостью заплатят бешеные деньги за пуговицу с куртки Микки Рурка или резинку от трусов Ван Дама. У нас же фетишизм распространен мало. Ну разве что спортивные фанаты еще придают значение таким мелочам, как майка Бекхэма или мяч, который пинал Кержаков.

Всем остальным ровным счетом наплевать на любую звезду. Гораздо важнее показать собственную «крутизну», чем признать, что кто-то делает что-то «супер». Хотя бы поет. А если и поет и талантливо играет, то и тогда никто не сделает из него кумира. Все, что интересно — это грязное белье, желательно раскрашенное во все цвета радуги журналистской шизофрении.

Видимо, именно в этом была моя ошибка. Не учтен национальный фактор. Нужно было специализироваться на продаже скандальных фотографий, из серии тех, за которыми охотятся папарацци.

Я перестала спать ночами. Мне казалось, ошибка моя непоправима и имеет в этой жизни колоссальное значение. Мысль, что собственное творение — урод, сделанный из рук вон плохо, не давала покоя. Нервная система, вместо того, чтобы стабилизироваться, окончательно расшаталась, добавив ко всем моим жизненным неурядицам непроходящий ужас, мешающий мне жить.

В общем, распродав вещи Нагиева и Тани Булановой, я благополучно перепродала свой магазин и почувствовала себя освобожденной.

Сейчас, конечно, с высоты прожитых лет и приобретенного опыта, можно говорить о том, что идея изначально была безумной. Но, с другой стороны, мне удалось выбраться из парника, которым являлась работа на радиостанции. Пусть даже этот переход из одной жизни в другую был и нелепым, но он прибавил мне опыта и знаний.

Благодаря осуществленной мечте, в конце концов лопнувшей, как пузырь, и оставившей привкус мыла, я поняла, что такое государство и тендер. Я узнала, как можно взять помещение в аренду, кто такие пожарники и что такое СЭС.

Это был мост из шоу-бизнеса в ту жизнь, которой я живу до сих пор. В магазине у меня был коллектив из двух человек и 40 метров площади. Позже, в ресторане, — 30 человек и 470 метров. То есть именно в тот период я наконец-то поняла, что буду жить не так, как говорит Дима, а так, как я хочу и, наверное, хотела всегда.

Кстати, страхи по поводу, что обо мне подумают, если у меня ничего не выйдет, оказались совершенно необоснованными. Никто ничего не подумал. То ли просто забыл, то ли и дела никому не было. Зато через какое-то время мне предложили возглавить ресторан. Но это уже другая история.

* * *

Дима появлялся дома все реже и реже. Этот период я могу охарактеризовать как безвременье, огромную дыру в собственной жизни. Магазина нет, работы, соответственно, тоже. И вдруг мою жизнь меняет звонок: меня приглашают на пробы.

Я не придала этому звонку значения, решив, что какие-нибудь поклонники хотят меня таким образом увидеть. Но тем не менее поехала. Оказалось — на самом деле пробы. Ищут подругу главной героини сериала «Время любить». Режиссером сериала был Виктор Бутурлин, снимавший «Аплодисменты» с Людмилой Гурченко и несколько серий «Бандитского Петербурга».

Несмотря на то что я не являюсь профессиональной артисткой, пробы я прошла и в полном счастье приступила к съемкам. Оказалось, я совершенно не представляла, что это такое. Даже периодически выезжая с Димой, я все равно смотрела со стороны, и представить себе, каково находиться «внутри», в принципе не возможно.

Тогда я поняла, что основное съемочное время актера тратится на то, чтобы сидеть при полном параде — в костюме и гриме — и наблюдать, как другие, находясь в радостном возбуждении, носятся по съемочной площадке. И все это ради минуты съемок, когда ты в кадре.

Труд актера кому-то может при этом показаться довольно легким: картошку собирать не надо, многокилограммовые тюки разгружать — тоже. Стой себе перед камерой и наслаждайся славой, получая за это еще и деньги. Но это взгляд снаружи. На самом деле — это многочасовой, совершенно ничем не ограниченный — кроме как количеством энергии режиссера — график работы.

Помню, один раз съемки, начавшись в 10 утра, закончились

только к четырем ночи. С полуночи до трех я ездила на заднем сиденье автомобиля со своим партнером, а на переднем сиденье располагался потный оператор, уставивший в нас гигантский глаз своей весьма внушительной по размеру камеры.

Так мы мотались кругами, снимая дубль за дублем, изображая неземную любовь. Голова при этом кружилась, и ощущение тошноты не проходило.

Еще один потрясающий момент съемок. Если по режиссерскому замыслу на дворе стоит лето, то совершенно неважно, какое на дворе время года на самом деле.

Не знаю, может быть, снимать зиму летом даже прикольно, но мерзнуть зимой в летнем платьишке, да не где-нибудь, а самом центре Петербурга, у Ростральных колонн, когда ветер с Невы норовит сорвать с тебя последнюю одежку, было чертовски холодно.

Спрашиваю:

— Можно что-нибудь накинуть?

— Нет.

Как актер непрофессиональный по причине холода забываю текст. Значит, мерзнуть еще несколько дублей.

Когда я узнала, что предполагается продолжение сериала, я взмолилась:

— Виктор Иванович, убейте меня! Ну рассорились подружки, ушла и не вернулась, случилось что-нибудь… Освободите меня, пожалуйста!

Слава богу, обошлось без кровавых сцен моего прилюдного убийства. Виктор Иванович вышел из положения: так как на протяжении двенадцати серий я искала себе жениха, то в результате я его нашла. Мой жених оказался французом. Последняя моя сцена — улетаю в Париж.

Съемки заняли какое-то время, и хотя тогда мне казалось, что все это ужасно, если бы мне предложили еще раз где-то сниматься, то я бы, конечно, согласилась. Потому что теперь я понимаю, что актерский труд — совершенно изнуряющий изматывающий.

Теперь я, наверное, ко многому смогла бы отнестись иначе. С позиции опыта и знаний.

* * *

Думаете, мне было абсолютно все равно и я не пыталась сохранить Диму? Конечно, пыталась. Да еще как. Наверное, все психоаналитики и ведьмы Санкт-Петербурга знали о

существующей проблеме. Другой вопрос, могла ли их практика мне помочь.

Вначале я, естественно, как все современные разумные люди, записалась к психологу. Вокруг так много проповедовали американский образ жизни, включающий личного психоаналитика, что и я не удержалась.

И вот, сижу я в кабинете доктора человеческих душ, а доктор — дамочка сорока с лишним лет, весом сто двадцать килограмм. Разумеется, с двойным подбородком, обкусанными ногтями и волосами, забранными в аккуратную блестящую кичку.

И этот дивный персонаж, рядом с которым я кажусь себе красавицей писаной, очень оптимистично мне заявляет:

— Абстрагируйтесь от ситуации.

Я, естественно, недоуменно спрашиваю:

— Как же мне от нее абстрагироваться? Не могу ведь я игнорировать факт его отсутствия или, например, присутствия в его жизни кого-то еще?

— Какая Вам разница — спит он с кем-нибудь или нет?

Чудесный вопрос, честное слово!

— Послушайте, — спрашиваю, — а Вы сами-то замужем?

— Нет, — отвечает.

— Тогда как Вы можете мне советовать, каким образом мне поступать, если не можете решить свои собственные проблемы?

— А я верю в то, что у меня будет все хорошо!

Я еще раз на не посмотрела и, к стыду своему, почему-то подумала, что ее оптимизм — штука хорошая, но не обнадеживающая.

Именно тогда я поверила в то, что психологами и психиатрами становятся по большей части люди, сами нуждающиеся в помощи специалиста. Ну, может быть, за редким исключением.

* * *

Так, разочаровавшись в методах официальной медицины, я вступила на опасный путь народных методов исправления ситуации.

В центре под названием не то «Магия женщины», не то «Женщина-маг» меня встретила экстравагантная дама с капризным ртом и неимоверно широким носом. Она была обвешена камнями и камушками, почти второй кожей покрывавшими ее многослойную цветастую одежду. С порога ведьма объявила, что случай у меня очень тяжелый и придется

использовать методы черной магии. Черная, естественно, дороже белой. Я удивилась:

— Разве можно использовать черную магию для сохранения семьи?

— Деточка, — дама смерила мои сто восемьдесят сантиметров строгим взглядом, — я своего мужа приворожила, привораживаю и привораживать буду.

— А что, не помогает? — уточнила я.

И зря. Во-первых, мой вопрос проигнорировали. А во-вторых, несмотря на то что я понимала — помощи от тетеньки не хочу, мне все-таки было ужасно интересно, что же будет дальше: в конце концов, я уже заплатила за консультацию. А тут чуть было не испортила себе весь праздник. Меня не стали вышвыривать сразу, как я понимаю, в надежде получить еще какие-нибудь деньги.

Дальше — круче. Меня проводили в благоухающую комнату, уставленную свечами. Количество свечей меня просто поразило! Они были везде: на столике, задрапированных стульях, а главное — практически застилали пол, так, что ступить было негде. Но мне таки удалось разместиться: кое-как я пристроилась на подушке, лежавшей на полу, крепко зажав руками и ногами юбку: как бы не зажечься. Дамочка принялась манипулировать стеклянным шариком, а я взяла инициативу в свои руки:

— Что Вы умеете делать?

— Предсказываю судьбу, насылаю порчу на недругов, снимаю сглаз и возвращаю любимых, — затараторила она привычно. — У тебя, девочка, не все хорошо в жизни, соперница у тебя есть, сильная соперница, но ты не волнуйся, можно узнать — кто и вернуть мужа. Да так, что он и не посмотрит никогда ни на одну юбку.

Ну естественно, не все хорошо у меня в жизни, раз я вообще сюда притащилась. И про соперницу, даже если ее и нет, врать нетрудно. Все это слишком напоминало цыганскую речь, которую сложно назвать индивидуальной.

— Угу, — только и нашла я что сказать.

Она продолжала бормотать почти бессвязные слова, то и дело поворачивая свой хрустальный шарик. И вдруг воскликнула:

— Я вижу ее! Смотри! Смотри же!

Все было так красиво, так по-настоящему, что я почти поверила во всю эту историю и наклонилась вперед. Сколько я ни пыталась вглядываться в шарик, так ничего и не увидела… Ведьма попыталась мне объяснить процесс:

— Впусти знания и энергию через свои сакральные органы…

И она как-то так показала это на себе: провела руками очень

однозначно, что я сразу представила себе место расположения этих самых «сакральных органов», не выдержала и прыснула от смеха. Половые, да. Но сакральные! Это было для меня слишком. Я вскочила и, опрокинув по дороге пару дюжин свечей, выбежала на улицу. Кажется, так, как я хохотала в машине, я не смеялась уже давно.

* * *

Тогда я решила, что мне уже никто и ничто не сможет помочь. Но судьба распорядилась по-иному. Эта женщина оказалась в студии радио «Ностальжи». Помнится, там были передачи, в которых сталкивались между собой представительницы разных жизненных позиций. Иногда доходило до драк — все-таки женщины существа эмоциональные. В тот раз нам предстояло услышать спор гадалки и исключительной реалистки.

Мария — так звали мою спасительницу — оказалась той самой гадалкой, но не было в ее внешности ничего, что могло бы хоть отдаленно напомнить мою давешнюю лицедейку. Она скорее походила на изображение ликов Богоматери. А главное — от нее исходили те же спокойствие и нежность. Кстати, и речи ее были вполне разумны. Я безумно увлеклась разговором с ней, а в конце Мария мне предложила: «Хочешь, я погадаю тебе на картах Таро?» Конечно, я согласилась.

Принимала она у себя дома, на Петроградской. Я еще подходила к квартире, а уже чувствовала симпатию и расположение: каменный дом, старый фонд, чугунные перила лестниц, высоченные потолки… Думаю, это остались какие-то воспоминания из детства, когда мы с семьей еще жили в центре, на Фонтанке. По крайней мере, эти ощущения позволили мне почувствовать себя расслабленной и лишенной напускных проблем, волнующих этих удивительных взрослых.

Мария встретила меня, познакомила с милейшей мамой и очень приятным молодым человеком, по-видимому, бой-френдом, забравшим все мои украшения, потому что гадать при украшениях, как оказалось, нельзя. Потом — провела по огромному коридору коммунальной квартиры в свою комнату.

Там, укрывшись от запахов, столько раз с тоской и любовью описанных в эмигрантской литературе, являющихся потрясающей смесью въевшегося табака, плохо выстиранных пеленок и выкипающего супа, мы приступили к раскладыванию карт.

И снова я не почувствовала никакого дискомфорта. Да, были

зажжены свечи, но они удивительно органично смотрелись среди небольших нефритов, аметистов и — чуть больше — ярко-красного, бесконечно красивого рубина. Ложились карты, становилось тепло и уютно, дрожали огни свечей…

Именно тогда я узнала о нашей с Димой кармической связи. Я поверила в это безоговорочно и, честно говоря, верю до сих пор. Мы нужны друг другу, друг без друга нам невозможно, но и находиться вместе мы не можем тоже. Это нельзя объяснить: и наше притяжение, и наше расставание.

Я ходила к Марии несколько раз, и каждое посещение приносило мне успокоение и понимание происходящего. Но жизнь моя, настолько зависящая от этой «кармической связи», легче не становилась. Я походила на собственную тень, пораженную тяжелой болезнью.

Решение пришло в очередное посещение: нам нужно расстаться, сказали карты. Расставание — единственный способ, нет, не исправить ситуацию, а просто сохранить жизнь. Обоим. Так карты легли. Так распорядилась Судьба. Вариантов действительно уже не было.

Я пришла домой и собрала Димины вещи. Нагиев, вернувшись вечером, молча разложил их по местам. На следующий день повторилось то же самое. И через день — тоже. Через месяц он все-таки уехал. Ещё через месяц в моей квартире не стало ничего, чтобы могло напомнить о нем. Я даже купила новую кровать и постельное бельё.

Почему же мне до сих пор кажется, что дом без него не дом?

* * *

— Ты меня не любишь!

«Ещё раз с ля-бемоль, — сказал невидимый дирижер и постучал палочкой по пюпитру. Невпопад добавил: — Дубль триста восемьдесят шесть!»

— Люблю, — упрямо повторила она.

— Не вижу!

«Первая скрипка опять взяла фальшивую ноту, — прокомментировал дирижер. — Вы когда-нибудь научитесь играть на своём инструменте? Ладно, давайте дальше…»

— Что опять не так? — в её голосе не было раздражения — только усталость.

— Почему цветы не политы?

«Нет, автор этой пьесы, несомненно, кретин: абсолютно не вижу логики в развитии сюжета, — подключился режиссёр-

постановщик. — Но что делать, господа? Надо играть!»

«А здесь — andante cantabile», — подсказал дирижер.

— Я хочу, чтобы они умерли вместе со мной.

«Умирай!» — отчётливо прошептал где-то рядом голос режиссёра.

Изобразить смерть было бы легче лёгкого: они ведь столько раз репетировали эту сцену. Всего ничего: вытащить чемодан и поставить рядом с дверью:

— Уходи! Я прошу тебя! Не мучай!

«Passionato!» — всем своим видом требовал дирижер.

По сценарию полагалось заламывать руки, но она тихо стояла и с ужасом смотрела, как воплощается её воля. Закрылась дверь. Занавес.

«Уволю!» — кричал постановщик. Но ей было совершенно не важно, что скажут режиссёр и зритель. Потому что умерла она по-настоящему.

ГЛАВА 10
ПОКЛОННИЦАМ ВТОРОГО ЭШЕЛОНА

Расставание, несмотря на наши великолепные шпионские таланты, позволявшие на протяжении многих лет скрывать свой брачный союз, вызвало возле Диминой фигуры небывалый ажиотаж. Конечно, поклонницы и так ему прохода не давали, но теперь начался настоящий аншлаг!

Свободный Нагиев, одинокий Нагиев — вот уж тема для девушек, решивших стать для него «той единственной». А сколько материала для фантазий и сплетен!

Как-то Диму угораздило сняться для оформления коробки шоколадных конфет, да не одному, а с маленькой девочкой. Вся страна после этого уверена, что у Нагиева есть дочь. Дальние знакомые, не разобравшись в ситуации, очень трогательно мне сообщали: у Вас такая миленькая дочка. А я, удивленно подняв брови, что-то бормотала про сына, уже пользующегося бритвой.

Более осведомленные завопили о Димином уходе в другую семью — к матери своей дочурки. Некоторые особо талантливые журналисты сделали на этом неплохие деньги. Хочу вас разочаровать: девочка — дочка директора фабрики.

Поклонницы же, на мой взгляд, стали просто сходить с ума. Я как-то присутствовала на «Кысе»: конец спектакля — это даже не паломничество, скорее, Ходынка или похороны Сталина. Толпа девушек рвется на сцену, валит друг друга с ног, затаптывает своих менее удачных сестер…

Со сцены это смотрится не менее страшно. Декорации находятся прямо под ногами, и шансов для артиста споткнуться и упасть — превеликое множество. И главное — никаких заграждений, свободный доступ.

Помню, на концерте Аллы Борисовны в «Октябрьском» я впервые столкнулась с другими правилами игры. Никто не смел выйти на сцену, даже чтобы подарить цветы. Мне показалось это отвратительным. Люди, пришедшие с огромными букетами роз, натыкались на заграждение и оставляли цветы внизу. Но теперь-то я понимаю, как была предусмотрительна администрация.

Это действительно страшно. Безумная волна неотвратимо катится на уставшее тело, и если успеет захлестнуть, артист обречен. Дима в целях безопасности паркует машину внутри сцены и выезжает через черный ход. И даже тогда толпа

озверевших девиц несется вслед за уезжающим «Мерседесом».

Я не против поклонниц вообще. Нет, это святые люди, приносящие артисту чувство морального удовлетворения, осознание его собственного таланта и, что нередко случается, даже некоторую материальную пользу.

Да-да, есть у Димы и такая поклонница — он зовет ее Катя-Дед Мороз. Милая девушка, очень симпатичная, и ничего агрессивного в ней нет. На протяжении нескольких лет она ездит за Нагиевым повсюду, сопровождает на съемках и гастролях, присутствует на концертах и выступлениях. Есть время — почему бы нет. Обычная дочка богатых родителей.

Оригинальным же в Кате является ее страсть делать Диме подарки. Каждый раз в ее руке оказывается очередной сюрприз: это может быть малюсенькая коробочка, скрывающая перстень с бриллиантами, а может — огромный пакет с неимоверной шубой.

Но, с другой стороны, совершенно непонятно, чего таким образом можно добиться. Да, ты видел актера на близком расстоянии. Может быть, даже говорил с ним. Но как это влияет на твою жизнь? Зачем?

Ответа на этот вопрос ни одна поклонница, я думаю, дать не может.

Интересный эпизод рассказывал Максим Леонидов — у него я брала интервью еще во времена своей работы на радиостанции «Модерн». Максим рассказывал о девушке, днем и ночью сидевшей у него на лестнице. Конечно, он не был уверен, что она сидела там постоянно, но каждый раз, когда певец выходил из дома, на подоконнике неизменно присутствовала ее хрупкая фигурка.

Максим как человек интеллигентный вежливо проходил мимо. Неделю проходил, месяц, два… Не выдержал. Подошел и спрашивает:

— А что ты здесь сидишь?

Она же, посмотрев ему в глаза, искренне ответила:

— Не знаю.

Вот именно: они сами не знают, зачем все это делают. Острое помешательство. Одна моя приятельница, бывшая поклонница Виктора Цоя, жила на кладбище, где его похоронили. Сейчас эта женщина преуспевающая бизнес-вумен, и когда она вспоминает об этом факте своей биографии, ничего кроме удивления он в ней не вызывает. «Ну не знаю я, для чего», — говорит она обычно, понимая, что мотивы своих поступков объяснить не может.

Исследования показали — это проходит. По крайней мере у нормального человека. То есть я допускаю, что в 15–17 лет писать трогательные письма своему кумиру — это нормально. И сидеть

на съемках «Осторожно, Модерн!» в течение четырех суток — тоже. Чаще всего потоки восторженных писем от одной девушки рано или поздно прекращаются, потому что реальная жизнь с ее реальными персонажами, несомненно, более привлекательна.

Но ведь встречаются люди, и в более зрелом возрасте совершающие поступки, достойные подростков, люди, зацикливающиеся на своей идее и преследующие ускользающую фантазию годами. Иногда такой психопатический припадок длится десятилетиями.

Очень близко этот феномен я наблюдала в молодости, в годы своей работы в Ленконцерте. Там располагался, например, целый клан поклонниц Леонтьева. Гримеры, официантки и прочие зашифрованные личности жили одной мечтой — хоть иногда видеть своего любимца. Они клали на это жизнь в самом прямом смысле этого выражения.

Какую цель они преследовали, я так и не поняла. Видимо, все-таки рано или поздно стать его женой. Убедиться в своих догадках мне пришлось, когда одна девушка, узнав о том, что в паспорте Леонтьева появилась печать о браке, распахнула окно и в сомнамбулическом состоянии попыталась из него выброситься. С подоконника ее, конечно, сняли. Но вернуть девушке несколько лет жизни не смог бы уже никто.

Или вот еще отдельная статья учебника психиатрии — эпистолярный жанр, практикуемый в основном девушками из отдаленных от центра уголков России.

«Я живу в поселке Незнамогдеполь… мского округа… и я уверенна в том, что наши пути пересекутся, у нас родятся дети, и вообще, ты — моя судьба». Мене уверенные в себе согласны пусть не на полноценную счастливую семью, но хотя бы на ребенка. Больше всего поражают письма, в которых определяются сроки зачатия. «Приходи сегодня вечером на сеновал…» Да не шучу я! Серьезно: «19:00, жду в гостинице такой-то, в номере таком-то, с целью зачатия нашего ребенка». Фотография прилагается.

То есть, по их мнению, нормальный мужчина, в здравом уме и трезвой памяти, вполне способен на такое. Действительно, есть тело, оно его где-то ждет и денег не просит. Отчего бы не воспользоваться? И сознание того, что где-то у него будет жить ребенок, о котором он ничего не знает, нисколечко не должно этого мужчину волновать — он же кумир, самец и представитель иной цивилизации одновременно. Жаль, что он не размножается почкованием. А то как было бы удобно — оторвала кусочек и вырастила дитятко!

Это не выдумка — это реальность. Сколько таких писем было вскрыто, прочитано и выброшено на помойку!

Иногда я думаю: что люди ищут в своем поклонении? Наверное, очень многие — спасение от одиночества. Видимо, человеку чего-то в своей жизни серьезно не хватает, раз он начинает жить в мечтах.

Возможно, кому-то покажется, что я негативно отношусь к поклонницам. Это неправда. В моих чувствах есть к ним как минимум уважение — за храбрость. Иногда ловлю себя на желании подойти к какой-нибудь звезде, но я не воплощаю это желание в реальность. У меня нет смелости. Хотя, если посмотреть с другой стороны, это можно назвать сдерживающим фактором. И, может быть, именно потому, что у настойчивых поклонниц нет этого сдерживающего фактора, они производят странное впечатление.

В целом любой артист, мне кажется, становится артистом, в том числе и ради признания. Ведь это так приятно — иметь поклонниц и поклонников. Конечно, все, и Дима не исключение, их разделяют. Например, у Нагиева есть «кучка приближенных»: те, кого он знает по именам, сажает в машину. Остальные делятся на касты по степени удаленности «от тела». Представительницы «кучки» знают много тайн, секретов и эпизодов из личной жизни. Они, правда, никогда не рассказывают о них другим, потому как являются этакими «доверенными лицами».

А потом — любому человеку безумно приятно получать пусть даже стотысячную по счету плюшевую игрушку. Представить, что Дима уйдет с концерта без единого цветка и без единой плюшевой игрушки — невозможно. То, что он расстроится — это будет слишком мягко сказано.

Хотя и здесь иногда наступает момент пресыщения. Тогда плюшевые игрушки находят себе новых владельцев, а цветы грустно вянут в гримерке. А ведь первые цветы, я помню, Дима все нес домой. Не дом был — а оранжерея какая-то!

Еще раз повторюсь: я не испытываю отвращения к поклонницам. Я всего лишь против сумасшествия, членовредительства и острого помешательства. Пусть даже на почве интереса к одинокому, красивому и чертовски талантливому мужчине.

* * *

Да, Нагиев свободен. Но значит ли это, что для любой? Почему же именно её Дима должен выбрать из всех девушек, существующих на свете — ведь свет не ограничивается даже размерами нашей родины, а тем более размерами отдельно

взятого посёлка.

Ну нравится тебе человек. Пусть актёр или певец. Может быть, у тебя даже есть шанс его увидеть. Откуда же берутся такая уверенность и самонадеянность — хотя, честно говоря, больше смахивающие на элементарную глупость, — что он-то тебя увидит, да ещё и с первого взгляда полюбит?

Я всё время пытаюсь примерить ситуацию на себя. Например, стала бы я писать письмо Газманову? Ведь мне очень нравится этот певец и на концерты его я хожу регулярно. Нет, не стала бы.

И, кстати сказать, на этих самых концертах, когда я стою в зале, мне и в голову не приходит, что он может меня заметить. Даже при моём росте. Потому что я знаю: сквозь софиты вообще ничего не видно.

Единственное объяснение происходящему я нахожу в мифотворчестве журналистов, расписывающих идеализированные истории о том, как г-н N, известный артист, продюсер, режиссёр (нужное подчеркнуть), благополучно женился на своей поклоннице. Пресса усиленно подогревает интерес к этой теме, чем подрывает сознание соотечественниц, мечтающих о жизни с кем-то великим.

Никто не отрицает, это реально: женитьба на поклоннице, секретарше и даже уборщице, если она при этом хороша собой — почему бы и нет? Не нужно далеко ходить за примерами — Димин друг, Игорь Лифанов, привез свою жену из удалённого от столицы городка после съёмок. Также все наслышаны о браках Кузьмина, Кончаловского.

Кроме приятных исключений, в большинстве своём, по моему мнению, такие браки — это что-то противоестественное, перпендикулярное здравому смыслу. Если попытаться копнуть чуть глубже, то за ними скрываются мотивы, очень далёкие от мечты любой девушки о великой любви.

Просто попробуем здраво рассудить. Человек достиг определённой известности и более чем стабильного материального положения. В принципе он действительно может не задумываться о социальном статусе своей избранницы. Это здорово. Он может себе позволить жениться на просто славной и миловидной девушке.

И вот он, отвергнув довольно большое количество красивых, энергичных, чего-то достигнувших в своей жизни женщин, имеющих собственный (и, надо заметить, не маленький) источник дохода, вполне состоявшихся (раз уж они входят в его круг) и самодостаточных, обращает свой взор на девушку, которая дальше сельпо и не ходила. Но очень хочет.

Почему? Да потому, что это действительно здорово — взять

брусок пластилина и вылепить то, что душе угодно. Этакий живой человеческий материал. Работа с ним приравнивает тебя к Богу, являясь аспектом творческой самореализации.

И при этом не нужно забывать о гарантированной пожизненной благодарности. Ведь это Он вытащил её из болота собственной жизни, одел, обул, накормил и раскрасил, познакомил с людьми, о которых она читала только в колонках светской хроники, и поселил в собственном раю.

Как будут складываться их взаимоотношения дальше? Очень просто. По принципу: он в этой воде ноги моет, а она — лицо умывает. Сказка!

* * *

Но, может быть, кого-то это не пугает и не смущает. Тем более что все меньше и меньше остается семей, в которых муж и жена познакомились в молодости, ели кашу из одной тарелки тремя ложками, а потом он стал великим писателем, артистом, музыкантом, и они до сих пор живут душа в душу. А потому свободных кумиров — пруд пруди, и действительно, почему бы не стать для одного из них новой женщиной.

Женой — вряд ли. Случай женитьбы — из ряда вон выходящий. Во-первых, кумир к этому моменту пережил как минимум один брак (в худшем случае — два или три) и повторить свой печальный опыт отнюдь не стремится.

Во-вторых, ему есть что терять: то есть, обладая материальным достатком, он имеет полное право подозревать девушку, навязывающуюся к нему в жены, в исключительно меркантильном интересе. Отдавать половину своего состояния посторонней женщине ему, поверьте, не очень-то хочется.

В-третьих, создание семьи, как правило, происходит с какой-то определенной целью. К примеру, объединение финансовых капиталов фирм своих родителей или рождение и воспитание ребенка. А вот детей-то наши кумиры и не хотят. Ведь у них эти самые дети уже есть. И не по одному. И не обязательно только от прошлых жен. Зачем ему еще одно сомнительное вложение денег?

К тому же уж слишком сильны воспоминания о бессонных ночах и мокрых пеленках, и здесь не помогут никакие уговоры, что цивилизация шагнула вперед, изобрела памперсы и бебифоны, а наша страна давно предоставляет места мало оплачиваемым, а потому часто безработным, бюджетным воспитателям в частном секторе. Нянями.

Так вот, для того чтобы стать этой новой женщиной,

необходимо быть готовой ко многим вещам. Пожалуй, возьму на себя смелость давать в этой области советы — как никак я прожила уйму лет рядом с Дмитрием Нагиевым, к тому же лично знакома со многими мужчинами — кумирами наших женщин.

Итак, первый вопрос, который возникает — как познакомиться? То есть ты стоишь внизу, он — вверху, такой блистательный и недоступный. Тебе надоело грызть ночами подушку и представлять вашу случайную, но чертовски романтическую встречу.

Что делать?

1. Необходимо проникнуть к телу. Здесь удобно притвориться журналисткой скромного местного издания и напроситься на интервью. Конечно, вначале нужно подготовиться — договориться с главным редактором этого самого издания и получить аккредитацию, без которой доступ к телу кумира реально ограничен.

2. Собираясь на интервью, оденься очень неприметно, еще лучше — бедно. Желательно в разговоре невзначай упомянуть, что ты болела в детстве псориазом. То есть первоочередная задача — вызвать жалость. Мало кто об этом догадывается, но именно такой способ стопудово проходит на ура! Потому что когда человек оказывается вверху, ему страшно хочется ухаживать за выброшенными котятами и щенками. Разодеться и навешать на себя бриллианты для соблазнения мужчины-кумира — абсолютно проигрышный вариант.

3. В процессе интервью попробуй сделать так, чтобы кумир тебя заметил. Например, постарайся быть в противофазе другим журналистам. Естественно, кротость в данной ситуации даст дополнительные очки.

4. Чуть не забыла — прежде чем идти на такой шаг, взгляни на себя в зеркало. Только если ты видишь в нем миловидную блондинку, следуй дальше к своему счастью. Если же отражение показывает рыжую брюнетку, срочно перекрашивайся и потренируйся на близких убедительно врать, что это твой природный цвет. А корни, мол, ты красишь в черный. Конечно, второй вариант — более тяжелый для жизни, особенно в связи с тем, что признаваться в своей ненатуральности будет нельзя ни в коем случае. И, конечно, все другие волосы тоже нужно будет подкрашивать. Но разве это тяжело по сравнению с тем, что ждет тебя дальше?

А дальше — необходимо втереться в доверие к своему кумиру.

Это тоже довольно сложно, но не является невозможным в принципе. Просто следуй по следующей схеме:

1. Написав статью (и написав хорошо, то есть «на четыре»; потому как «на троечку» — это слишком слабо, так ты произведешь на него впечатление просто глупенькой девочки, а «на отлично» — есть опасность, что он заподозрит в тебе не кроткую замечательную девочку, а настоящую акулу), ты звонишь кумиру и просишь вычитать текст. Так вы встречаетесь с ним во второй раз, причем в более спокойной обстановке.

2. Одеться лучше не по сезону: например, если на улице минус десять, прийти в босоножках.

3. К моменту встречи необходимо сочинить какую-нибудь историю, с одной стороны, вызывающую жалость, а с другой — дающую возможность кумиру оказать тебе какую-нибудь услугу. Например, выдумай что-нибудь о проблемах с домашним животным, которое необходимо срочно отвезти в ветклинику. Или — более выигрышный вариант — разболевшийся зуб. Тогда кумиру придется подвозить тебя до стоматологии.

4. Конечно, желательно, чтобы в машине у тебя открылось маточное кровотечение и падение в обморок произошло бы прямо на колени кумира. Но здесь главное не переборщить…

Получилось? Все. Дальше следует заботиться о том, чтобы стать для кумира необходимой.

1. Прозондировав почву на предмет, что любит и не любит твой избранник, начать активно, но ненавязчиво оказывать ему услуги. Например, в тот момент, когда у него заканчивается цитрамон — ты вытаскиваешь из кармана упаковку таблеток. Или: он любит колу, а она у тебя — о-па! — в кармане! Волшебница!

2. Всегда держи видеомагнитофон на старте. Если же возможности такой нет, найми человека, который будет записывать все программы с кумиром, надписывать кассеты и ставить на полочку. Ведь случись что — у тебя они есть. Вместе с кока-колой и цитрамоном.

3. Никогда не бери с кумира денег за свои услуги. Он дает, а ты: «Нет!», или, в крайнем случае: «Ну разве что маме… на лекарства».

4. К бутылке колы лучше еще добавить домашние пирожки с его любимой начинкой. Но все это нужно делать как-то так ненавязчиво. Например, не таскать пирожки кастрюлями.

В общем, и здесь, как всегда, важно не переборщить… Конечно, для того чтобы пройти из приближенных поклонниц к сердцу кумира, нужно иметь недюжинное терпение, умение абсолютно владеть собой и — в идеале — великолепные актерские способности. Не обязательно заканчивать ГИТИС, но хотя бы курсы актерского мастерства тебе пригодятся.

1. Для начала тебе придется сымитировать девственность. Или как минимум невинность. В том смысле, что, конечно, у тебя до него был один молодой человек, но он тебя бросил. Здесь ключевыми словами являются «один» и «бросил». Это важно.

2. Далее следует резко ограничить свой круг общения. Чтобы никто, когда ты уже войдешь в сердце кумира, не смог подойти и хлопнуть тебя по плечу. Или оторвать своими проблемами. Или случайно проболтаться о чем-то, что ты так упорно скрываешь. Кстати, сменить sim-карту тоже настоятельно рекомендую.

3. Актерские таланты понадобятся и для того, чтобы снова и снова убеждать его — дети тебе ни к чему.

То есть ради любви к нему ты запросто можешь отказаться от деторождения. Ничего, что современная психиатрия сможет тобой заинтересоваться и все нормальные люди покрутят пальцем у виска — зато ты будешь рядом со своим кумиром до самой смерти. Кто будет до самой смерти рядом с тобой, неизвестно.

4. Для полного растворения и погружения в собственного кумира также потребуется немало способностей талантливой актрисы.

Ведь нужно научиться без тошноты и жалоб ходить вместе со своим мужчиной на все съемки, ездить на гастроли, просматривать все передачи и прочитывать сценарии. То есть полностью отказаться от своей жизни и жить его интересами.

5. И еще — устранить соперницу.

Все мы девушки умные и понимаем, о чем говорим. Стать больше чем поклонницей — значит оказаться в его постели. Потому что кому нужна твоя бессмертная душа? А постель — дело не такое уж и легкое, как может показаться на первый взгляд. Хотя все зависит от кумира. Некоторые едут на гастроли, находят там себе одну женщину для приятного времяпрепровождения, а потом возвращаются домой к любимой жене. Такие кумиры — нам не интересны. Лучше всего подходят для совместной жизни кумиры, которые не любят случайных связей. Эти укомплектовывают штат: 3–4 девушки, сменяющие одна другую, как долгоиграющие пластинки. Чтобы заменить собой другую — стань более нужной! Если у нее в кармане тоже есть кока-кола, то пусть твоя будет охлажденной. Так ты ликвидируешь соперницу и попадешь на службу.

6. Обязательно внуши ему: если что — ты в Фонтанке. Или выпьешь три пачки пургена. Здесь можно сослаться на своего единственного бывшего: как тяжело ты переживала ваше расставание и резала себе вены. Запугай его. Но — главное, естественно, не переборщить…

Итак, ты рядом с телом — причем не только днем, но и

ночью. Тут начинается самое интересное.

1. Не будь дурой. Абсолютные идиотки кумиру не нужны. Хотя, если ты все-таки не уверена в своих интеллектуальных способностях, шансы на долгую счастливую жизнь тоже есть, но постарайся много не говорить. Тут главное быть несчастной, с преданной и красивой душой. Что у тебя в голове — абсолютно никого не волнует.

2. Не надо приезжать к нему без звонка — предупреди о своем намерении заехать заранее.

3. Если ты уже живешь на его территории, важно ни в коем случае не брать телефонную трубку! Кстати, и самой никогда ему не звонить, если тебе говорят, что звонить не надо.

4. Никогда не меняй своих планов: если ты собралась улетать на отдых, то улетай. И нечего тебя здесь делать!

5. Научись растворяться в его доме, чтобы ни в коем случае его не раздражать. Представь, что ты фикус. То есть ты как бы есть, но и как бы тебя нет. Если надо — ты тут, а если что — то нет тебя.

6. Никогда и ни при каких обстоятельствах не рассказывай ему о своих бывших, ни о тех, которые идут в параллели. Это наивысшая глупость! При всем том, что я, например, уже несколько лет практически не общаюсь с Димой, даже в этой книге я не напишу ни о каких своих похождениях. Конечно, у меня их и не было, но даже если бы они и были, я бы никогда о них не проговорилась.

7. Научись себя чем-то занимать, потому что основную массу времени ты будешь пребывать в одиночестве. Советую закончить какие-нибудь бизнес-курсы (чтобы с тобой было не стыдно выйти в люди), а также курсы, оттачивающие кулинарное мастерство и обучающие какому-нибудь современному рукоделию. При этом не забывай заниматься фитнесом, пять раз в неделю посещать салон красоты, а перед сном, умирая, почитывай светскую хронику, периодику и книжные новинки (чтобы с тобой было о чем поговорить).

8. Развей в себе способность индифферентно относиться к тем женщинам, которые его окружают: для счастливой жизни необходимо искренне верить, что это коллеги по работе.

Но хочу тебя предупредить: мужчина по своей природе полигамен. Даже если он зарабатывает меньше своей спутницы жизни и живет на ее жилплощади. И кумир — вовсе не исключение. Скорее — самое что ни на есть правило. Потому что девяносто девять процентов мужчин, когда у них появляется достаточное количество денег, чтобы купить себе еще одну квартиру или хотя бы снять, обязательно находят себе еще одну

женщину. В зависимости от материального достатка — вторую или десятую. Постарайся не воспринимать это как оскорбление. Это женщины изменяют мужчинам, чтобы отомстить. Мужчина изменяет из любви к искусству. То есть к процессу. Задача, конечно, не из легких, но если ты хочешь быть в сердце кумира, то нужно быть готовой и к этому.

9. И, конечно, надо любить все то, что любит он. Не дай бог, мужчина твоей мечты обнаружит, что то, чем так нравится заниматься ему, тебе абсолютно «по балабасу». Или еще хуже — противно. Например, тебе нравится ездить на природу, а ему — нет. Скрывай! Нельзя прокалываться, а то все труды насмарку. Не дай бог, чтобы он узнал, что ты столько времени ему нагло врала.

10. И последнее — не перечь! Если он что-нибудь говорит — не перечь ему ни при каких обстоятельствах! Слушай внимательно и не перебивай умного мужчину. Правда, чересчур тоже не нужно. Опять-таки, не переборщи!

Все это серьезный труд и титанические условия. Стоит ли ОН того? Ведь никто и никогда так и не узнает, что ты в сердце кумира. То есть морального удовлетворения ты так и не получишь. Даже свою собаку кумир выводит гулять на поводке, и у любимой псины есть шанс оказаться на страницах какого-нибудь журнала. А у тебя такого шанса нет и не будет. Таки оно тебе надо?

Ты готова к этому и точно знаешь, что способна на все вышеизложенного? Тогда — удачи!

ГЛАВА 11
ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

Итак, заключительная глава. Заключение, по сути являющееся возвратом к началу: попытка систематизировать уходящее прошлое и осознать себя в реальной действительности.

Ведь несмотря на то что прошло полжизни, я снова оказалась там, откуда пришла. Высокая девушка, с очками и в автомобиле. Я одна, а он — с кем-то. С другими. Не со мной. Могу ли я хотя бы мечтать об этом парне? И есть ли в этих мечтах хоть какой-нибудь смысл? В общем, изменились только внешние обстоятельства, внутреннее наполнение осталось прежним. Ноги на исходной позиции, руки врозь.

Когда я задумывала написать эту книгу, мне все казалось: в нашей жизни было много смешного и прикольного, а потому книжка должна получиться забавной. Вышла исповедь. Мне — не смешно. Мне странно, грустно и страшно… Честно.

Стоит ли после стольких страниц хоть что-то скрывать? Исповедоваться, так уж как на духу.

* * *

Мне никогда не нравились молодые люди моего возраста с вьющимися волосами и артистической натурой. По мне — лучше ботаник. Такой, знаете ли, весь в очках и с маленькой лысинкой. И чтобы перед сном, лежа в кровати, он почитывал научные журналы, а я бы спрашивала:

— Дорогой, не пора ли баиньки?

А в ответ:

— Ты знаешь, родная, я нашел прелюбопытнейшую статью: автор сравнивает нижние завязи семейств Compositae и Campanulaceae и приходит к интереснейшим выводам… Впрочем, ты ложись, а я почитаю немножко…

Возможно, ему было бы глубоко безразлично, приготовила ли я борщ, и, съев на ужин несколько корочек черствого хлеба, он все равно целовал бы меня в лоб и закрывался журналом. А я — я в полной мере смогла бы ощутить, что такое семья, получив мужа, детей и собаку, и занималась бы какими-то своими делами.

Так и представляю себе эту идиллистическую картину.

— Дорогая, как прошел день? — спрашивает мой ботаник за тарелкой пригоревшей яичницы, пытаясь выяснить, почему же

произошла сия термическая катастрофа. — Ты чем-то расстроена?

— Да таможенники совсем сошли с ума: требуют кучу денег за партию эдельвейсов, выращенных в Альпийских льдах. — (Вероятнее всего, я занималась бы чем-то, связанным с его работой, а как же иначе?) — А пока груз стоит на таможне, все цветы погибнут, и в следующем месяце мне нечем будет платить за аренду магазина…

— А у тебя есть магазин?

— Уже год, дорогой.

— Ах, какое чудо!.. Ты только не расстраивайся, пожалуйста…

Здесь он снова уткнется в тарелку, и на этом наш безумный диалог закончится.

Вы, конечно, поняли, что я хочу сказать: моя жизнь при таких обстоятельствах сложилась бы абсолютно иначе. Понятия не имею, лучше или хуже. Но надежнее. И определенно — скучнее. Поэтому не жалею, но не перестаю удивляться: себе, судьбе и Нагиеву.

* * *

Что меня действительно пугает, так это то, что я навсегда обречена быть либо женой Нагиева, либо бывшей женой Нагиева. Но ведь это абсолютно нечестно! Когда я выходила замуж, я и представить себе не могла, как всё повернётся. Да, я верила в Димино блестящее будущее. Но не была готова к тому, что на мне поставят клеймо и время от времени станут изучать под микроскопом: «Так-так, интересно, и какая же она?»

Хотите знать, какая? Давайте добавим свет, резкость и сделаем максимальное увеличение: перед нами типичный представитель рода женщина-вамп, в народе называемый стерва. Характерные признаки вида налицо: высокая блондинка в тёмных очках и с ярко-красной помадой. Также вид отличает резкость суждений, вызывающие манеры и подчёркнутая сексуальность.

Но открою вам страшный секрет, дорогой исследователь, то, что видит ваш глаз — всего лишь Алиса Шер. А это не я — это образ, созданный Димой. Или, лучше сказать, маленькая моя часть, потому что походить на Димины представления об идеале я все-таки стремилась.

Стремление соответствовать вылилось в мой образ на «Модерне»: всем казалось, что я самовлюблённая, недоступная и совершенно бесшабашная. Когда люди ближе со мной знакомились, по-моему, они даже разочаровывались. Но

большинство продолжает верить в легенду о стерве. Недавно мне даже позвонили с телевизионного ток-шоу, приглашая на передачу, тема которой так и звучала: «Женщина-стерва».

— Мы посчитали, что Вы — наш персонаж.

Пришлось ответить, что, к сожалению, ничего о них не знаю.

Вообще понятие «стерва», столь модное сейчас и разрекламированное средствами массово информации, далеко от стервы как таковой, в её обывательском понимании. По мнению обывателей (и моему в том числе), стерва — это женщина, способная построить своё счастье на чужом несчастье. Но ведь для этого она наверняка скрывает свою стервозную сущность. То есть внешне любая стерва — ангел с крыльями и сияющим нимбом над головой. Она тиха и благообразна, а её хождение по трупам похоже скорее на полёт валькирии. Никто никогда и подумать не посмеет, что эта женщина во всём преследует свои цели и не останавливается ни перед какими жертвами.

Всё чаще и чаще убеждаюсь: внешняя стервозность — всего лишь оболочка. Зачем она своей обладательнице — другой вопрос. Возможно, чтобы скрыть излишнюю ранимость. А может, эта оболочка — просто мозоль, натёртая в результате столкновений с реальной действительностью. Более чем уверена — если такой женщине создать тепличные условия, то налёт стервозности сойдёт, и внутри окажется нежный и прекрасный цветок. Хотя долгая жизнь в образе рано или поздно становится если не сутью, то частью.

А Диме всегда нравились стервы. Чтобы безупречный макияж, чулки и туфли на шпильках. Чтобы окружающие падали в обморок от смешанных чувств ужаса и восторга.

— Я лепил из тебя Галатею, — признавался мне муж.

Всегда представляла себе её как-то иначе… Что ж, видимо, у Димы не получилось. Что-то пошло не так. Галатея ли в какой-то момент почувствовала себя отдельной от создателя личностью, сам ли создатель кинул свои инструменты рядом с искорёженным куском мрамора… Не знаю. Но в любом случае, нужно признать, я не смогла стать идеалом. Наверное, я оказалась человеком.

* * *

В Диминой жизни осталось всё по-прежнему: он всё так же лепит своих Галатей, безуспешно пытаясь достичь идеала. Осознать, что идеала не существует — ниже его представлений о себе как об абсолютном Творце. Признать за женщиной право быть самой собой и любить её именно за эту «самость» —

ущемление его мужских прав. Впрочем, может, я чего-то не понимаю.

Нагиев считает, что он чуть ли не единственный, кто живёт правильно. Никто не покушается на его несомненные достижения: этот человек действительно всего достиг сам, нашёл себе применение в жизни, выкарабкался из нищеты. Смущает другое: то, как всё это позиционируется, выдаваясь практически за единственную правду жизни — одну для всех.

Мне кажется, на Диму во многом повлиял образ верховного судьи человеческих поступков, благоприобретённый в «Окнах» и, к сожалению, вышедший из-под контроля. Прилип намертво. Я сейчас не оцениваю Диму как ведущего — здесь ему, полагаю, нет равных. И не даю оценку самой передаче. Я пытаюсь понять изменения, произошедшие с человеком, которого безумно любила всю свою жизнь. Ведь не может не отразиться на человеческой личности бесконечное копание в чужом грязном белье.

Здесь даже не важно, реальны или выдуманы «оконные» истории. В любом случае это истории из жизни. Даже самые фантастические и безумные. Но ведь иногда и от лучших подруг слышишь признания, леденящие кровь, заставляющие воскликнуть: «Не может быть!» Важно, по крайней мере для меня, какие оценки он даёт всему происходящему.

И здесь в моей голове что-то замыкает от несоответствия. Потому что, с одной стороны, комментарии его бесконечно искренни и убедительны, а с другой — я понимаю, что Дима так думать не может. Я-то знаю: реально он живёт по-другому, но рассуждает об отношении к женщине, о ревности, об измене с позиции человека безупречной нравственности и кристальной биографии, как будто бы ничего подобного с ним никогда не случалось и даже в теории случиться не могло. Ах, как это можно, любить двух женщин одновременно, врать одной, изворачиваться перед другой и уходить к третьей?! Он восклицает:

— Это абсурд!

И часто мне кажется, что сам в это верит.

Я по-прежнему не смотрю каждую его передачу и не стремлюсь уловить каждый кадр, где мелькает Дима. Но когда время от времени всё-таки сажусь в кресло перед телевизором, я вижу человека — артиста, ведущего — с такими же именем и фамилией, как у моего мужа. Но это не он. Образ, и только.

Тяжело ли ему в этом образе? Думаю, тяжело. Даже не представляю, что происходит с ним в минуты одиночества. Хотя не уверена, что они у него есть, эти минуты, когда он остаётся один на один с собой. Если и выпадает несколько часов жизни для отдыха, то, наверное, только в самолёте, и потрачены они

будут, скорее всего, на сон. Всё остальное время — работа.

Можно назвать это трудоголизмом. Но я, как и большинство современных психологов, уверена, что это болезнь. Причины заболевания в данном конкретном случае кроются, на мой взгляд, в страхе потерять всё, чего ты добился.

Восхождение к цели похоже на спираль: каждый виток — это тот же круг, но чуть выше. И если ты делаешь шаг в сторону — ты вылетаешь из этого круга и оказываешься неизвестно где. Часто в самом низу. Там, откуда начал свой путь.

И этот страх перед падением порабощает. Порабощает настолько, что, даже достигнув своей цели, человек не в состоянии остановиться. Он движется уже просто потому, что боится упасть. И страх тем сильнее, чем выше успел подняться. Потому что падать с большой высоты, как известно, гораздо больнее.

Единственное лекарство от страха — работа. При этом ты знаешь, что только бешеный ритм даёт относительную гарантию стабильности твоего положения. Остановиться в такой ситуации сможет только человек, спокойно относящийся к тому, что, возможно, придётся пересесть на «Запорожец» или даже снова начать ездить в метро.

Люди, чего-то достигшие в своей жизни, не принадлежат себе — они принадлежат своему страху и, как следствие, своей работе, подменяющей собой жизнь.

Постепенно они разучиваются отдыхать, понимая под отдыхом смотрение в одну точку, и отвыкают расслабляться. То, что для обычного человека отдохновение — например, пойти в кафе и выпить чашечку кофе — для них либо продолжение работы, либо вовсе неосуществимое действие. Они не могут натянуть любимые рваные джинсы и затеряться в толпе… Мне кажется, это не жизнь.

А Диме кажется, у меня не жизнь. Потому что у меня нет мечты, ради которой я могла бы круглосуточно работать. Я ничего не хочу и ни к чему не стремлюсь. Ни к даче на Канарах, ни к другим атрибутам «успешной» жизни. Успешная жизнь — показатель, разделяющий людей на два лагеря. Дима выбрал свой лагерь, и коэффициенты показателя в виде иных человеческих качеств не могут на него повлиять.

Может, это очередная маска, которой он пытается закрыться от других людей. В большинстве своём действительно ему неинтересных. И, что немаловажно, страшных.

Конечно, все по-разному относятся к собственной популярности. Если Серёжа Титивин мог ездить в машине с номером «РОСТ», то Нагиев из дома не выходит иначе, как в

капюшоне, с кепкой и в тёмных очках. Сейчас я читаю интервью с ним и понимаю, что человек близок в своей боязни людей к панике. Конечно, не как у Ким Бессинджер, вообще отказавшейся от съёмок. Но состояние в любом случае некомфортное.

Единственное время, когда я вижу его без маски — тем Димой, которого знала всю жизнь, — это время общения с сыном. Тогда он настоящий. Но разве этого хватит?

* * *

А что же я?

Я вспоминаю свою первую любовь — чудесного (я искренне так думала!) мальчика из школы: когда мы расстались, я полагала, что жизнь теперь кончена, а внутри теплилась надежда — вдруг все вернется. Почти год я совсем не пользовалась косметикой и ходила в черном. Мне казалось, что я ношу траур по ушедшей любви. Но ведь тогда знаний об отношениях между мужчиной и женщиной у меня накопилось — кот наплакал, да и что такое год жизни, когда тебе всего лишь восемнадцать? А сейчас — взрослая и самостоятельная женщина — я никак не могу избавиться от чувства пустоты и одиночества. Ну сколько можно?

Говорят, боль от расставания должна длиться 9 месяцев. У меня эта боль затянулась. Не могу сказать, что она не проходит. Конечно, проходит: с каждым годом я потихоньку выхожу из ее кокона. В основном благодаря мечтам и фантазиям.

Иногда мне хочется уехать к сестре под Калининград. Там, в маленьком городке, где никому нет до тебя никакого дела, попытаться начать все сначала. Или нет, не сначала — просто совершенно новую жизнь. Свою. Без него.

Временами я решаю подождать, пока пройдут годы и все забудут, что я была женой Нагиева — ведь должно же это когда-нибудь случиться! Тогда мне не придется менять место жительства, и, может быть, даже встретится в моей жизни слепоглухонемой капитан дальнего плавания. Почему бы нет?

Порой я мечтаю о том дне, когда известный американский кинорежиссер пригласит меня на главную роль в своем блокбастере. Миллионы зрителей в кинотеатрах увидят на широком экране меня, полуобнаженную, с развевающимися волосами. В одной руке я сжимаю пульт от ядерной бомбы, в другой — еще горячий пулемет. И кто знает, кого вдохновит этот образ, хотя не исключено, что только лишь сумасшедшего режиссера, отважившегося все это снять.

А пока — пока в моей жизни нет ни райского уголка в Калининграде (мне нравится жить там, где я живу), ни слепоглухонемого капитана (где их взять на всех желающих?), ни известного американского кинорежиссера (о, не покидай меня, моя последняя надежда!). Кажется, все, что я делаю после нашего развода — воздвигаю храмы своей любви.

Зачем, спрашиваю я себя? Затем, отвечаю себе же, чтобы доказать ему — я все-таки любила!

Что, как не храм любви, представляет собой ресторан, который я возглавляла? Ведь по сути это дом Нагиева, с его фотографиями в рамках и всегда живущей в нем куклой — Дима в полный рост.

Четыре года… Сначала я с любовью подбирала фотографии и развешивала их по стенам. Отовсюду на меня смотрел мой муж, и с каждым днем, месяцем, годом мне было все тяжелее и мучительнее находиться там, где я постоянно вижу его портреты… Как будто приходишь на кладбище своей любви.

Я устала так жить — ушла из «Парадокса», забрав все фотографии. И Диминой куклы там тоже не стало. Что теперь станет с рестораном, я не знаю. Что произойдет дальше со мной — это мы тоже посмотрим.

Теперь я недействующая Алиса Шер, уже не жена Нагиева и даже не директор ресторана. Я просто человек. И в принципе, наверное, это то, чего я добивалась. Как результат — новый храм моей любви: эта книга. Надеюсь, он последний. Потому что я не могу жить со своим одиночеством, но открыть новую дверь, пока не закрыта прежняя, тоже не могу. А она все не закрывается.

Возможно, закрыть ее мешают мои представления об идеальной любви. Ведь любовь — это песня, которую можно исполнить всего один раз, когда, взлетев, падаешь на терновый шип, чтобы умереть… («И с улыбкой безобразной он ответит: „Ишь, / Начитался дряни разной, вот и говоришь…“»)

Но если реально смотреть на вещи, наверное, прожить всю жизнь с одним человеком и умереть в один день вовсе не обязательно. Вероятно, встретить любовь можно и второй, и третий раз… И я мечтаю, мечтаю… Мечтаю, что открою дверь и войдет водопроводчик, которого я вызвала, и я вдруг пойму, что это мужчина всей моей жизни.

Стану ли я сравнивать своего водопроводчика с Димой? Пожалуй, нет. Ведь я достаточно рано вышла замуж, и те чувства, которые я испытывала в том возрасте, совершенно отличаются от тех, что я могу испытать сейчас. Теперь я смогу просто любить, а не доказывать свою любовь.

Взамен я потребую немного: чтобы меня любили. Просто так

и ни за что. Чтобы я не проходила ежедневный тест, когда ставятся галочки напротив граф «Качество питания» и «Соответствие внешнего вида». Потому что во всех графах в конечном итоге будут стоять жирные двойки. По крайней мере, иногда. Как у всех. Ведь я — обычная женщина.

И, как обычная женщина, я считаю, что настоящая любовь — она внутри и не требует внешних проявлений. Можно, конечно, спорить: мол, как же человек сумеет понять, что ты его любишь? Но ведь и в ресторане вам подают красивые и вкусные блюда — значит ли это, что шеф-повар от вас без ума?

Я смотрю на себя в зеркало и понимаю: бедный водопроводчик, обнаружив меня рядом с собой, сбежал бы на следующее утро, погрязнув в собственных страхах и комплексах. Да и кто на его месте не струсил бы. Повстречав сексуальную высокую блондинку с ключами от «Мерседеса»?

Не сбежит разве что отчаянный поклонник. К счастью (или наоборот), они у меня еще сохранились. Может, оттуда выбрать? До сих пор преследует один, объявившийся еще во время работы на радио «Ностальжи». Он стоял за стеклом и ждал, когда я пройду мимо. Как оказалось, только за тем, чтобы поинтересоваться: «И что, это все?» До сих пор задаю себе вопрос: «А что он, собственно, ожидал? Чтобы я кинулась ему на шею?»

Он дарил мне подарки и стихи. Из последних я, к сожалению, никаких выводов сделать не могла — видимо, читательского таланта не хватило. Честно, ничего не поняла, в том числе — какое отношение эти запутанные верлибры имели ко мне. Зато написаны они были каллиграфическим почерком и без единой грамматической ошибки.

На 8 Марта от внимательного поклонника мне достался в подарок пакет с веревками. Зачем и для чего мне эти веревки, я гадала, наверное, неделю (ведь не повеситься же!). Оказалось — их надо протянуть в ванной комнате для сушки белья! Какой заботливый! И какой хозяйственный!

Когда открылись «Кулуары», мои продавщицы начали жаловаться на подозрительного мужчину, ежедневно появляющегося в магазине и рассматривающего каждый угол. Оказалось, не вор и не бомж — тот самый поклонник.

Ресторан тоже не минула чаша сия — обслуживающий персонал он умудрялся доводить до белого каления. А в мой день рождения — заказал себе рюмку водки и выпил за мое здоровье. Потрясающий персонаж! Но, к сожалению, — не моего романа.

Я вижу, как большинство моих одиноких подруг постепенно отказались от идеи с кем-нибудь познакомиться. Потому что человеку, который уходит на работу в 7 часов утра и

возвращается домой в 10 вечера практически мертвый, совершенно не нужны все эти проблемы: «Ах, почему мне не позвонил Вася Сидоров?», «Что надеть?» и «Куда пойти лечиться?» А может, руководит ими не нежелание, а просто судьба, неожиданным зигзагом вывернувшая жизнь на полосу одиночества.

В моем роду по маминой линии есть женщины, вообще никогда не выходившие замуж. И не потому, что им что-то мешало или не хватало красоты, обаяния и ума — этих качеств у них было предостаточно. Но жизнь свою они прожили для себя, не обременяясь никому не нужными обязательствами и сомнительными связями. Эти женщины умели наслаждаться жизнью без мужчины: настолько они были увлечены самим процессом — жить!

Наверное, это называется самодостаточностью и любовью к себе. Я завидую им, но повторить их путь не хочу, потому что я все равно испытываю одиночество.

Успокаиваю себя тем, что нахожусь, как говорится, в возрасте расцвета: женской красоты, чувственности, сексуальности и духовного мира. И даже понимая, что мне уже не двадцать пять, я знаю, что могу дать фору любой молоденькой девочке, потому что я уже мудрее и терпимее, но все еще нуждаюсь в мужчине, способном меня полюбить.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Меня зовут на передачу. Тема: «Слухи и сплетни». Знаю точно, снова спросят: «Жена ли ты Диме или не жена?» Снова будут смотреть на меня через призму Нагиева. Спросите лучше у него — я-то откуда знаю.

Звоню Диме:

— Слушай, я тебе жена или не жена?

— С чего такой вопрос?

— Еду на передачу.

— А-а-а, — тянет он. — Разумеется, нет. Спроси их, кто-нибудь видел наше свидетельство о браке?

— Хорошо. — Значит, снова я, как послушная девочка, буду продолжать играть.

Роюсь в шкафу. Как просто было с Димой: «Надень вот это, это и еще то». А теперь? К черту! Надеваю хоть что-нибудь и еще вот этот плащ с пятном — жаль, что ты не видишь.

Звонит мобильный, в нем знакомый голос:

— Кстати, ты ужасно красивая.

Гудки… Ловлю отражение в зеркале — не такие глаза у красивых счастливых женщин: не горят, не играют. Что, навсегда? Нет, заблестели, ожили — как же я хороша! — и уже не важно, что потекла тушь.

Ну вот, теперь опаздываю, но на телевидении это не имеет значения — сколько не опаздывай, все равно приедешь раньше, чем все начнется. Врываюсь в комнату с надписью «грим» и плюхаюсь в кресло. Отдаюсь в руки «настоящих женщин». Среди них нет ни одной, которая позволила бы себе выйти из дома без макияжа и прически; они всегда знают, что надеть, какого тона должен быть крем и как пользоваться всяческими подушечками и примочечками. Почему-то подумалось: наверное, они еще и чулки носят.

Прошу, скорее, требую кофе или чай, но только обязательно без сахара и желательно быстро.

Ну уж нет, губы я накрашу сама — привычным движением провожу помадой. Кажется, я идеально сделаю это даже в темноте.

— Спасибо, глаза поводить не нужно — я буду в темных очках.

Теперь — распустить волосы и нанести побольше пенки. Отлично.

— Так что, кофе принесут или нет?

Девочка-гример смотрит на меня одновременно с

любопытством и некоторым раздражением. Ну и пусть. Ей-то зачем знать, что происходит со мной?

— Алиса, Ваш кофе.

Беру чашку:

— Кошмар, он же горячий!

Ухожу. Кажется, сцена удалась. А пить все-таки хотелось.

Закончившееся мельтешение — около кресла ведущего, около носа ведущего, около камер и прочих важных вещей — наконец-то перешло в съемку. Под положенные сценарием аплодисменты выхожу. Я не напрягаюсь и не нервничаю, как было со мной раньше. Я точно знаю, что чертовски хороша.

Возмущенно рассказываю самый дурацкий слух, который слышала в своей жизни, — о том, что якобы являюсь женой Нагиева. Я привыкла к этой роли — и уже не понимаю, когда говорю правду. Мое возмущение настолько искренне, что единственный человек, который продолжает верить в эту чушь — я сама.

— Кто и с чего это выдумал? Что за ерунда — кто-нибудь видел наше свидетельство о браке?

Мой невидимый суфлер должен быть доволен — я не переврала ни единого слова.

На прощание — немного объятий и громкого смеха. Я устала от софитов и шума. Но — пусть! Пусть будут и свет, и люди, и светофоры, инспекторы, пешеходы, официанты, вечерние посетители… Потому что все это создает ощущение, что я жива. Наверное, так двигаются и живут заводные куклы.

А потом наступает ночь. Безобразная, тихая, лишь дробь дождя за окном, не перекрывающая звучащей внутри тишины. Чтобы не слушать ее, есть телефон. В нем можно слышать голоса людей, в него можно кричать:

— Я не хочу!

Там не поймут, скажут:

— Я как-нибудь заеду…

Можно в ответ улыбнуться, пожелав приятного вечера; можно просто не поднимать трубку.

Ведь не станешь же объяснять, что все семнадцать лет — для него: и блеск глаз, и прически, и радость, и даже работа. Не спросишь: если нет его рядом — значит жизнь моя кончилась?!

Но ведь я продолжаю жить, хоть при этом совершенно не понимаю — как.

* * *

Она все время чего-то ждет. Ждет, что он придет и, слегка улыбнувшись, скажет:

— Я любил тебя всю свою жизнь. Я не раз обманулся, но нет никого мне дороже.

И, в глаза ее глядя, продолжает:

— Посмотри, в руках моих звезды. Они не так прекрасны, как глаза твои, но я приношу их в дар тебе.

Он колени ее обнимет:

— Солнце греет меньше, чем твоя улыбка, но и солнце тоже я дарю тебе.

Протянув к ней ладони, обманет:

— Я вернулся.

Санкт-Петербург, 2004